

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

4 (36)
2023

Научный журнал

Издаётся с 2015 года

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

В. П. Шалаев

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-59171 от 03.09.2014 г.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола)

Адрес учредителя и издателя: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3

Адрес редакции: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, каб. 426
Тел.: 8(8362)68-60-40, 8(8362)68-68-00. E-mail: sociotime@volgatch.net

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, публикующих основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и доктора наук (решение Президиума ВАК России при Министерстве образования и науки Российской Федерации от 23.03.2018 г.) по следующим направлениям: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5. Политическая социология; 5.4.6. Социология культуры; 5.4.7. Социология управления; 5.6.1. Отечественная история; 5.6.2. Всеобщая история; 5.6.3. Археология; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики; 5.7.1. Онтология и теория познания; 5.7.2. История философии; 5.7.6. Философия науки и техники; 5.7.7. Социальная и политическая философия; 5.7.8. Философская антропология, философия культуры.

Редактор русского текста *Н. М. Москвичева*

Компьютерная вёрстка *В. В. Хренков*

Подписано в печать 01.02.2024. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 10,85. Тираж 500 экз. Заказ № 1410.

Дата выхода в свет: 03.05.2024. Цена свободная.

Поволжский государственный технологический университет.

Адрес: 424000, Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3.

Отпечатано в ООО «Вертола». 424004, Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Л. Толстого, 45.

Перепечатка или воспроизведение материалов номера допускаются только с письменного разрешения редколлегии.

© Поволжский государственный технологический университет, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шалаев Владимир Павлович, д-р филос. наук, проф. (Йошкар-Ола) – главный редактор
Дахин Андрей Васильевич, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Ильин Владимир Иванович, д-р социол. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Лепский Владимир Евгеньевич, д-р психол. наук, проф. (Москва)
Полутин Сергей Викторович, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Тишкин Алексей Алексеевич, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Шатунова Татьяна Михайловна, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Хренков Вадим Владимирович, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола) – ответственный секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

• Члены редсовета в регионах России

Аршинов Владимир Иванович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Астафьева Ольга Николаевна, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Бекарев Адриан Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Беляев Владимир Александрович, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Войцехович Вячеслав Эмерикович, д-р филос. наук, проф. (Тверь)
Гавров Сергей Назипович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Гарбузов Валерий Николаевич, д-р ист. наук, проф. (Москва)
Дадаева Татьяна Михайловна, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Дашковский Петр Константинович, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Дунец Александр Николаевич, д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)
Ершов Андрей Николаевич, д-р социол. наук, проф. (Казань)
Ковалева Алла Владимировна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Косачев Константин Иосифович, канд. юрид. наук (Москва)
Кузнецов Андрей Александрович, д-р ист. наук, проф. (Нижний Новгород)
Лустенко Андрей Юрьевич, д-р филос. наук, проф. (Луганск)
Максимова Светлана Геннадьевна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Малинецкий Георгий Геннадьевич, д-р физ.-мат. наук, проф. (Москва)
Матвеева Наталья Александровна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Муза Дмитрий Евгеньевич, д-р филос. наук, проф. (Донецк)
Набиев Ринат Ахматгалиевич, д-р ист. наук, проф. (Казань)
Павлова Анжелика Николаевна, д-р ист. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Пчелина Ольга Викторовна, д-р филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Савчук Валерий Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Сергеев Сергей Алексеевич, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Смолин Олег Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Солодухо Натан Моисеевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Сомов Владимир Александрович, д-р ист. наук, проф. (Нижний Новгород)
Спирова Эльвира Маратовна, д-р филос. наук (Москва)
Сухова Мария Геннадьевна, д-р геогр. наук, проф. (Горно-Алтайск)
Черданцева Инна Владимировна, д-р филос. наук, доц. (Барнаул)
Чумаков Александр Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доц. (Барнаул)
Щелкунов Михаил Дмитриевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Широкалова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф. (Нижний Новгород)

• Члены редсовета и представители журнала за рубежом

Бабосов Евгений Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Билалов Бахадур Анвер оглы, канд. ист. наук, доц. (Баку, Азербайджан)
Ведлер Барбара, д-р, проф. (Миттвайда, Германия)
Водопьянов Павел Александрович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Зеленков Анатолий Изотович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Ибрагимов Айдын, д-р геогр. наук, проф. (Чанакалле, Турция)
Ильева Снежана, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Корабельева Соня, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Левицка Яна, д-р, проф. (Трнава, Словакия)
Перинчек Мехмет Бора, д-р ист. наук, проф. (Стамбул, Турция)
Проданов Васил, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)
Рамтун Рой, д-р, проф. (Афины, США)
Тараров Яков Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Харьков, Украина)
Тодорова Богдана, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

4 (36)
2023

Scientific journal

Founded in 2015

Published 4 times a year

Editor-in-Chief
Vladimir P. Shalaev

The journal is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media (Roskomnadzor)

Registration certificate: ПИ № ФС77-59171 from 03.09.2014

Area of distribution: Russian Federation, foreign countries

Founder: FSBEI of HE «Volga State University of Technology» (Yoshkar-Ola)

Founder office: 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square

Editorial office: 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square, room 426
Tel.: 8(8362)68-60 40, 8(8362)68 68 00. E-mail: sociotime@volgatech.net

The scientific magazine is included in the List of the reviewed scientific editions publishing the main results of theses for a degree of the candidate of science and doctor of science (the decision of Presidium of VAK (Higher Attestation Commission) of Russia at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, of 23.03.2018) in the following directions: 5.4.4. Social structure, social institutions and processes; 5.4.5. Political Sociology; 5.4.6. Sociology of Culture; 5.4.7. Sociology of Management; 5.6.1. National History; 5.6.2. General History; 5.6.3. Archaeology; 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography; 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy; 5.7.1. Ontology and theory of knowledge; 5.7.2. History of philosophy; 5.7.6. Philosophy of science and technology; 5.7.7. Social and political philosophy; 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture.

Editor *N. M. Moskvicheva*
Computer imposition *V. V. Khrenkov*

Signed in 01.02.2024. The format 70×100¹/₁₆. Offset paper.
Circulation 500 ind. Ordering № 1410.
Release date: 03.05.2024. Open price.

Volga State University of Technology.
Address: 424000, Russia, Mari El Republic, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square.
Printed in "Vertola" LLC. 424004, Russia, Mari El Republic, Yoshkar-Ola, Lev Tolstoy street, 45.

Reprint or reproduction of material numbers is permitted only with prior written permission of the editorial board

© Volga State University
of Technology, 2023

EDITORIAL BOARD

Shalaev V. P., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Editor-in-Chief
Dakhin A. V., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Ilyin V. I., Doctor of Sociology (St. Petersburg)
Lepsky V. E., Doctor of Psychology (Moscow)
Polutin S. V., Doctor of Sociology (Saransk)
Tishkin A. A., Doctor of History (Barnaul)
Shatunova T. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Khrenkov V. V., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Executive Secretary

EDITORIAL COUNCIL

• **Members of the editorial board in the regions of Russia**

Arshinov V. I., Doctor of Philosophy (Moscow)
Astafeva O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Bekarev A. M., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Belyaev V. A., Doctor of Politology (Kazan)
Voitsekhovitch V. E., Doctor of Philosophy (Tver)
Gavrov S. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Garbuzov V. N., Doctor of History (Moscow)
Dadaeva T. M., Doctor of Sociology (Saransk)
Dashkovsky P. K., Doctor of History (Barnaul)
Dunets A. N., Doctor of Geography (Barnaul)
Yershov A. N., Doctor of Sociology (Kazan)
Kovalyova A. V., Doctor of Sociology (Barnaul)
Kosachev K. I., Candidate of Philosophy (Moscow)
Kuznetsov A. A., Doctor of History (Nizhny Novgorod)
Lustenko A. Ju., Doctor of Philosophy (Lugansk)
Maksimova S. G., Doctor of Sociology (Barnaul)
Malinetsky G. G., Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow)
Matveeva N. A., Doctor of Sociology (Barnaul)
Muza D. E., Doctor of Philosophy (Donetsk)
Nabiyev R. A., Doctor of History (Kazan)
Pavlova A. N., Doctor of History (Yoshkar-Ola)
Pchelina O. V., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Savchuk V. V., Doctor of Philosophy (Saint Petersburg)
Sergeyev S. A., Doctor of Politology (Kazan)
Smolin O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Solodukho N. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Somov V. A., Doctor of History (Nizhny Novgorod)
Spirova E. M., Doctor of Philosophy (Moscow)
Sukhova M. G., Doctor of Geography (Gorno-Altaysk)
Cherdantseva I. V., Doctor of Philosophy (Barnaul)
Chumakov A. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Shashkova Y. Y., Doctor of Politology (Barnaul)
Shchelkunov M. D., Doctor of Philosophy (Kazan)
Shirokalova G. S., Doctor of Sociology (Nizhny Novgorod)

• **Members of the editorial board of the journal and representatives abroad**

Babosov E. M., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Bilalov B., Candidate of Philosophy (Baku, Azerbaijan)
Wedler B., Doctor, prof. (Mittweida, Germany)
Vodopianov P. A., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Zelenkov A. I., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Ibragimov A., Doctor of Geography (Chanakalle, Turkey)
Ilieva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Korabelyeva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Levická J., Doctor of Philosophy (Trnava, Slovakia)
Perinçek M. B., Doctor of History (Istanbul, Turkey)
Prodanov V., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)
Ramtun R., Doctor of Philosophy (Athens, USA)
Tararoiev Y. V., Doctor of Philosophy (Kharkiv, Ukraine)
Todorova B., Doctor of Philosophy (Sofia, Bul

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора	7
--------------------------------	---

ФИЛОСОФИЯ

Думаревский Д. Б.

Категория свободы в субстанциалистской и личностной онтологиях	9
--	---

Жупник О. Н.

Студенческая семья: первая попытка? (социально-философский анализ)	24
--	----

Петров А. В.

Всеобщее в особенном: универсальная аксиология в концепции традиционных российских духовно-нравственных ценностей	35
--	----

Сорокин К. А.

«Апостол» и «гений»: два солнца в пространстве европейской традиции. Эстетическая рефлексия в историко-философском контексте	51
---	----

СОЦИОЛОГИЯ

**Семилет Т. А., Фотиева И. В., Манскова Е. А., Лукашевич Е. В.,
Деминова М. А., Витвинчук В. В., Дыдыкина Е. Ю.**

Хабитуализация модернизационных журналистских практик в актуальном культурно-коммуникативном пространстве (круглый стол ученых)	65
---	----

ИСТОРИЯ

Палей Д. А., Маркосян А. А.

Роль институтов публичной дипломатии и этнического лоббизма в американо-кубинских взаимоотношениях в период 1960–2022 гг.	82
---	----

Пуневский Я. В.

Деятельность органов городского общественного управления Ярославской губернии в области противопожарной безопасности в 1870–1914 гг.	106
---	-----

Подготовка и порядок приема рукописей	121
---	-----

CONTENTS

Column of the Editor-in-Chief	7
-------------------------------------	---

PHILOSOPHY

Dumarevsky D. B.

The category of freedom in the substantialist and personal ontology	9
---	---

Zhupnik O. N.

Student family: first attempt? (social and philosophical analysis)	24
--	----

Petrov A. V.

The universal in the special: universal axiology in the concept of traditional russian spiritual and moral values	35
--	----

Sorokin K. A.

"Apostle" and "genius": two suns in the space of European tradition. Aesthetic reflection in the historical-philosophical context	51
--	----

SOCIOLOGY

Semilet T. A., Fotieva I. V., Manskova E. A., Lukashevich E. V.,

Deminova M. A., Vitvinchuk V. V., Dydykina E. Yu.

Habitualization of the modernizing journalism practices in current cultural-communicative space (a round table of scientists)	65
--	----

HISTORY

Paley D. A., Markosyan A. A.

The role of public diplomacy institutions and ethnic lobbying in US-Cuban relations in the period 1960–2022	82
--	----

Punevsky Ya. V.

Activities of the city public administration of the Yaroslavl province in the field of fire safety in 1870–1914	106
--	-----

Preparation and procedure for acceptance of manuscripts	121
---	-----

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Тридцать шестой номер журнала «SocioTime / Социальное время» традиционно отличает широкая палитра представленных работ, охватывающих актуальные вопросы современного человека и общества и носящих проблемный характер. Центральное место в номере занимает проблематика российского общества, продолжающего свое развитие в непростых условиях современности.

В новом выпуске журнала опубликовано семь научных работ. География номера охватывает исследователей семи крупных российских научных центров – Санкт-Петербурга, Симферополя, Москвы, Нижнего Новгорода, Барнаула, Омска, Екатеринбурга.

В первом разделе «**Философия**» представлены четыре научные работы. В статье **Д. Б. Думаревского** (*Волжский государственный университет водного транспорта, г. Нижний Новгород*) исследована категория свободы в субстанциалистской и личностной онтологиях. Статья автора из Крыма **О. Н. Жупник** (*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь*) посвящена социально-философскому анализу современной студенческой семьи и ее первого опыта. В исследовании **А. В. Петрова** (*Омская академия МВД России, г. Омск*) реализован опыт анализа всеобщего в особенном в универсальной аксиологии в концепции традиционных духовно-нравственных ценностей. В работе **К. А. Сорокина** (*Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург*) представлен историко-философский контекст анализа образов апостола и гения как двух солнц в европейской традиции эстетической рефлексии.

Второй раздел «**Социология**» содержит одну научную работу. В коллективной статье авторов **Т. А. Семилет, И. В. Фотиевой, Е. А. Мансковой, Е. В. Лукашевич, М. А. Деминовой, В. В. Витвинчук, Е. Ю. Дыдыкиной** (*Алтайский государственный университет, г. Барнаул*) в режиме круглого стола проведен анализ феномена хабиитуализации модернизационных журналистских практик в актуальном культурно-коммуникативном пространстве.

Третий раздел «**История**» представлен двумя научными работами. В коллективной статье авторов из Санкт-Петербурга **Д. А. Палей** и **А. А. Маркосян** (*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург*) проведен анализ роли институтов публичной дипломатии и этнического лоббизма в американо-кубинских взаимоотношениях в период 1960–2022 гг. В труде **Я. В. Пуневского** (*Государственный университет просвещения, г. Москва*) исследована деятельность

органов городского общественного управления Ярославской губернии в области противопожарной безопасности в 1870–1914 гг.

Редколлегия «SocioTime / Социальное время» приветствует исследовательские работы авторов из России и зарубежных стран, посвященные творческому осмыслению актуальных процессов и проблем развития человека и общества в профиле основных разделов журнала. Отдавая дань уважения маститым авторам, мы уделяем особое внимание поддержке молодых исследователей, стремясь сохранить и развить научный диалог поколений, представляющих различные пространственно-временные континуумы развития современной философии, социологии и истории в области актуальных проблем рационального понимания современной цивилизации и культуры, человека и общества. Наша журнальная площадка открыта для творческих обсуждений и дискуссий. «SocioTime / Социальное время» – это, несомненно, наше единое время, здесь и сейчас!

Адрес редакции: 424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Поволжский государственный технологический университет, факультет социальных технологий, каб.: 426, 430а.

E-mail: sociotime@volgatech.net, ksnt@volgatech.net

Тел. редакции: 8(8362)68-68-00, 8(8362)68-68-40.

С требованиями к оформлению статей, правилами их публикации, а также антологией выпусков можно ознакомиться на сайте нашего журнала (<https://www.volgatech.net/sociotime/>) или в системе Elibrary.

Уважаемые исследователи актуальных проблем философского, социологического и исторического знания, редколлегия желает вам оптимизма, неустанных творческих исканий и успехов на путях научного познания и нашего совместного труда по обретению опыта в деле совершенствования человека и общества в единой истории и культуре.

В. П. Шалаев,
доктор философских наук, профессор

УДК 14

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.9

КАТЕГОРИЯ СВОБОДЫ В СУБСТАНЦИАЛИСТСКОЙ И ЛИЧНОСТНОЙ ОНТОЛОГИЯХ

Д. Б. Думаревский

*Волжский государственный университет водного транспорта, г. Нижний Новгород
(Россия)*

Введение. В статье рассматривается проблематика свободы в контексте более широкой – онтологической проблематики. Категория свободы исследуется через сопоставление ключевых идей классического идеализма с подходами, используемыми в религиозной, конкретно – православной философии. В центре внимания находится вопрос о соотношении двух самостоятельных теоретических направлений: немецкого классического идеализма и православного богословия.

Методы. Проблема свободы исследуется в двух взаимосвязанных аспектах. Во-первых, в аспекте историзма, то есть путем выявления ключевых фактов истории философии. Здесь мы затрагиваем философские идеи первых веков христианства, Нового времени, современности. Во-вторых, в логико-теоретическом аспекте, то есть посредством конкретизации используемых понятий, которые подразумевают их содержательное обогащение.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Представители немецкой классической философии проявляли к понятию свободы не просто исследовательский интерес, но и декларировали свободу в качестве исходного концептуального принципа. В статье, в частности, приводятся суждения Шеллинга, касающиеся понятия свободы. Немецкий мыслитель толкует свободу как атрибутивное свойство субъекта: свобода есть концентрат субъектности, его (субъекта) абсолютно деятельное начало.

Понимание свободы в философии Гегеля связано с его логической теорией, конкретно – с учением о сущности. В «Науке логики» разработаны и систематически изложены так называемые формы сущности. Нам представляется, что формы сущности или определения рефлексии служат в качестве универсальных форм выражения природы любого предмета. В статье также уделяется внимание понятию субстанции в том виде, как оно представлено у Гегеля. Излагается критический взгляд на рационалистическую, сугубо логицистскую версию субстанции.

Особый акцент в статье сделан на фундаментальном принципе православного богословия – принципе монархии Отца. Указанный богословский принцип концентрированно выражает порядок отношений Лиц Пресвятой Троицы. Для построения православной онтологии в целом, начала которой были заложены Отцами каппадокийского кружка, проблематика внутритроических отношений является базовой, исходной.

Заключение. В философской метафизике понятие свободы остаётся связанным с причинно-следственным порядком бытия. Иначе говоря, свобода остаётся производной от необходимости. Это свидетельствует об ограниченности рационалистической философии в целом. Напротив, будучи включённым в православный богословский контекст, понятие свободы расширяется до категориального масштаба.

Ключевые слова: бытие, свобода и необходимость, сущность, субстанция, определения рефлексии, ипостась, личностная онтология.

Введение. В свое время О. Г. Флоровский в письме к П. Б. Струве сформулировал дилемму *всей культуры*. Указанная дилемма состоит в противопоставлении между «философией лица» и «философией вещи», «свободы» и «необходимости» [1, с. 128].

На самом деле действительность, будучи взятой исключительно со стороны причинно-следственных связей, превращается в совокупность отвлечённых предметностей, в реальность субординированных сущностей. Эта связанность (возможно – систематизированная; возможно – хаотичная) отдельных сущностей сама по себе лишена ценности и смысла. Причинно-следственный, каузальный порядок значим только лишь в контексте познания. Природа, взятая в качестве познаваемой реальности, воплощается в *объект*, иначе – трансформируется из эмпирически данной в особенную символическую форму, отражающую лишь сторону *необходимости*.

Противоположное понятие – понятие свободы – занимало умы представителей немецкого идеализма самым серьёзным образом. Несомненный интерес представляют размышления Ф. В. Й. Шеллинга, который исследовал вопрос о соотношении бытия и свободы. В письмах к Гегелю Шеллинг указывает на высший принцип философии: «...высший принцип всякой философии есть Я, причём Я, которое не обусловлено объектом, но дано посредством свободы» [2, с. 221]. Кроме того, при построении своей системы трансцендентального идеализма немецкий мыслитель определённо заявляет, что начало и конец данной системы есть *свобода*. Свобода первична по отношению к бытию, которое «в этой системе – лишь снятая свобода» [3, с. 264]. Толкование понятия свободы Шеллингом предвосхищает, очевидно, экзистенциальное её понимание. В этой связи уместно вспомнить творчество Н. Бердяева, который разрабатывал понятие о добытийной свободе, основываясь, в свою очередь, на мистическом учении Я. Бёме.

Во «Введении в философию» Шеллинг предлагает суждение, смысл которого можно свести к следующему: если мы последовательно отнимаем у бытия все его качества, отрицаем все его предикаты, то неизбежно приходим к идее некоей первосущности. Немецкий мыслитель утверждает: «...все предикаты объединяются в конечном счете в одном предикате, а именно в бытии, которое я называю свойственным, предметным бытием... Если же мы мысленно удалим всё, имеющее ха-

рактик свойства, то в конце концов останется как неотмыслимое бытие в субстанциональном смысле» [4, с. 300].

Мы конкретизируем вышеприведённое суждение следующим образом. Первосущность, на которую указывает Шеллинг, будучи беспредикативной, должна быть совершенно независимым началом. Такое начало, оставаясь полностью автономным, не соотносится обязательно с отдельным, конкретным существованием, но может быть соотнесено со всем бытием в целом. Таким образом, в размышлениях Шеллинга содержится указание на саму *возможность* бытия. Возможность быть предстает именно как субъект: «Так как всеобщим предикатом является только бытие, то субъект бытия может быть **чистой способностью быть**. Последняя представляется как ...чистая изначальная способность быть; она не предметна...» [5, с. 300].

Приведённые онтологические суждения Шеллинга напрямую связаны с его критикой кантовской концепции трансцендентального идеала. В работе «Об источнике вечных истин» Шеллинг высказывает следующее суждение: «...рассудочному определению вещей принадлежит идея совокупности **возможности** или совокупности всех предикатов. Именно её имеет в виду послекантовская философия, говоря об идее без дальнейших определений...» [6, с. 292]. Шеллинг сопоставляет понятие идеала с понятием идеи: «Не идея для идеала, а идеал для идеи – причина её бытия, отчего и говорят, что благодаря идеалу идея **становится действительной**» [там же]. Всеобщее, таким образом, не обладает субъектностью – действительным бытием является индивид, но не материя. Единичная сущность предстает как предельная конкретность, в которой заключено совершенство – идеал.

В связи с этим зададимся вопросом: какое свойство субъекта можно назвать его неотъемлемым качеством? Иначе говоря, в чём состоит сама его субъектность, каков её главный предикат? Представляется, что именно свобода составляет искомую характеристику – атрибутивное свойство субъекта. Абсолютное начало, воплощающее в себе совершенство свободы, предельно энергично, абсолютно деятельно.

Сущность, будучи абсолютно действенной и содержащей в себе полноту свободы, и есть субъект в собственном смысле. Современный исследователь П. В. Резвых в своей статье, посвящённой интерпретации Шеллингом кантовского тезиса о бытии, справедливо указывает на то, что «истолкование бытия как предиката неизбежно приводит к понятию творения» [7, с. 303]. Представляется, что именно этим объясняется интерес к творчеству Шеллинга со стороны славянофилов. И. Киреевский вообще характеризовал философию Шеллинга как вершину западноевропейского рационализма. Такая высокая оценка со стороны представи-

теля раннего славянофильства базируется в целом на определённом понимании самим Шеллингом целей и задач философии.

Ключевая онтологическая идея немецкого мыслителя просматривается в его утверждении о том, что «понятие творения есть подлинная цель положительной философии». Очевидно, здесь мы имеем дело с попыткой разработки философии креационизма, центральной идеей которой является утверждение «чистого» субъекта, абсолютного деятеля. Последний обладает совершенной свободой – свободой безо всяких внешних ограничений. Полнота и совершенство свободы субъекта означают максимум его возможностей, включая и творение самого бытия. Таким образом, «чистая» субъектность становится тождественной абсолютной творческой силе.

При обращении к теологии Шеллинга видим, что она носит умозрительный характер. В работе «Об источнике вечных истин» Шеллинг истолковывает понятие Бога как «понятие всех понятий», идею, объемлющую в себе всё сущее: «Бог не содержит в себе ничего, кроме чистого «есть» собственного бытия; однако то, что он есть, не было бы истиной, если бы он не был нечто – нечто, разумеется, не в смысле некоего сущего, но в смысле всего сущего...» [8, с. 292]. Упомянутое божественное нечто являет собой неопределённость, отвлечённость, отсутствие конкретности. Все приведённые характеристики означают не свободу в полном и совершенном смысле, а скорее стихийное действие, беспорядочный порыв к свободе. Парадоксальным образом это иррациональное начало сочетается у Шеллинга с абстрактно-логическим пониманием божества, которое он демонстрирует в вышеуказанной работе.

Методы. Применяемая нами методология опирается, во-первых, на принцип историзма, устанавливающий внутренне необходимую связь фактов, а во-вторых, на такую логическую структуру, которая выступает как осуществление, раскрытие собственных форм, как *генезис* составляющих её (структуры) понятий. Таковой структурой служит «цепочка» форм сущности (определений рефлексии), представленная в гегелевской «Науке логики».

Эвристическое значение форм сущности, их познавательный ресурс заключаются в том, что в них отображается реальное содержание предмета через важнейшие события *его истории*. Онтологизация логики совершается посредством историзма через установление связи фактов реальной истории. Опосредованные формами сущности исторические факты становятся мыслимыми конкретностями, раскрываются как существенные факты.

В контексте онтологических размышлений мы обратились к логическому учению Гегеля, в котором понятие бытия выступает исходным – служит началом всей категориальной системы. У Гегеля «истина бытия – это сущность». Сущность реа-

лизуется – проявляет себя в бытии, в чём и состоит её абсолютный творческий принцип. Самое важное в гегелевском учении о сущности – это раскрытие её действительного, энергийного характера.

Гегель выводит своего рода «закон» сущности – «сущность должна являться». В процессе отражения сущность *полагает* себя на поверхности бытия. Последнее положение представляется наиболее значимым, так как в нём отражена истина *необходимости*. Необходимость, в свою очередь, раскрывается как единство закономерности и случайности.

В понимании Гегеля бытие – это непосредственность, подлежащая отрицанию, преодолению в сущности. Существование действительно в силу структурирования его сущностью. Бытие детерминировано, причинно обусловлено, а сущность выступает в качестве его основания. Последовательность форм самой сущности (тождество – разность – противоположность – противоречие – основание) выражает внутренний – причинно-следственный порядок бытия.

Для Гегеля свобода – это и есть сущностное изменение бытия, его самодвижение. Свобода заключена в самом начале процесса *развития* мыслимого предмета как исходное тождество противоположностей. Гегель выразил в логических формах путь имманентного, внутренне необходимого изменения вещи. В этом движении самополагания вещь предстаёт как развивающийся объект – объект с прогрессивно изменяющейся структурой.

Категория бытия отражает прежде всего непосредственное единство (тождество) предмета с объектом, то есть характеризует начало процесса познания, в котором пока ещё отсутствуют специфические определения и характеристики. В «Науке логики» категория бытия рассматривается, начиная с предельно умоизмерительной формы, с понятия чистого бытия. Чистое бытие представляет собой начальную абстракцию, имеющую ничтожную определённости. Понятие чистого бытия, бытия вообще, в силу своей бессодержательности, тождественно своей противоположности – небытию. Бытие несёт в себе собственное отрицание – небытие, то есть содержит в себе элемент сущности. В ходе этих размышлений Гегель доводит понятие бытия до *идеальной* ясности, до формы **противоречия**: бытие вообще, как таковое, тождественно небытию [9, с. 248]. В целом, опыт категориального выражения бытия обязательно связан с учётом совершенно иного – небытия.

Гегель показал, что противоречие «стоит» за всеми формами сущности и обладает *развивающим* действием. Развитие понятия совершается как последовательное разворачивание определений рефлексии: начинается с формы тождества, переходит к форме разности, далее через формы противоположности и противоречия – к завершающей форме основания.

Эвристическое значение определений рефлексии, сам познавательный ресурс этих логических форм заключаются в том, что в них отображаются реальное содержание предмета, важнейшие факты *его истории*. Онтологизация логики совершается посредством историзма через установление связи фактов реальной истории. Опосредованные формами сущности исторические факты становятся мыслимыми конкретностями, раскрываются как существенные события.

Нам представляется необходимым указать на важность раздела «Наука логики», посвящённого формам сущности, так называемым определениям рефлексии [10, с. 269–286]. Дело в том, что этому вопросу далеко не всегда уделяется должное внимание. В частности, в учебнике В. П. Лега [11] при рассмотрении гегелевской философии совершенно не принимается во внимание учение о формах сущности.

Итак, в чисто логическом плане бытие остаётся бессодержательным понятием – совершенно идеальным. Слово «бытие» связано с глаголом «быть»: быть в мысли – значит быть предельно абстрактно, в чистом виде. Оставаясь в пределах собственной ограниченности, бытие представляет собой ничтожную определённость – кажимость для мысли.

Первоначально бытие существует лишь как нечто совершенно неразличное в себе, *несущественное*. В процессе развития бытийное тождество дифференцируется внутри себя и входит в новое – **обоснованное** существование. Опосредуясь сущностью, бытие переходит из потенциального в актуальное, становится собой. Бытие, заданное сущностью, – это индивидуальность, конкретность.

Бытие вещи представляет собой развёрнутый во времени процесс. Так же и сущность: будучи сущностью определённого, конкретного бытия, она изменчива, динамична. В «Науке логики» отражён этот динамизм сущности, которая «есть то, что она есть, не через чуждую ей отрицательность, а через собственное бесконечное движение бытия».

Исходное тождество противоположностей, то есть противоречие, выступает как самополагающее начало. В «Энциклопедии философских наук» Гегель говорит о бесконечном движении в сфере наличного бытия, где «нечто становится неким другим, но другое само есть некое нечто; следовательно, оно само в свою очередь также становится неким другим и т. д. до бесконечности».

Используя риторический «ресурс» категории бытия, Гегель, фигурально выражаясь, завершил работу, начатую ещё Парменидом. Последний, как известно, выдвинул формулу «бытие есть, а небытия нет». Первейший признак бытия, открытый античным мыслителем – это его (бытия) полное равенство с собой, его самотождественность. В связи с этим представляется обоснованным то, что Гегель в «Науке логики» в ряду определений рефлексии (форм сущности) на первое место

поставил именно тождество. Тождество – первая сущностная характеристика бытия, начальная форма сущности.

Гегелевский идеализм носит абсолютный характер: достигнув предельного логицизма, мысль обретает предельную свободу – свободу рефлексии. Разделяя и синтезируя понятийные формы мышления, рефлектирующий субъект становится совершенно самодостаточным. Его активно-творческая природа целиком раскрывается в *методе* познания, который Гегель образно охарактеризовал как «сам себя определяющий путь».

В онтологии Гегеля субъектом бытия выступает Мировая Идея, которая, различаясь в себе и отчуждаясь в природу и социум, в конечном итоге приводит бытие к единству с собой. Гегель абстрагирует представление о духовном начале до сугубо умозрительного вида – до понятия Мировой Идеи. Последняя полагает себя в собственном *инобытии*: оставаясь понятийной формой бытия, осуществляется в вещах природы и событиях истории как субъект.

О духе как целостном начале Гегель высказывается в своих лекциях по эстетике. Дух имеет величину и направленность: «истинная мера величия и силы определяется лишь тем, насколько велика и сильна противоположность, которую преодолевает дух, чтобы возвратиться к своему внутреннему единству» [12].

В основе гегелевского историзма лежит понятие субстанции как субъекта. В его «Философии истории» понятие субстанции фигурирует вместе с принципом тождества мышления и бытия. Здесь субстанция становится субъектом, что означает ее отличие от природной эволюции, а развитие духа совершается посредством сознания и свободы, исходящих из борьбы противоположностей. Средствами, инструментами этого движения становятся индивиды и социальные общности с их интересами и страстями.

Субстанция у Гегеля имеет свойство субъекта, то есть вещи, обладающей самосознанием. Сам Гегель называет это духом. Дух (нем. *Geist*) осуществляет себя и в становлении индивидуального сознания («Феноменология духа»), и в исторических формах и видах сознания народов («Философия истории»).

Гегель описывает субстанцию как становящуюся абстракцию, то есть рассматривает генезис её понятия. Это рефлектирующее движение и есть свобода: «Единство субстанции есть её отношение необходимости; но последняя есть, таким образом, лишь *внутренняя необходимость*; полагая себя через момент *абсолютной отрицательности*, она становится *проявившимся или положенным тождеством* и тем самым *свободой*, которая есть тождество понятия» [13, с. 10-11]. Свобода, как мы видим, редуцируется к абстрактной умозрительности, к абсолютной отрицательности, к чисто логицистской форме.

В понятии субстанции-субъекта отражается отрицательность понятия, его негативность по отношению к бытию. «Субстанция как субъект есть чистая *про-*

стая негативность... только это *восстанавливающееся* равенство или рефлексия в себя самое в инобытии... есть то, что истинно. Оно есть становление себя самого, круг...» [14, с. 9].

Использование Гегелем образа круга неслучайно: в непрерывном взаимодействии, в движении рефлексии между сущностью и бытием заключается принцип активности субстанции. Истина субстанции есть её *восстанавливающееся* равенство, иначе – бесконечно продолжающийся процесс основоположения, отрицание отрицания.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Философский субстанциализм Гегеля стал своего рода квинтэссенцией философского монизма, историческим началом которого следует считать всю совокупность течений античной философии. Субстанциализм Гегеля (впрочем, как и последующего за ним марксизма) характеризуется господством безличных причинно-следственных отношений. Однако в систему причинно-следственных связей, в структуру необходимости не вписывается свободная воля человека, которая неразрывна с внутренним исканием, с собственно духовностью. Стремления индивидуального человеческого духа редуцируются в учении Гегеля к способности рационального отражения бытия, к односторонности познавательной активности.

В описании концептуальных положений немецкой классики мы стремились показать, что философский субстанциализм содержит коренной порок – он неизбежно приводит к потере субъектности. Утверждение субстанции в качестве субъекта исключает, соответственно, субъектность её модусов. Личностная реальность неизбежно редуцируется к природному основанию и лишается тем самым ценностного содержания.

Для немецкого классика подлинно свободным остаётся бытие самой мысли, того мысленного усилия, которое направлено на постижение себя самого. В мышлении, которое для Гегеля является высшим уровнем человеческого сознания, возникает ситуация «монолог умуозрения с самим собой». Соответственно, логика сужается до состояния «чистой логики» абсолютного идеализма [15, с. 112]. В целом, немецкий идеализм рассматривает проблематику свободы интеллектуалистски, то есть в рамках понятийной её (свободы) определённости. И. Г. Фихте, в частности, указывает на то, что «наше синтетическое понятие есть свобода и определённость в одном: свобода как начало, определённость как именно такое начало».

Недостаточность того типа онтологии, которую мы рассматривали выше, заключается в том, что «единое» (природа) обладает в ней преимуществом перед «многими» (лицами). Подобное представление, в котором понятие сущности превосходит понятие личности, действует ещё в древней философии: начиная со времён классической античности, сущность предшествует личности.

Каппадокийские Отцы в IV веке разработали начала онтологии, принципиально отличающейся от эллинской. Это личностная, персоналистская онтология. Согласно пониманию современного греческого мыслителя Иоанна Зизиуласа, Отцы каппадокийского кружка исходили из того, что истина укоренена в Боге, «в нетварном существовании которого нет примата «единого», или природы над «многими» или лицами [16, с. 210]. Кроме того, они «разрабатывали онтологию Божества, пользуясь библейским, а не греческим пониманием бытия» [там же, с. 202]. Кроме того, вышеназванный современный мыслитель формулирует важнейший тезис православной онтологии: «начало» или «причина» бытия, то есть то, благодаря чему всё существует, не есть ни сущность, ни природа, а только личность или ипостась. Поэтому бытие имеет своим источником не субстанцию, а лицо» [17, с. 37]. В указанной «логике Отцов» началом (aitia) выступает именно ипостась, а не природа. По сравнению с эллинской философией, вышеназванный подход следует считать настоящей новацией.

Православная онтология – подлинно деятельностная, так как описывает процесс во-ипостазирования. Здесь понятие природы (в том числе и природы человека) обретает своё настоящее место и значение.

В православном богословии сформулированы фундаментальные принципы, начало разработки которых относится к IV веку: Отцами Восточной Церкви было проведено разделение понятий сущности и ипостаси, которая наполнялась личностным содержанием. В концентрированном виде эти теоретические достижения выражены современным греческим философом Хр. Яннарасом: «В конечном счёте различие проводится между способом бытия, то есть личностью как абсолютной инаковостью, и интеллектуальным схватыванием сущности, то есть сущего как общего, как общности предметных признаков» [18, с. 102]. Итак, в IV веке в пределах богословской проблематики – проблематики бытия Божьего – был поставлен вопрос о самом способе бытия. Православные богословы – Отцы каппадокийского кружка, говоря о Боге, что он есть, указывали на форму, способ его бытия; причину, источник данного бытия.

Догматическое богословие христианской Церкви стало результатом многотрудной борьбы с еретическими учениями. Важнейшее значение имеют выводы и решения Константинопольского собора 381 года. Здесь рассматривалась проблематика соотнесенности единой сущности божества с различием божественных лиц: Бога-Отца, Бога-Сына и Святого Духа. Специфика православной онтологии заключается в том, что категория свободы неразрывно связана здесь с триадологией, с учением о Боге-Троице, и, в конечном счёте, с богословским принципом единовластия Отца. Святые Отцы Восточной Церкви указывали на то, что формой и способом божественного бытия служат отношения Лиц Святой Троицы, а источник или причина этих отношений – ипостась Бога-Отца. Принцип единовластия

(монархии) Отца, сформулированный богословами каппадокийского кружка, выступает в качестве основного теоретико-методологического принципа православной онтологии. Вышеуказанный принцип митрополит Иоанн Зизиулас акцентирует так: «Бытие Божье, Святая Троица, имеет причиной не божественную сущность, а Отца, то есть конкретное существо» [19, с. 202].

В собственно философском смысле первенство ипостаси Отца означает общий онтологический порядок превосходства личностного начала над природным. В православном богословии XX века понятие божественного бытия концентрируется в ипостаси Отца, которая обладает полнотой свободы и благодати. К примеру, Христос Яннарас отмечает, что единая ипостась Отца, то есть лицо Отца, является принципом различения свойств божественных ипостасей [20, с. 45].

Личность Отца суть причинная основа Божественного бытия, бытия как личностного отношения – общения. Общение Божественных Лиц – бытие Святой Троицы – задаёт совершенно определённый смысл и всякому конкретному бытию, и каждому лицу. В богословии афонских старцев опыт обретения человеком ипостасного начала, его обожение толкуется как исключительный дар христианства.

Ипостась Отца символизирует творческое действие, раскрывает принцип превосходства воли над природой, и эта благая творческая воля сообщает истинное бытие всем существам. Единая ипостась Отца выражает не какое-либо качество бытия, не сущностно определённое (количественно измеряемое) единство, но совершенную возможность действия, абсолютно свободную волю. Полнота и совершенство творения не могут заключаться в переходе от одного вида природы к другому, ограничиваться изменением качества бытия. Творение бытия не обусловлено ничем, это свободное благодеяние. Творческое созидание, устройство бытия, смысловой организации жизни и есть её подлинное начало. Только такое начало не стеснено каузальностью – причинно-следственным порядком, но выступает как воление, чистое действие, энергийность.

В онтологии важна не просто логически связанная дефиниция, охватывающая большее или меньшее содержание, но также и её практическая направленность, то есть деятельностный аспект.

Опыт христианской монашеской жизни отражён в богословии афонского старца Софрония (Сахарова), где отмечается, во-первых, что бытие Бога является безусловным, иначе – чистым фактом; во-вторых, Троица представляет собой «Бытие предельно динамическое» [21, с. 25].

Указанный динамизм и есть отношение Божественных Лиц – Отца, Сына и Святого Духа – не бессмысленное взаимодействие, подобное взаимодействию природных сущностей, но направленная реализация свободы. Предвечное рождение Сына Отцом и изведение Святого Духа и есть сама свобода в действии, в со-

бытию самораскрытия. Понятие экстазиса, введённое преподобным Максимом Исповедником, как раз и отражает эту абсолютную деятельность Бога.

В православном богословии понятие о Боге содержательно связывается с действием и определённой свободой. Божественная жизнь характеризуется отсутствием сущностной структуры, природной соотносительности, последовательности причин и следствий. Данное посредством Откровения содержание божественной жизни как раз и заключается в личностных – ипостасных отношениях. Роуэл Кентерберийский так определяет это содержание, состоящее в безусловной свободе обращенности Бога Отца к Богу Сыну и Святому Духу: «Отец никогда не существует сам по себе и не есть просто одна из трёх находящихся друг подле друга божественных ипостасей; именно Его абсолютная свобода быть всецело для Иного и в Ином и составляет источник и основание троической жизни» [22, ix].

Совершенство свободы не может быть отражено рационалистической мыслью, которая отправляется от бытия как данности, от логической определённости тождества. Определение бытия должно содержать некоторое внутреннее отношение, иначе – некоторый способ раскрытия его самого. Согласно православной онтологии, подлинно сущее может быть понято исключительно «через себя», через рассмотрение внутреннего отношения бытия, *сущности как отношения*.

Рефлексия, соотносительность понятий «сущность» и «ипостась» становятся в православном богословии основным методологическим приёмом. Начиная с Леонтия Византийского, утверждалось: природа (физис) сама по себе – это абстракция и, в целом, безипостасной природы не существует [23, с. 42]. Иоанн Дамаскин также определённо высказывался по этому поводу: «...личность имеет общее (родовое) вместе с отличительными особенностями, а также самостоятельное бытие. Сущность же не имеет самостоятельного бытия, но усматривается в личностях» [24, с. 200].

Примером соотнесённости понятий «сущность» и «ипостась» служат определения Халкидонского ороса. Во-первых, здесь в словах «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно» выражен порядок соединения природ: божественной и человеческой. И главное: это сочетание – «срастворение» – природ совершается в Личности Богочеловека Иисуса Христа. Таким образом, мы находим понятийную формулу, отражающую процесс во-ипостазирования сущности. Понятие во-ипостазирования, в конечном итоге, означает предельный смысл деятельности, а именно сочетание, соотнесение природ в единство личности.

Категория свободы подразумевает собой выбор альтернатив, содержание которых не исчерпывается какой-либо физической или социальной необходимостью. Соответственно, и в деятельности человека присутствует выбор, который предполагается нравственным порядком. В нравственном бытии действует предельное различие добра и зла. И это не просто их поляризация, диалектическая двой-

ственность, но и абсолютное разделение, совершённая несводимость их друг к другу.

Заключение. Духовно-практический смысл православной онтологии задаётся общехристианской идеей спасения.

Сотериологическая составляющая триадологии сводится к аскетически деятельному устремлению, выраженному формулой: «к Отцу через Сына в Духе Святом». Указанное стремление можно характеризовать как безусловное, абсолютно целенаправленное действие. В этом устремлении раскрывается подлинная субъектность человека.

Независимая от природы, подлинно суверенная воля личности обращена к другой личности (личностям), и тем самым она есть благое действие. Таким образом, ипостасность (личностность) раскрывается в определённости полной и совершенной свободы. Свобода в своём предельном – категориальном смысле не может быть производной от общего, универсального начала, но может выступать исключительно в качестве *субъекта*.

Оставаясь в парадигме субстанциализма, мы имеем дело с отрицательным типом свободы («свободы от»), то есть со свободой, предпосылаемой внешними условиями. В положительном смысле свободен именно абсолютный субъект – сущий – действующий вне природной, причинно-следственной определённости. Воля Бога-Творца представляет собой именно такое – безусловное стремление и, будучи совершенным действием, осуществляется как подлинная свобода.

Христианское богословие базируется на монотеистических принципах и исходит из догматических установлений, выработанных соборным разумом Церкви. В онтологии, которая берёт свои начала в библейском Откровении, бытие рассматривается не просто как взаимодействие природных единичностей, но как свободное отношение полноценных субъектов, то есть как духовное *общение* личностей. Превосходство подлинно христианской онтологии, включающей в себя понятие ипостасности, состоит в обосновании для каждого человека возможности суверенного бытия. Ипостасность (личностность) означает определённость полной и совершенной свободы. В целом, православную онтологию можно определить как онтологию личностного действия. К сказанному следует добавить суждение Григория Нисского, согласно которому человеческая личность обладает свободой, так как несёт в себе образ Божий.

В православной – персоналистской онтологии свобода манифестируется не просто как суверенная от природы воля личности, но и как обращённое к другой личности (личностям) **благое** действие. В данном положении мы усматриваем основное превосходство православной онтологии над философским субстанциализмом.

Список литературы

1. Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998.
2. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. М., 1973. Т. 2.
3. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. 637 с.
4. Shelling F. W. T. Einleitung in die Philosophie. Bad-Cannstlt, 1998. S. 92-93. Цит. по: П. В. Резвых. Поздний Шеллинг и Кант // Историко-философский ежегодник. 2002 / Институт философии. М.: Наука, 1986–2002. 2003.
5. Shelling F. W. T. System der Weltalter / Hrsg. v. S. Peetz. Frankfurt a. M., 1996. S. 120-121. Цит. по: П. В. Резвых. Поздний Шеллинг и Кант. С. 300.
6. Shelling F. W. T. Sammtliche Werke. Stuttgart; Augsburg. 1859. Т. 62, SW11, S. 585-586. Цит. по: П. В. Резвых. Поздний Шеллинг и Кант. С. 292.
7. Резвых П. В. Поздний Шеллинг и Кант. С. 303.
8. Шеллинг Ф. В. Т. Избранные произведения. Штуттгарт, Аугсбург, 1859. Т. 62. 587 с.
9. Гегель Георг Вильгельм Фридрих. Наука логики: в 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1971. 248 с.
10. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук // Наука логики. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 269 – 286.
11. Лега В. П. История западной философии: в 2 кн. Кн. II. Новое время. Современная западная философия: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Издательство ПСТГУ, 2009. 454 с.
12. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 6 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 187.
13. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 2. Субъективная логика или учение о понятии. М.: Соцэкгиз, 1939.
14. Гегель Г. В. Ф. Соч. в 14 т. Т. IV. М., 1959.
15. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
16. Зизиулас И. Общение и инаковость. Новые очерки о личности и церкви. М.: ББИ, 2012. 407 с.
17. Зизиулас И. Бытие как общение. Очерки о личности и церкви. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2006. 280 с.
18. Яннарас Хр. Избранное: Личность и Эрос / пер. с греч. М.: РОССПЭН, 2005. 480 с.
19. Зизиулас И. Что значит быть личностью // Богословие личности / под ред. А. Бодрова, М. Толстолуженко. М.: ББИ, 2013. 271 с.
20. Яннарас Хр. Истина и единство Церкви / пер. с новогреч.; под ред. А. В. Маркова. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2006. 184 с.
21. Захария (Захару), архим. Христос как путь нашей жизни. Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, 2003. 408 с.
22. Кентерберийский Роуэн. Предисловие к книге И. Зизиуласа «Общение и инаковость. Новые очерки о личности и Церкви». М.: ББИ, 2012. 407 с.
23. Епифанович С. Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М.: Мартис, 1996.
24. Иоанн Дамаскин, преподобный. Точное изложение православной веры. М.: ДАРЪ, 2007. 416 с.

Авторская справка

ДУМАРЕВСКИЙ Дмитрий Борисович – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Волжский государственный университет водного транспорта, г. Нижний Новгород, Россия. E-mail: kupezz@inbox.ru

UDC 14

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.9

THE CATEGORY OF FREEDOM IN THE SUBSTANTIALIST AND PERSONAL ONTOLOGY

D. B. Dumarevsky*Volga State University of Water Transport, Nizhny Novgorod (Russia)*

Introduction. The article explores the category of freedom in the context of ontological issues. The issue of the status of freedom is considered through a comparison of the key ideas of classical idealism with the approaches used in religious, specifically – Orthodox philosophy. The question of the relationship between two independent theoretical trends: German idealism and Orthodox theology is considered.

Methods. The issue at the center of our attention – the question of freedom – is explored in two inter-related aspects. First, in the logical – theoretical aspect, i.e. through consistent enrichment of the content of concepts, their concretization. Secondly, in the aspect of historicism, i. e. by revealing the key facts of the history of philosophy.

Results. Representatives of German classical philosophy showed not just a research interest in the concept of freedom, but declared freedom as an initial conceptual principle. In particular, Schelling's judgments concerning the concept of freedom are given. The German thinker interprets freedom as an attributive property of the subject: freedom is a concentrate of subjectivity, its (the subject's) absolutely active principle.

The understanding of freedom in Hegel's philosophy is connected with his logical theory, specifically with the doctrine of essence. In the "Science of Logic" the so-called forms of essence are developed and systematically expounded. It seems to us that the forms of essence or definitions of reflection serve as universal forms of expression of the nature of any object. The article also pays attention to the concept of substance as it is presented by Hegel. A critical view of the rationalistic, purely logicalist version of substance is presented.

Particular emphasis in the article is placed on the fundamental principle of Orthodox theology – the principle of the monarchy of the Father. This theological principle expresses in concentrated terms the order of relations between the Persons of the Most Holy Trinity. For the construction of an Orthodox ontology as a whole, the beginnings of which were laid by the Fathers of the "Cappadocian circle", the problems of intra-Trinitic relations are basic, initial.

Conclusion. In philosophical metaphysics the concept of freedom remains connected with being, with its causal order. This testifies to the limitations of rationalist philosophy as a whole. On the contrary, being included in the Orthodox theological context, the concept of freedom expands to a categorical scale.

Keywords: being, freedom and necessity, essence, substance, definitions of reflection, hypostasis, personal ontology.

References

1. Florovskii G. *Iz proshlogo russkoi mysli* [From the past of Russian thought]. Moscow, 1998.
2. Gegel G. V. F. *Raboty raznykh let* [Works from different years]. Moscow, 1973, vol. 2.
3. Shelling F. V. I. *Sochineniia v 2 t.* [Works in 2 volumes]. Moscow, Thought, 1987, vol. 1, 637 p.
4. Shelling F. W. T. Einleitung in die Philosophie. Bad-Cannstlt, 1998, pp. 92-93. Quoted by Rezvykh P. V. Late Schelling and Kant. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik*. 2002 [Historical and philosophical yearbook. 2002]. Institute of Philosophy. Moscow, Science, 1986–2002, 2003. (In Russian).
5. Shelling F. W. T. System der Weltalter. Hrsg. v. S. Peetz. Frankfurt a. Moscow, 1996, pp. 120-121. Quoted by P. V. Rezvykh. Late Schelling and Kant. 300 p. (In Russian).

6. Shelling F. W. T. *Sammtliche Werke*. Stuttgart; Augsburg, 1859, vol. 62, SW11, pp. 585-586. Quoted by Rezvykh P. V. Late Schelling and Kant. 292 p. (In Russian).
7. Rezvykh P. V. Late Schelling and Kant. 303 p. (In Russian).
8. Shelling F. W. T. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Stuttgart, Augsburg, 1859, vol. 62, 587 p.
9. Gegel Georg Vilgelm Fridrikh. *Nauka logiki* [Science of Logic]. Vol. 2, Moscow, Thought, 1971, 248 p.
10. Gegel G. V. F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. *Nauka Logiki* [Science of Logic]. Moscow, Mysl', 1975, vol. 1, pp. 269-286.
11. Lega V. P. *Istoriia zapadnoi filosofii. Ch. 2. Novoe vremia, Sovremennaiia zapadnaia filosofiiia. Ucheb. posobie* [History of Western Philosophy. Part 2. Modern times, Modern Western philosophy. Tutorial]. Moscow, Izd-vo PSTGU, 2009, 454 p.
12. Gegel G. V. F. *Nauka Logiki. T. 1.* [Science of Logic. Vol. 1]. Moscow, Mysl', 1975, 187 p.
13. Gegel G. V. F. Science of Logic. Vol. 2. Subjective logic or the doctrine of the concept Science of Logic, Gegel G. V. F. Soch. Vol. 6. *Gegel G. V. F. Soch. T. 6* [Gegel G. V. F. Essays. T. 6]. Moscow, Sotsekgiz, 1939. (In Russian).
14. Gegel G. V. F. *Sochineniia v 14 t.* [Works in 14 vol.]. Vol. IV, Moscow, 1959.
15. Bibler V. S. *Ot naukoucheniia – k logike kul'tury. Dva filosofskikh vvedeniia v dvadtsat' pervyi vek* [From scientific teaching to the logic of culture. Two philosophical introductions to the twenty-first century]. Moscow, Politizdat, 1990, 413 p.
16. Ziziulas Ioann. *Obshchenie i inakovost', Novye ocherki o lichnosti i Tserkvi* [Communication and Otherness, New Essays on Personality and the Church]. Moscow, BBI, 2012, 407 p.
17. Ziziulas I. *Bytie kak obshchenie. Ocherki o lichnosti i Tserkvi* [Being as communication. Essays on Personality and the Church]. Moscow, Sviato-Filaretovskii pravoslavno-khristianskii institut, 2006, 280 p.
18. Iannaras Khr. *Izbrannoe. Lichnost' i Eros* [Favorites. Personality and Eros]. Moscow, ROSSPEN, 2005, 480 p.
19. Ziziulas I. What does it mean to be a person. *Bogoslovie lichnosti* [Theology of personality]. Moscow, BBI, 2013, pp. 193-209. (In Russian).
20. Iannaras Khr. *Istina i edinstvo Tserkvi* [Truth and unity of the Church]. Moscow, Sviato-Filaretovskii pravoslavno-khristianskii institut, 2006, 184 p.
21. Zakhariia (Zakharu), arkhim. *Khristos kak put' nashei zhizni* [Christ as the way of our life]. Sviato-Ioanno-Predtechenskii monastyr', 2003, 408 p.
22. Rouen Kenterberiiskii Preface to the book by I. Zizioulas Communication and Otherness. New essays on personality and the Church. *Obshchenie i inakovost'. Novye ocherki o lichnosti i Tserkvi* [Communication and otherness. New essays on personality and the Church]. Moscow, BBI, 2012, pp. viii-x. (In Russian).
23. Epifanovich S. L. *Prepodobnyi Maksim Ispovednik i vizantiiskoe bogoslovie* [Saint Maximus the Confessor and Byzantine theology]. Martis, 1996.
24. Ioann Damaskin, prepodobnyi. *Tochnoe izlozhenie pravoslavnoi very* [An accurate statement of the Orthodox faith]. Moscow, GIFT, 2007, 416 p.

Author's Bio

DUMAREVSKY Dmitry Borisovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Volga State University of Water Transport, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: kupezz@inbox.ru

Библиографическая ссылка

Думаревский Д. Б. Категория свободы в субстанциалистской и личностной онтологиях // SocioTime / Социальное время. 2023. № 4 (36). С. 9–23. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.9

УДК 173.1

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.24

СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕМЬЯ: ПЕРВАЯ ПОПЫТКА? (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

О. Н. Жупник*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь (Россия)*

Введение. В статье осуществляется исследование состояния студенческой семьи, ведется поиск ответа на вопрос, действительно ли студенческая семья – это всего лишь первая попытка? Актуальность работы автор видит в выработке предложений по улучшению демографической ситуации, необходимости трансляции традиционных ценностей и улучшению воспитания будущего поколения.

Методы. Использован метод структурно-функционального анализа, в рамках которого исследуется выполнение студенческой семьей своих функций, анализируются факторы, связанные с созданием и распадом студенческого брака. Эмпирической базой послужил ряд исследований, которые были проведены в 2022-2023 годах среди студентов Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Поскольку речь идет о социально-философском подходе, то осуществляется попытка интерпретации данного эмпирического материала.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В статье проанализированы функции студенческой семьи, определены мотивы вступления студентов в брак, среди которых указаны любовь, желание узаконить отношения, обретение независимости от родителей и др. Положительными сторонами студенческого брака отмечены: жизнь ради любви и учебы, совместное времяпрепровождение, коммуникация, общность интересов, поддержка в обучении и в быту. Среди негативных сторон, а также факторов, ведущих к конфликтам, студенты указали следующие: неподготовленность к совместной жизни, отсутствие положительных образцов семейного поведения, конфронтация между ценностью своей свободы и свободой и правами другого, материальные и бытовые проблемы. Предложены меры поддержки молодой студенческой семьи.

Заключение. Автор пытается ответить на вопрос, заданный в теме статьи. Студенческая семья – это не только первая попытка, «проба пера», как ее скептически называли студенты в социологическом опросе, это среда, которая прежде всего связана с эффектом положительного воздействия группового климата и исполнением неспецифических функций. Теоретическая и практическая значимость полученных результатов может быть использована при формировании социальной политики государства и, в частности, вузов.

Ключевые слова: социальная философия, институт семьи, студенческая семья, брак, супружество.

Введение. Обращение к феномену студенческой семьи представляется весьма актуальным в контексте улучшения демографической ситуации и воспитания будущего поколения. Именно на время обучения в вузе всегда приходится наибольшее количество знакомств и заключаемых браков. Следует добавить, что начальный этап брачных отношений, куда входит этап молодой семьи, несомненно, влияет на будущие супружеские отношения [11], так как в первые годы происходит

становление отношений как между супругами, так и между родственниками [9], на этом этапе также происходит осмысление родительства [10].

Студенческая семья ввиду своих особенностей (необходимости совмещать учебу и заботу о партнере, незрелости и отсутствия опыта в построении семейных отношений, отсутствия стабильной финансовой поддержки) сталкивается с определенными рисками. Для минимизации данных рисков и эффективной поддержки молодой семьи в первую очередь необходим добротный социально-философский анализ возникших проблем и потребностей. Об актуальности представленного исследования свидетельствует тот факт, что вопреки заявляемому кризису института семьи, этот социальный институт не перестает быть важнейшим в иерархии ценностей российской молодежи [1, 3, 5, 7, 8]. Следует добавить, что студенты всегда с повышенным интересом обсуждают вопросы любви, брака и семьи.

Теоретико-методологический анализ литературы по проблемам студенческой семьи, особенно в социально-философском аспекте, представлен ограниченно. Преимущественно речь идет об исследованиях в области социальной психологии, социологии или в междисциплинарных трудах, представленных в работах таких ученых, как Т. В. Андреева, С. И. Голод, Н. А. Камнева, С. В. Ковалев и др. Стоит отметить, что в большинстве трудов поведение членов семьи рассматривается в контексте внутрисемейного поведения, акцентирующего внимание на возможностях возникновения нового качества из межличностного взаимодействия. В контексте социально-философского подхода нас больше интересует рассмотрение семьи как целостной автономии, выяснение условий становления студенческой семьи, обеспечения ее функционирования как малой социальной группы.

Методы исследования. Использован метод структурно-функционального анализа, в рамках которого исследуется выполнение студенческой семьей своих функций, анализируются факторы, связанные с созданием и распадом студенческого брака. Эмпирической базой послужил ряд изысканий, которые были проведены в 2022 году под руководством доктора социологических наук В. А. Чигрина и апробированы на Всероссийском форуме «Студенческая семья – ресурс демографического развития». Мероприятие прошло на базе ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Данные исследования дополнились результатами фокус-групп в июне 2023 года. Всего было проведено пять фокус-групп среди студенческих семей (общая выборка – 30 студенческих семей в возрасте от 18 до 30 лет), а также три фокус-группы среди студентов, не состоящих в браке.

Поскольку речь идет о социально-философском подходе, данный эмпирический материал используется не только для его описания, но и для попытки его интерпретации и осмысления.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Целью данного исследования является изучение особенностей функционирования студенческой семьи.

К задачам относим:

- анализ мотивационной составляющей становления и распада студенческой семьи;
- смысление позитивных и негативных сторон студенческой семьи;
- составление рекомендаций по улучшению условий для поддержки студенческой семьи.

Перед проведением анализа функциональной специфики современной студенческой семьи важно уточнить понятийный аппарат: что мы понимаем под семьей, в частности под студенческой семьей. Существует множество дефиниций семьи, которые выделяют в качестве семьеобразующих отношений различные стороны семейной жизнедеятельности, например совместное проживание, любовь и др. Учитывая критерии воспроизводства и социально-психологической целостности, мы придерживаемся дефиниции А. Г. Харчева: «Семья – исторически конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми как малой социальной группы, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [2, с. 65]. В данном определении прежде всего подчеркиваются такие функции, как репродуктивная и воспитательная.

Ядром семьи являются супружеская пара, в случае студенческой семьи супружеская пара состоит из студентов очной формы обучения. Важно добавить, что, исходя из определения семьи, где подчеркивается брачная связь, мы не можем считать студенческой семьей незарегистрированное сожительство (гражданский брак), которое молодежь ошибочно считает семьей.

А. Г. Харчев выделяет специфические и неспецифические семейные функции: к специфическим относятся рождение (репродуктивная), содержание (экзистенциальная) и воспитание детей; к неспецифическим – функции, связанные с передачей собственности, статуса, организацией домохозяйства, отдыха, досуга, коммуникацией, созданием благоприятного психологического микроклимата и др. Важно уточнить, что институт семьи существует не потому, что выполняет жизненно важные для существования общества функции, а потому, что вступление в брак, рождение и воспитание детей связаны с глубоко личными мотивами, желаниями и потребностями людей. Поэтому исследование данных мотивов и потребностей является очень важным компонентом в изучении студенческой семьи.

Несмотря на всю прагматичность сегодняшнего общества, основные мотивы заключения официального брака среди студентов – это взаимная любовь, романтические отношения, то есть желание быть вместе и закрепить отношения на всю жизнь, о чем говорят сами супруги-студенты: *«..в нашем случае мы просто в один момент решили, что не можем жить друг без друга»*; *«чувства, любовь, влюбленность, романтическая слепота»*; *«поняли, что хотим прожить друг с другом всю жизнь»*; *«импульсивное желание навсегда остаться вместе, о материальной стороне думали меньше всего»*; *«мы такое спонтанное поколение: не думаем, что делаем, может, это любовью называется, а может, нет»*; *«мы студенты молодые, горячие»*. Причем часто подчеркиваются общность интересов и долгосрочное намерение быть всю жизнь вместе. О том, что основным мотивом создания семьи является сильное эмоциональное чувство – любовь, подтверждают результаты исследований и в других регионах [5, 6].

Наряду с этим студенты вступают в брак, чтобы узаконить свои отношения: *«быть официально не только парой, но мужем и женой»*; показать осознанность и серьезность намерений как своей второй половине, так и всем остальным: *«свадьба – это будто ты официально объявляешь перед всеми своими близкими – вот он, мой человек, и я буду с ним»*. Свадьба воспринимается как начало взрослой, осознанной жизни, в том числе включая ответственность за рождение будущего ребенка. Причем в этом случае акцент делается на легитимизации половых отношений, важность установок в области морали: *«повлияли внутренние установки, что жить до брака нехорошо»*. Данные установки прежде всего характерны для выходцев из сельской местности или верующих.

Создание семьи как своей собственной ячейки воспринимается молодежью в качестве средства достижения свободы, подразумевается независимость от родителей, включая перспективу самостоятельного жилья: *«желание сепарироваться от родителей»*, *«создать совместный быт»*, хотя такая позиция не является характерной для нашей культуры. Подобное представление о семье можно связать с ориентацией молодежи на сожительство (или пробный брак), с увеличивающимся разрывом поколений и ростом индивидуалистических ценностей.

Кроме того, студенты вступают в брак, чтобы обрести стабильность, в том числе и материальную, решить жилищный вопрос: *«получить совместную комнату в общежитии»*; *«вдвоем легче решить жилищный вопрос, в частности с учетом различных государственных программ и субсидий для молодых семей. Не думаю, что они являются целью таких отношений, но их, безусловно, можно отнести к плюсам»*. Также одним из мотивов заключения брака указана беременность.

Среди положительных сторон студенческих браков были отмечены *«жизнь ради любви и ради учебы»*, а также совместное времяпрепровождение, постоянная коммуникация, общее развитие, физическая близость. Не менее важна поддержка

друг друга, в том числе в учебе: *«...получаешь поддержку от партнера и понимание, что очень важно во время учебной деятельности, так как случаются моменты, когда хочешь опустить руки из-за неуверенности в выборе профессии или трудностей в выполнении заданий»*. Совместные интересы, куда в первую очередь входит учеба, помогают молодой семье расти, самосовершенствоваться. Интересно, что акцент здесь ставится не на своей личной самореализации уже с учетом интересов другого, а на совместной реализации: *«Мы находимся на одной волне и помогаем друг другу реализовать себя в этой жизни»*.

Студенты подтверждают и общепринятый тезис о том, что большинство знакомств происходит именно во время учебы: *«Наше знакомство, безусловно, связано с совместной учебой, что обусловило общность наших взглядов, жизненных планов, дало возможность познать друг друга в будущем»*. Отмечается особый период студенческой семьи, которая находится в начале своего жизненного цикла и связана с определенной свободой: *«У молодых семей нет обременений в виде кредитов или детей, у них есть еще время найти себя»*.

К положительным моментам студенты относят также помощь друг другу в бытовых делах, совместный быт, общее жилье: *«...нам выделили отдельную комнату в общежитии. Это очень удобно, так как у нас нет своего жилья, и до этого мы жили с родителями»*; совместное достижение целей, касающееся покупки жилья и машины. Отмечается важность государственной поддержки студенческой семьи, в том числе и в рамках университета: *«Для нас важно было получить помощь от государства в виде выплат как молодой студенческой семье в университете. Десять тысяч тоже не лишние. Мы потихоньку начинаем создавать общий быт, и нам это нравится»*. Здесь можно отметить эффект совместной жизнедеятельности в семье, то есть эффект воздействия общих усилий на поведение членов группы. Ведь сплоченность и взаимопонимание в группе отмечаются как фактор, оказывающий мощное благотворное влияние на личность.

Также в качестве положительных сторон студенты отмечают благотворное влияние друг на друга, которое связано с *«усекновением своего эгоизма»* ради другого. Ведь в молодом возрасте характер еще не сформирован, привычки более гибкие, поэтому легче притираться и создавать то единое целое, к которому призвана семья: *«Мы вместе воспитываем друг друга, так как в молодом возрасте человек больше поддается влиянию»*. Также студенты отмечают, что совместно пройденные этапы могут помочь укрепить отношения в будущем: *«Мы проходим важные для нас моменты вместе, ну и, конечно, нас дома всегда ждут»*.

Однако, как отметили участники исследования, отношения часто разбиваются о каждодневную прозу жизни. Это связано как с незрелостью и неподготовленностью к семейной жизни, так и с отсутствием положительных образцов для подра-

жания как в своей семье, так и в транслировании ирреалистических «семейных идеалов» в СМИ и кино. Зачастую молодые люди просто не знают, как построить семью. Декларируемая молодежью высокая позиция семьи в иерархии ценностей разбивается о ее практическую реализацию в жизни уже в первые годы совместного быта и построения отношений.

Кроме того, возникает вопрос: как совместить ценность свободы, так высоко декларируемую в сегодняшнем обществе, со своими обязанностями в супружестве? Ведь, как отмечают студенты, брак – это не культивирование своего эгоизма и требование соблюдения своих прав от другого, а прежде всего – забота о другом, связанная с ответственностью и рядом обязанностей. Однако именно конфронтация ценности свободы и самореализации и реальными обязанностями в браке и является причиной того, что молодежь все чаще выбирает отношения свободного сожительства.

Важен вопрос распределения в студенческой семье бюджета, состоящего из стипендии, материальной помощи от родителей и подработки. В качестве одной из проблем студенческой семьи участники фокус-групп указывают невысокий размер стипендии, недостаток материальных средств, особенно если оба студента учатся на очном отделении. С этим связаны «нехватка свободного времени на супруга», так как необходим дополнительный заработок, и сложности в совмещении одновременно учебы, семьи и работы. Сложность состоит и в общем поиске работы для студентов, так как они могут рассчитывать только на небольшие и непостоянные заработки.

Следующей насущной проблемой является жилищный вопрос – вынужденность жить в съемном жилье, особенно если оба супруга из другого города. Данная проблема возникает особенно остро в случае рождения ребенка. Частично жилищный вопрос на время учебы решается предоставлением комнаты в студенческом общежитии.

Студенческие семьи отмечают непонимание со стороны общества при заключении ранних браков: *«Мы столкнулись с осуждением и сомнением людей о том, было ли наше решение верным»*. Это подтвердили результаты фокус-групп, проведенных среди студентов, не состоящих в браке. Они с определенной долей скептицизма относятся к студентам, заключившим брак, определяя его как «студенческую пиццу», «пробу пера», «бесперспективный союз» [5].

К психологическим проблемам студенческой семьи относят неподготовленность студентов к браку, личностные недостатки; неумение «слушать и говорить»; импульсивность и эмоциональность; неготовность к серьезной жизни, инфантильность и неспособность взять на себя ответственность. Последнее связывают прежде всего с поспешностью принятия решения о вступлении в брак. Среди причин, ведущих к конфликтам в браке, называют чрезмерный эгоизм и потребительское

отношение друг к другу. В качестве проблемы указано и рождение ребенка, что свидетельствует о невыполнении такой специфической функции, как репродуктивная.

Стоит отметить, что среди причин, ведущих к распаду студенческих браков, названы проблемы коммуникации среди супругов. Однако при обсуждении роли виртуального общения в укреплении отношений между супругами участники отметили больше вспомогательную роль средств виртуального общения преимущественно в быту или на расстоянии. Все однозначно сошлись во мнении, что в основе должно быть живое общение, а виртуализация может обесценивать и общение, и признание в любви.

Важно дополнить и возникшую путаницу в вопросах терминологии, касающуюся разграничения брака и сожительства. Многие студенты ошибочно именуют гражданским браком незарегистрированное сожительство мужчины и женщины, кроме того, считают такое сожительство обязательной ступенью, проверкой на прочность перед счастливым браком. Однако социологические исследования свидетельствуют, что подобного рода сожительство характеризуется низким уровнем стабильности, что влечет за собой низкую рождаемость, а также неопределенность социального статуса. Социальный статус невесты перед официальным браком намного выше социального статуса сожительницы. В статусе сожителя большинство мужчин считают себя свободными, в отличие от женщин. Кроме того, по результатам проводимой в России переписи населения примерно 85 % мужчин, живущих в гражданском браке, считают себя холостыми; из женщин, состоящих в таком сожительстве, только 8 % считают себя незамужними [7].

В качестве решения проблем студенческих семей участниками исследования подчеркивается необходимость государственной поддержки молодых семей, касающейся субсидий на жилье и выплат молодым семьям. Также отмечается важность просвещения со стороны государства по вопросам ценности семьи и брака, формирования просемейного мировоззрения кинематографом. Особая роль отводится поддержке со стороны вуза, поэтому остановимся на данном вопросе подробнее. Сюда студенты включают не только предоставление общежития студенческим семьям, но и создание семейных студенческих комплексов с набором социально-бытовых услуг, семейных детских комнат. Студенты внесли предложения, касающиеся назначения особых стипендий студенческим семьям, усовершенствования материальной поддержки со стороны вуза. Поскольку студенческие семьи в большинстве своем сталкиваются с непониманием общества или общей массы студентов, они отмечают важность студенческой самоорганизации – создание сообщества студенческих семей для взаимной поддержки и обсуждения насущных проблем, а также подчеркивают важность создания курсов по семейведению, куда

нужно включить прежде всего подготовку к ответственному супружеству и родительству.

Заключение. Функциональная особенность студенческого брака исходит из определения, где специфической является общность деятельности студентов-супругов – получение образования. Само совмещение учебы и семьи не является проблемой для молодежи, однако большие трудности вызывает наличие дополнительного заработка, необходимого для оплаты съемного жилья или содержания будущего ребенка. Анализ особенностей функционирования студенческой семьи на современном этапе показал, что студенческая семья исполняет преимущественно неспецифические функции, прежде всего коммуникативную, поддержание психологического комфорта, организацию быта, функцию стабильности, взаимоподдержки, любви, счастья. Однако такие специфические функции, как репродуктивная и воспитательная, не восполняются, и это связано прежде всего с тем, что наличие детей утрачивает свои позиции в иерархии ценностей современной молодежи, а также с материальными и жилищными трудностями, связанными с рождением ребенка.

В качестве выводов попробуем ответить на вопрос, вынесенный в заголовок статьи. Студенческая семья – это не только первая попытка, «проба пера», как ее скептически воспринимает внешнее окружение, здесь гораздо важнее внутренний фактор заключения брака – любовь, романтические отношения, общность интересов. Да и само заключение брака является свидетельством серьезности намерений по отношению к своей второй половине. Семья, как свидетельствуют сами студенты, – это и работа над собой, связанная с «усекновением своего эгоизма» ради другого. Ряд серьезных проблем, таких как отсутствие жилья и материальной поддержки, небольшой размер стипендии, нарастание идей половой раскрепощенности молодежи, неготовность к браку, потребительское и индивидуалистическое отношение друг к другу, осложняют становление крепкого брака.

Среди мер поддержки студенческой семьи одной из первых названо улучшение жилищно-материальных условий. Однако важно добавить и работу по изменению общественного мнения, связанного с негативным отношением к феномену студенческой семьи, и поддержку решения молодой семьи официально заключить брак. Это необходимо не только для улучшения демографической ситуации, но и для повышения нравственных устоев общества, развития счастливой личности. Особая роль отводится вузу, помощи от него не только материальной, но и организации курсов по семейведению, а также самоорганизации молодых семей.

Список литературы

1. Акутина С. П. Современная студенческая семья: ценностные аспекты и жизненные стратегии / Социодинамика. 2020. № 8. С. 1–13.
2. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, Изд-во Международного университета бизнеса и управления ("Братья Карич"), 2011. 304 с.
3. Дубограй Е. В., Кибалова А. В. Идеальная семья в представлениях студентов московских вузов. 2021. № 2 (344). С. 158–162.
4. Жупник О. Н. Специфика и проблемы современной студенческой семьи. Практическая философия: состояние и перспективы: сборник материалов V научной конференции. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С. 120–125. 284 с.
5. Кох М. Н., Сысоева Л. В. Семья в структуре ценностных ориентаций современного студента. 2021. Т. 10, № 3 (36). С. 155–158.
6. Лотова И. П. Студенческая семья: современный портрет, характеристика основных проблем и пути разрешения // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 129–134.
7. Молодая семья в современном обществе: учеб.-метод. пособие / Е. В. Рыбак, Н. Г. Слепцова, А. Б. Федулова, Н. В. Цихончик; под общ. ред. А. Б. Федуловой. 2-е изд., испр. и доп. Архангельск: Изд-во САФУ им. М. В. Ломоносова, 2017. 238 с.
8. Чигрин В. А., Жупник О. Н. Роль и место ценностных и социально-профессиональных ориентаций в системе жизненного самоопределения молодежи // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2016. Т. 2 (68), № 3. С. 3–10.
9. Amato P. R., Previti D. People's Reasons for Divorcing: Gender, Social Class, the Life Course, and Adjustment // Journal of Family Issues. 2003. Vol. 24, no. 5. Pp. 602–626. URL: <https://doi.org/10.1177/0192513X03254507>
10. Lavner J., Bradbury T. Patterns of Change in Marital Satisfaction over the Newlywed Years // Journal of Marriage and Family. 2010. Vol. 72, no. 5. Pp. 1171–1187. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00757.x>
11. Social Support, ProblemSolving and the Longitudinal Course of Newlywed Marriage / K. T. Sullivan, L. A. Pasch, M. D. Johnson, T. N. Bradbury // Journal of Personality and Social Psychology. 2010. Vol. 98, no. 4. Pp. 631–644. URL: <https://doi.org/10.1037/a0017578>

Авторская справка

ЖУПНИК Олеся Николаевна – кандидат философских наук, ведущий специалист по учебно-методической работе, кафедра философии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия. E-mail: sociolesya@mail.ru

UDC 173.1

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.24

STUDENT FAMILY: FIRST ATTEMPT? (SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS)

O. N. Zhupnik*Crimean Federal University V. I. Vernadsky, Simferopol (Russia)*

Introduction. The article examines the state of the student family, searching for an answer to the question, is the student family really just a first attempt? The author sees the relevance of the work in the development of proposals to improve the demographic situation, the need to transmit traditional values and improve the education of the future generation.

Methods. The method of structural-functional analysis was used, within the framework of which the student family's performance of its functions is examined, and factors associated with the creation and disintegration of a student marriage are analyzed. The empirical basis was a series of studies that were conducted in 2022-2023 among students of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Since we are talking about a socio-philosophical approach, an attempt is made to interpret this empirical material.

Results. The article analyzes the functions of the student family, identifies the motives for students to get married, among which are love, the desire to legitimize their relationship, gaining independence from parents, etc. Among the positive aspects of student marriage, the following are noted: life for love and study, spending time together, and communication, community of interests, support in education and in everyday life. Among the negative aspects, as well as factors leading to conflicts, students pointed to lack of preparation for living together, lack of positive models of family behavior, confrontation of the value of their freedom with the freedom and rights of others, material and everyday problems. Measures to support a young student family are proposed.

Conclusion. The author is trying to answer the question asked in the topic of the article. A student family is not only a first attempt, a "test of the pen," as students skeptically called it in a sociological survey, it is an environment that is primarily associated with the effect of the positive impact of a group climate and the performance of non-specific functions. The theoretical and practical significance of the results obtained can be used in the formation of social policy of the state and, in particular, universities.

Keywords: social philosophy, family institution, student family, marriage, matrimony.

References

1. Akutina S. P. Sovremennaya studencheskaya sem'ya: cennostnye aspekty i zhiznennye strategii. Socio-dinamika. 2020, no. 8, pp. 1–13.
2. Antonov A. I., Medkov V. M. Sociologiya sem'i. Moscow, Izd-vo MGU, Izd-vo Mezhdunarodnogo universiteta biznesa i upravleniya ("Brat'ya Karich"), 2011, 304 p.
3. Dubograj E. V., Kibalova A. V. Ideal'naya sem'ya v predstavleniyah studentov moskovskih vuzov. 2021, no. 2 (344), pp. 158–162.
4. Zhupnik O. N. Specifika i problemy sovremennoj studencheskoj sem'i. Prakticheskaya filosofiya: sostoyanie i perspektivy. Sbornik materialov V nauchnoj konferencii. Simferopol'. IT ARIAL, 2022, pp. 120–125, 284 p.
5. Koh M. N., Sysoeva L. V. Sem'ya v strukture cennostnyh orientacij sovremennogo studenta. 2021, vol. 10, no 3 (36), pp. 155–158.

6. Lotova I. P. Studencheskaya sem'ya: sovremennyy portret, harakteristika osnovnyh problem i puti razresheniya. Uchyonye zapiski ZabGU. Ser. Sociologicheskie nauki. 2017, vol. 12, no. 3, pp. 129–134.
7. Rybak E. V., Slepceva N. G., Fedulova A. B., Cihonchik N. V. Molodaya sem'ya v sovremennom obshchestve. 2-e izd. ed. Arhangel'sk, Izd-vo SAFU im. M. V. Lomonosova, 2017, 238 p.
8. Chigrin V. A., Zhupnik O. N. Rol' i mesto cennostnyh i social'no-professional'nyh orientacij v sisteme zhiznennogo samoopredeleniya molodezhi. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sociologiya. Pedagogika. Psihologiya. 2016, vol. 2 (68), no. 3, pp. 3–10.
9. Amato P. R., Previti D. People's Reasons for Divorcing: Gender, Social Class, the Life Course, and Adjustment. Journal of Family Issues. 2003, vol. 24, no. 5, pp. 602–626. Available at: <https://doi.org/10.1177/0192513X03254507>
10. Lavner J., Bradbury T. Patterns of Change in Marital Satisfaction over the Newlywed Years. Journal of Marriage and Family. 2010, vol. 72, no. 5, pp. 1171–1187. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00757.x>
11. Sullivan K. T., Pasch L. A., Johnson M. D., Bradbury T. N. Social Support, ProblemSolving and the Longitudinal Course of Newlywed Marriage. Journal of Personality and Social Psychology. 2010, vol. 98, no. 4, pp. 631–644. Available at: <https://doi.org/10.1037/a0017578>

Author's Bio

ZHUPNIK Olesya Nikolaevna – Candidate of Philosophy, leading specialist in educational and methodological work of the Department of Philosophy of the Crimean Federal University V. I. Vernadsky, Simferopol, Russia. E-mail: sociolesya@mail.ru

Библиографическая ссылка

Жупник О. Н. Студенческая семья: первая попытка? (социально-философский анализ) // SocioTime / Социальное время. 2023. № 4 (36). С. 24–34. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.24

УДК 124.5:124+17.025

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.35

ВСЕОБЩЕЕ В ОСОБЕННОМ: УНИВЕРСАЛЬНАЯ АКСИОЛОГИЯ В КОНЦЕПЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

А. В. Петров

Омская академия МВД России, г. Омск (Россия)

Введение. Статья посвящена анализу концепции традиционных российских духовно-нравственных ценностей, чей перечень декларирован государством с точки зрения выделения в них тех ценностей, которые можно отнести к универсальным. Такая работа представляется актуальной в силу необходимости артикулировать инклюзивность некоторых ценностей, включенных в список традиционных. Это позволит увидеть, что в российских традиционных ценностях, наряду с ценностями специфическими, релевантными идентичности, истории и культуре России, присутствуют и ценности общечеловеческие, универсальные. Их совокупность составляет сбалансированную аксиологическую модель, соответствующую цивилизационной специфике России.

Методы. Исследование опирается на феноменологический подход, демонстрируя связь аксиологических установок с культурно-историческим контекстом. Метод сравнительного философского анализа использовался для интерпретации взглядов на универсальные ценности ряда зарубежных исследователей.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В статье проводится идея о том, что универсальность ценностей фундируется не либеральными идеями светского гуманизма, порвавшего со своими религиозными корнями, а идеями христианского гуманизма, значительно повлиявшего на мировую культуру. Ценности христианской культуры в оптике неолиберального глобализма сами выглядят весьма традиционно, поскольку репрезентуют конкретную культурно-историческую традицию, противопоставляющую себя целям и ценностям глобализации в неолиберальной версии. Аксиологии традиционализма соответствует своя телеология, по свойствам консервативная и в значительной мере секулярная, в фокусе которой находится цель суверенности.

Заключение. Ценности, о которых в данной работе говорится как об универсальных, не следует ассоциировать исключительно с европейской культурой; соответственно, разворачивающийся сейчас мировой процесс борьбы с гегемонией Запада и реализуемой в его интересах моделью глобализации не должен провоцировать отказ от них как от скомпрометированных своим культурно-историческим происхождением.

Ключевые слова: традиционные российские духовно-нравственные ценности, традиционные ценности, универсальные ценности, ценности, аксиология, телеология, суверенность.

Введение. «Природа не терпит пустоты» – со времён Аристотеля эта фраза превратилась в очевидность. Русская народная мудрость также высказалась по этому поводу определённым образом, утверждая, что свято место пусто не бывает. Во всякое время, когда на месте чего-либо дотоле бывшего образовывалась пустота, она вскорости заполнялась тем, что прибыло заменить отсутствующее. Это справедливо для всех феноменов хоть эмпирического мира, хоть мира идей. В ис-

тории России никогда не было периода совершенного отсутствия каких-либо идей, влиявших на общественное сознание. Иногда эти идеи противоречили тем, что имели хождение ранее, иногда явно их отрицали, но никогда не отсутствовали совершенно.

Прошедшее столетие оказалось особенно богато на идеологемы и их политические воплощения, явив современникам и внимательным потомкам весьма пёструю картину, тем более богатую деталями, чем более явные политические проекции имели эти идеи – идеи, становившиеся частью идеологии и политических платформ. В постсоветское время произошёл видимый откат от исторически сложившейся практики явного окормления политики идеологией. Впрочем, он был именно что видимый, поскольку идеологическая апологетика коммунизма уступила место апологетике капитализма и консьюмеризма.

Изменилась и вербализация жизненных целей: лозунг, призывающий пролетариев всех стран соединяться, незаметно морфировал в призыв обогащаться. И хотя он не был гласно поднят на щит именно в такой форме, тем не менее был употреблён как руководство к действию оборотистой публикой. Так на месте пусть и очень спорной практически, но не лишённой созидательного потенциала идеи, во времена своей славы составлявшей уверенную конкуренцию глобализации в капиталистическом изводе, образовался вакуум, ослабляющий общественный организм, уподобившийся кораблю без лоцмана и компаса. Попытки заполнить этот вакуум начались почти сразу же после его образования. Одна из них делала акцент на традиционной культуре и почвеннических взглядах, переживавших возрождение на волне интереса к дореволюционной России и её самобытному историческому пути.

Русский консерватизм, имевший непростую судьбу в Российской империи и судьбу трагическую при советской власти, вышел из полуподполья и вернулся из эмиграции, однако не смог занять позицию мировоззрения, определяющего ход развития постсоветской России. Причем консервативные взгляды занимали умы отнюдь не одной лишь русской общественности, нашлось немало консерваторов и традиционалистов в среде других народов, населявших СССР, так и не сделавшихся новой исторической общностью. Спектр мнений по поводу того, что такое традиция, был весьма широк – от откровенно русофобского сепаратизма национальных окраин России до реплик черносотенства.

Институционализация конструктивного патриотического дискурса, способного выйти за пределы кулуаров академической среды, заняла длительное время. С одной стороны, это объясняется тем, что либеральное западничество, под знаменами которого разрушался СССР, на правах победителя приложило серьёзные усилия для диффамации и маргинализации консервативного патриотизма; с дру-

гой стороны, разворот на Запад долгое время приносил плоды в виде экономического роста, облегчавшего до известной степени общественный посттравматический синдром. Медленно совершающееся осознание исторического значения СССР и последствий его распада, а также истинных мотивов западной благожелательности по отношению к слабой России привело к тому, что патриотический дискурс стал постепенно очищаться и от радикализма, накопленного им за весь период вынужденного маргинального существования, и от западничества, исполненного прекраснотушних мечтаний войти в семью европейских народов на правах полноправного члена, ничем не заплатив за это.

Однако говорить о том, что институционализация, о которой идёт речь, завершилась к настоящему времени, нет достаточных оснований, если принимать за признак завершившегося институционализационного оформления общественно важных идей появление соответствующей политической партии; скорее к настоящему времени она вошла в фазу набора прочности за счёт расширения социальной базы и только-только стала преодолевать рубеж, отделяющий её ценности и взгляды от кооптации в государственную политику. Важной вехой на этом пути явился *Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»*.

Методы исследования. Руководствуясь феноменологическим подходом, автор предпринимает попытку показать важность аксиологии для нормального существования и самобытного развития любого общественного организма, а также демонстрирует связь проблемы ценности с проблемой цели. В наши дни в это смысловое поле явным образом вторгается дискурс культурной идентичности и суверенности, поэтому феноменологический подход представляется наиболее релевантным этой проблематике, столь тесно связанной с культурным контекстом. Отыскивать универсальное в особенном было бы непродуктивно без обращения к опыту иностранной науки, занимающейся поиском ценностей подобного рода самих по себе (как Ш. Шварц), так и в культурном контексте конкретных стран (Дж. и Л. Спиндлеры и др.), поэтому для интерпретации взглядов на универсальные ценности ряда зарубежных исследователей был использован метод сравнительного философского анализа.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. *Четырнадцать* ценностей, отнесенных государственной волей к числу традиционных, можно рассматривать как аксиологию суверенного взгляда на вещи, предлагаемого государством обществу в качестве альтернативы всем имеющимся, прежде всего идеологии глобального капитализма в западном изводе. Немаловажно, что эта альтернатива не предполагает отрицание того, что исторически сбли-

жает Россию с Европой, в некоторых местах опираясь на великие без преувеличения достижения европейской культуры как части христианского мира, к которому принадлежит Россия, несмотря на свой евразийский облик. К таким общим местам, в частности, относятся: *жизнь, достоинство, права и свободы человека, гражданственность, гуманизм, справедливость*. Эти ценности вполне можно назвать универсальными, поскольку они характерны для любой культуры, исторически принадлежащей к христианскому миру или испытывавшей его серьёзное влияние.

В широком смысле это влияние испытали все культуры, вступавшие в длительный контакт с христианским миром, поэтому и ценности, перечисленные выше, могут быть названы общечеловеческими безотносительно к религиозному поведению. Это очевидно не только в случае с жизнью и достоинством человека как существа, в оптике христианской антропологии носящего в себе образ Божий, обладающего бессмертием и свободой. Идея гражданственности, справедливости и гуманизма тоже уходит корнями в христианскую культуру. Конечно, не следует ее идеализировать и видеть в христианских странах место, где добродетель торжествовала и никогда не попиралась несправедливостью. Тем не менее в этом культурном пространстве и в нравах, соответствующих своему времени, особенно времени выхода на историческую сцену разных народов Европы и Ближнего Востока, просвещённых светом Евангелия, христианство делало свою малозаметную, но важную работу *взрачивания милосердия, ответственности, человеколюбия и чувства справедливости* в малорасположенных к этому языческих сердцах.

Постепенно понимание большей *ценности гражданина*, чем подданного права, а не бесправия, *закона*, а не произвола, проникло в ткань общественных отношений и облагородило её, смягчив нравы, хотя и не упразднив все социальные пороки. По этому пути пошли все народы, более или менее вовлечённые в мировую историю, поэтому и ценности эти впервые найдены Античностью (если говорить о гражданстве и справедливости), или сугубо христианские (если вести речь о личности), теперь стали универсальными. Поэтому не стоит удивляться тому, что в упомянутых Основах государственной политики сделан акцент на теме православия как одного из оснований российской идентичности. Заметим, что названные выше ценности сами и не возникли спонтанно, и не существуют автономно. Они находятся в связи, причём не только в очевидной связи с отечественной культурой, но и с тем, на что ориентируется Россия в текущий исторический момент. О том, в чём конкретно состоят эти ориентиры, можно узнать из разнообразных доктринальных документов, описывающих разные области политики и международных отношений. В более общем виде они формируют особое целеполагание, в фокусе которого находится идея суверенности России как государства, воплощающего в себе особую цивилизацию.

Оставим сейчас в стороне вопрос о том, в чём эта особенность цивилизации, поскольку его важность и сложность не позволяют делать о нём поверхностные суждения. Обратимся к другому – к тому, что за определённым набором конкретных управленческих задач, за обобщающими их политическими целями, за ценностями, их вдохновляющими, стоит определённая телеология, но не в эсхатологическом, а проективном смысле. Эта телеология вполне секулярна, отдаёт дань уважения достижениям светской культуры и вестернизации, построена на рациональной рефлексии исторического опыта. Она плюралистична, не демонстрирует национальной или религиозной гордыни и уважает иные взгляды, не отказывающие ей самой в праве на существование. Также она в известной степени релятивна, не абсолютизирует свои культурно-исторические основания и признаёт свою детерминированность ими. Кроме того, она не чужда утилитаризма, не отказываясь от дальнего в пользу горнего и признавая значимость первого (при этом в ней сохраняется то идеалистическое обаяние, без которого любая работа, отличающаяся от духовного делания, рискует превратиться в стяжательство). Наконец, она вариативна настолько, насколько широка свобода выбора пути к достижению целей, её составляющих.

Все эти черты слагаются в общий портрет телеологии секулярной и консервативной, сфокусированной на России в двух её аспектах: как идее, то есть на цивилизационных константах и культуре, и как живом организме, то есть на людях, населяющих её, трудящихся ради непосредственно своей пользы и опосредованно для её блага и долженствующих по мере движения в этом направлении стать из населения народом и осознать ценности, сегодня озвученные государством как самоочевидную гражданскую конвенцию.

Любопытно, что даже зарубежный, едва ли нейтральный взгляд, изучающий российский аксиологический ландшафт, ещё в 2014 г. заметил, что ценности, лежащие в основе *Putin's Strategic Conservatism*, представляют собой консерватизм, «не чуждый многим вполне уважаемым, патриотически настроенным сторонникам традиционализма на Западе» [4, p. 10]. Впрочем, М. Кайлан видит в этом отнюдь не достоинство или основание для политического сближения России и Запада; напротив, он видит в этом проблему для той части общества, которая имеет отличную от христианского традиционализма культурную идентичность, полагая, что «рехристианизация России приводит к маргинализации огромного населения нехристианских этнических территорий от Кавказа до Татарстана и Сибири» [4, p. 16].

В 2018 г. И. дю Кенуа и Д. Дубровский, размышляя в том же духе, полагали, что «современная Россия стала свидетелем стремительного роста ультранационалистических или религиозно-фундаменталистских организаций самообороны, пре-

тендующих на защиту «традиционных ценностей» от врагов и стремящихся восстановить «традиционный порядок» в стране» [6, р. 113].

Время показало несостоятельность этих прогнозов. Интересно отметить, что авторы, декларируя заботу о гражданском обществе, отказывают «общественным активистам, защищающим традиционные ценности», в том, чтобы считаться гражданскими, несмотря на отсутствие у них связи с «режимом». В оптике этих авторов любая апелляция даже к самому политически нейтральному, вроде обращения к вере, семье, традиции, стабильности, сделанная политиками, которых Запад назначил автократами и диктаторами, автоматически лишает эти ценности авторитета. При этом сам Запад, если вспоминает о ценностях «сохранения цельной цивилизации, которая начинается с семьи, верности земле и большому этносу» [4, р. 17], безо всякого смущения демонстрирует уверенность в своей полной моральной правоте. Комментарий оставим *bon mot* Д. Е. Галковского: «*Это другое, понимать надо!*».

Теперь взглянем на презентацию универсального аксиологического компонента в отечественной концепции традиционных ценностей *sine ira et studio*. Предположение о его наличии легко подкрепляется сравнением ценностей, отнесённых выше к универсальным и стоящих в ряду российских традиционных духовно-нравственных ценностей, с перечнем ценностей, включённых в концепцию основных человеческих ценностей в версии Ш. Шварца и описываемых её автором как универсальные [7, 8]. Кроме того, будет небезынтересно продолжить этот анализ сравнением российских традиционных ценностей в их универсальной части с системой ценностей конкретной цивилизации, произошедшей от общего с нами христианского корня, но исторически оказавшейся в антагонистической по отношению к России позиции – с североамериканской цивилизацией и её ценностями так, как их определили Дж. и Л. Спиндлеры [9].

В деталях это выглядит так.

Теоретическая модель Шварца выделяет десять ценностей, дифференцируя их по четырём группам:

- 1) *открытость к изменениям* (openness to change);
- 2) *самосовершенствование* (self-enhancement);
- 3) *сохранение* (conservation);
- 4) *самопреодоление* (self-transcendence).

С универсальными ценностями, отражёнными в российской концепции традиционных ценностей, созвучны ценности первой и второй групп. С. Доран и Р. Литтрелл сравнивают модель Шварца и модель Спиндлеров; мы же сравним их результаты с отечественной аксиологической моделью в части её универсального компонента. Так, некоторые базовые американские ценности (по Спиндлерам) созвучны универсальным ценностям (по Шварцу), и они же, в свою очередь, соответствуют универсальным ценностям в ряду традиционных российских.

Извлечения из индивидуальных ценностей по Шварцу

Открытость к изменениям (openness to change):

1. *Самостоятельность* (независимые мысли и действия: выбирать, создавать, исследовать);
2. *Стимуляция* (переживание, новизна и вызов к жизни).

Сохранение (conservation):

1. *Безопасность* (защищённость, гармония и стабильность социальных отношений, общества и личности);
2. *Согласие* [иначе – *конформность*] (сдерживание действий, склонностей и импульсов, которые могут навредить другим и нарушить социальные ожидания или нормы);
3. *Традиция* (уважение, принятие и приверженность обычаям и идеям, которые дают традиционная культура или религия [3, р. 266].

Отметим, что между согласием/конформностью (conformity) и традицией (tradition) существует известная разница с точки зрения того, каков источник нормы, которому подчиняется личность. Конформизм влечёт за собой подчинение людям, с которыми человек часто взаимодействует, – родителям, учителям или начальству. Традиция влечёт за собой подчинение более высоким абстракциям – религиозным и культурным ценностям. Как следствие, ценность согласия/конформности предполагает реакции на изменчивые обстоятельства повседневности и направляет их. На этом фоне традиционные ценности представляются аксиологической константой, оформившейся в прошлом.

Извлечения из базовых американских ценностей по Спиндлерам

1. *Свобода слова* (и другие формы личной свободы);
2. *Права личности* (быть личностью и действовать от своего имени);
3. *Независимость*: тесно связана с ценностью, придаваемой личности и её правам. Индивид имеет право быть независимым, в том числе от ограничений, наложенных вышестоящей властью.

Извлечения из Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей

Жизнь, Достоинство, Права и свободы человека, Гражданственность, Гуманизм, Справедливость.

Параллели между сравниваемыми моделями можно проводить и далее, если изменить критерий сравнения и рассматривать их во всей полноте. Тогда, к примеру, можно будет увидеть общность американских ценностей (*ценность частного бизнеса, тесно связанная с твёрдой верой в права личности, соревновательность, вера в эффективность технологий, социальная мобильность, достижение успеха упорным трудом*) и индивидуальных ценностей по Шварцу (*личный успех*). Однако поставить в один ряд с ними российскую ценность *созидательного труда*

едва ли возможно без специальных оговорок, поскольку она стоит в одном ряду с ценностями, хотя и трудовыми (*приоритет духовного над материальным, справедливость, коллективизм*), но поданными не на индивидуалистически-капиталистический лад, а имеющими отчётливую социальную ориентацию.

Доран и Литтрелл сообщают, что базовые американские ценности свойственны той этнической группе, которой в США всегда принадлежала власть и по отношению к которой большинство американцев измеряли свой жизненный успех на протяжении более 200 лет. Эта группа – белые мужчины-европейцы, не относящиеся к этническим меньшинствам, принадлежащие к верхнему среднему классу протестантского исповедания [9, р. 34-35]. Иными словами, это именно та группа и именно те ценности, которые обеспечили Америке её положение гегемона; они имеют отчётливый правый характер, который мало зависит от особенностей политического режима и от сиюминутной политической конъюнктуры.

Несмотря на то что на протяжении ближайших полутора веков понимание правого и левого в политике менялось, современное положение дел всё чаще побуждает видеть в правых идеях не только разумную, но и предпочтительную альтернативу левым взглядам. Последние теперь отстаивают не только исторически свойственные этой платформе идеи эгалитарной справедливости, соответствующей организации экономики и общей роли государства в управлении общественной жизнью; в повестку движения вошли и утвердились феминизм, борьба за равноправие меньшинств, мультикультурализм, энвайронментализм. Вокруг этих идей сломано немало копий, но сейчас всё очевиднее становится их неоднозначность. То, что ещё недавно воспринималось как естественное следствие успехов проекта глобализации в западном варианте и казалось отталкивающим для тех, кто не вписался в этот проект, ныне находит всё больше критически мыслящих противников внутри стран-локомотивов этой версии глобализации.

На фоне дисгармонии, которую вносят леворадикальные взгляды, правые идеи становятся всё привлекательнее как более надёжная опора посреди стихии мирового кризиса. В правых взглядах открывается глубина витальной телеологии, нацеленной на жизнь и её репродукцию в широком смысле – и непосредственно органическую, и культурную; репродукцию, для успеха которой важны безопасность, стабильность, твёрдая почва традиции под ногами. Конечно, витальной телеологии релевантны не одни лишь правые идеи и соответствующие им ценности. Очевидно, что экологическая повестка не менее важна для витальных целей, но она оказалась приватизирована левым движением, презентующим её как предмет своей особой заботы; представляется, что со временем её ждёт правая реприватизация.

Ю. Пьюрко, Ш. Шварц и Э. Давидов указывают, что ценности как правого,

так и левого политического спектра присутствуют в аксиологическом пространстве как «либеральных», так и «традиционных», а также «посткоммунистических» стран Европы. Правая ориентация в либеральных странах выражает ценности традиции, власти, конформизма и безопасности; левая ориентация выражает универсализм и в меньшей степени – ценности благожелательности. В традиционных странах правая ориентация выражает консервативные ценности (традиции, согласие и безопасность); левая ориентация выражает ценности самоопределения и универсализма [5, p. 555].

В либеральных странах ценностные корреляты правой ориентации указывают на то, что она направлена на предотвращение или преодоление тревоги путём избегания перемен, сохранения статус-кво и осуществления контроля. Правая ориентация имеет сходные значения в традиционных странах, но без акцента на активное осуществление контроля, связанного с ценностями власти. Значение ценностных коррелятов левой ориентации указывает на то, что и в либеральных, и в традиционных странах они сфокусированы на содействии общему благосостоянию и относительному равенству. При этом в традиционных странах левые ориентации также подчёркивают индивидуальную автономию и открытость переменам как новацию, что граждане либеральных стран могут воспринимать как само собой разумеющееся [5, p. 558].

Ценности правого спектра ставят личность в контекст общества, что, по мнению С. Чжан, С. Лян и Х. Сун, приносит выгоду не только обществу, но и частному интересу [11, p. 655]. Казалось бы, в такой системе ценностей людей поощряют ставить интересы группы выше своих собственных, но целью этого является достижение справедливости и поддержание социального порядка, иерархии, безопасности, то есть тех невещественных благ, которые не приобретаются за деньги, а обретаются опосредованно.

Правые ценности и коллективизм не только не мешают, но при грамотной реализации способствуют тому, что считается ценностным ядром американской идентичности, казалось бы, индивидуалистической до мозга костей. Разумеется, американская коллективная идентичность, построенная на христианском культурном фундаменте, и китайская коллективная идентичность, построенная на конфуцианском фундаменте с его акцентом на не тождественные друг другу, но общие места, у них несомненны; как несомненно и то, что нарочитое педалирование темы коллективизма способно умалить ценность человеческого достоинства, которое всегда конкретно, если признаётся в качестве таковой. Д. Уолмсли называет признание этой ценности «проверкой культурной зрелости» [10, p. 50].

Действительно, без этого будут невозможны не только гуманистические императивы как абстракция, но и вполне конкретное индивидуальное поведение, соответствующее им – то, что строится на личной морали, ответственности, требует

экзистенциального выбора. Иными словами, на ценности человеческого достоинства основываются все прочие социальные ценности, являющиеся благом для всех, и умалять её в угоду коллективизму – означает платить слишком высокую цену.

Поэтому не имеет значения, где конструируют собственную, соответствующую своей мерке аксиологию – в России, Китае, США или Южной Африке. Если она предполагает социальные ценности и претендует на автономность, то с необходимостью будет содержать универсальные ценности, первая из которых – человек и его достоинство. К примеру, запрос на такую аксиологию для Африки в целом выражает О. Аборисаде, когда говорит о том, что «единственным решением социальной проблемы Африки является создание правительством необходимых условий для достижения таких общественных благ, как мир, благополучие и возможность для человека добиваться своего собственного счастья» [1, р. 615]. Путь же, по которому следует идти к этим достойным целям, может и должен быть соразмерным ценностям африканской автохтонной культуры, поскольку «либерализм и коммунитаризм, предложенные учёными в качестве решения проблемы краха общих ценностей, не могут рассматриваться как основа социальной безопасности и человеческого счастья в Африке» [1, р. 627].

В том же духе пишет Д. Бланшетт в докладе Центра стратегических и международных исследований, анализируя китайскую стратегию оспаривания неолиберальных ценностей Запада в рамках реализации специфически китайской модели построения идеологической безопасности, подкреплённой особой аксиологией. В выступлениях Председателя КНР Си Цзиньпина и работах Центральной партийной школы КПК (в частности, в работе Т. Айцзюня «Идеологическая безопасность в рамках общей национальной безопасности», опубликованной в 2019 г., на которую активно ссылается Д. Бланшетт) национальная безопасность прямо связывается с политически-идеологической конструкцией, поддерживающей различного рода экспансию.

Необходимость в конструкции, содержащей определённый набор ценностей, релевантный политическим целям, диктуется тем, что иначе противодействовать атакам Запада, обеспеченным моральным авторитетом неолиберальных ценностей (демократия, верховенство закона), невозможно. Заметим, что сами по себе ценности, названные в докладе неолиберальными, не заслуживают осуждения и достойны симпатий сами по себе, которой они легко лишаются, коль скоро используются в политически ангажированной риторике блокового мышления, способного к самым тенденциозным оценкам конкретной (незападной) демократии и её законов. Следуя далее за китайской мыслью, мы увидим, что идеологическая безопасность предстаёт в качестве важного компонента национальной безопасности, формирующейся в трёх системах.

Первая система – *система «познания-интерпретации»* должна опираться на китайский марксизм, сталкивающийся с проблемой «дискурсивной гегемонии Запада», её необходимо преодолеть, чтобы китайский путь модернизации, по которому движется страна, был понятен и внутри страны, и за её пределами. Китайский путь часто интерпретируется через западную дискурсивную модель, в рамках которой характеризуется такими терминами, как «авторитаризм», «капитализм с китайской спецификой» и «авторитарный социализм». Дискурс «универсальных ценностей» используется для попыток определить направление реформ в Китае, уровень его открытости, а западные нарративы о Китае, такие как «сильные страны неизбежно стремятся к гегемонии», «теория китайской угрозы», «теория безответственности Китая», используются для преднамеренного искажения китайского пути и критики китайской модели развития.

Для преодоления этой проблемы предлагается, во-первых, «противостоять распространению неолиберальных рассуждений, активно строить дискурсивную систему вокруг социалистической политэкономии с китайской спецификой... Во-вторых, необходимо противостоять распространению западного либерально-демократического дискурса, особенно западного дискурса о легитимности; активно строить дискурсивную систему вокруг социалистической демократии с китайской спецификой; создать дискурс «демократии в китайском стиле» (заметим, что похожую модель предполагал отечественный нарратив середины нулевых годов о российской суверенной демократии – А. П.). В-третьих, что касается внешней стратегии Китая, то для ответа на преувеличенную «теорию китайской угрозы» необходимо активно строить ориентированную во вне дискурсивную систему и объяснять присущий китайскому пути пацифизм» [2, р. 9–11].

Вторая система – *система «ценностей-убеждений»* связывает с национальной безопасностью понятие идентичности. Эта связь имеет непосредственный характер, поскольку кризис национальной идентичности неизбежно приводит к рискам для национальной безопасности. Проблема идентичности имеет прямое отношение к нашей теме, так как её решение предполагает определение отношений универсальных ценностей и ценностей, обусловленных историческим опытом и культурой – назовём их суверенными в том смысле, что содержащая их аксиологическая модель призвана обосновать конкретную культурно-историческую самобытность и с необходимостью должна содержать ценностные элементы, фундирующие её. Разумеется, и западная аксиологическая модель, сейчас чаще всего отождествляемая с неолиберализмом и крайне редко ассоциируемая с христианством, действительно имеющим всемирное значение, включает в себя и суверенные, и универсальные ценности, однако вся она целиком в нынешнем виде преподносится человечеству как универсальная.

Универсализация частных ценностей современной западной культуры и их агрессивное навязывание приводят к тому, что возникает риск обесценивания не только частного, но и подлинно универсального в них – идеи уникальности личности, прав и свобод человека, демократии. Этому немало способствует то, что в современной системе международных отношений, всё ещё поддерживающей западную гегемонию, «страна, не принявшая универсальные (западные) ценности, будет изолирована от человеческого сообщества» [2, р. 11]. Очевидно, что «универсальные ценности» в современной западной интерпретации оказываются сервильными по отношению к экономическим интересам и политическим целям Запада.

Ситуацию сервильности ценностей нельзя назвать здоровой, ведь у ценностей имеется важная структурообразующая функция, и её отчётливо видят в Китае: Фундаментальная цель критики «универсальных ценностей» – обрести «право строить системы» [2, р. 11]; поэтому борьба за суверенность начинается с борьбы за «право строить системы», в том числе системы аксиологические. Этот путь предполагает деконструкцию универсальных ценностей как ценностей Запада и их переосмысление в синергии с ценностями, подкрепляющими суверенность и цивилизационную особость. Заметим, что России, если она пойдёт по нему достаточно целеустремлённо, произвести эту рецепцию легче в силу общих с Западом христианских корней и взаимосвязи исторических судеб. При этом такая модель, если она не постмодернистский симулякр и не постироническая ухмылка, а всерьёз имеет отношение к жизни сложившейся большой и самобытной культуры, не может не включать в себя ценностные универсалии – в противном случае она не сможет возвыситься над местечковой узостью или избирательной предвзятостью.

Всё это может позволить себе локальная культура, которой в силу близкого горизонта извинителен даже естественный шовинизм, но для страны-цивилизации это недопустимо мелко. В основании ценностного «общего знаменателя», объединяющего общество, сознающее свою особость, должны лежать конкретные действия:

- укрепление легитимности власти за счёт апелляции к моральной миссии государства;
- построение национальной общественно-политической системы, интегрированной с национальной идентичностью и национальной аксиологией;
- актуализация социальных ценностей в противовес ценностям, способствующим дифференциации.

Такой путь релевантен третьей системе, обнаруженной в китайских аксиолого-политических конструкциях, о которых говорит Д. Бланшетт, – *системе «решение-действие»*, включающей в себя не только идеологическую работу, но и систе-

му оценки её эффективности и ответственности за её результаты, а кроме того, и систему реагирования на угрозы, оценивающую различные показатели социометрического характера, анализ медиапространства и т. д. [2, p. 12-13].

В совокупности три рассмотренные системы способны дать ответ на кризис идентичности, выражающийся в неспособности идентифицировать себя с моделью развития страны и её институтами или неспособность идентифицировать себя с доминирующими ценностями. Цитируемый выше доклад увидел свет в декабре 2020 г., то есть в то время, когда современный глобальный кризис ещё только разгорался, но был малозаметен для широкой публики. Положение дел в наши дни свидетельствует о том, что по пути, над которым размышляли в Китае и который обсуждали в США, сейчас движется Россия в попытке оспорить западный гегемонизм.

Заключение. Формирующаяся сейчас аксиология не носит политического характера, апеллирует преимущественно к мировоззрению, «эмоциональному» и «гражданскому» интеллекту, а не к «политическому» интеллекту. Для российского государства и общества – это особенно важно, поскольку наш исторический опыт свидетельствует о том, что ценности не должны формулироваться из политически ангажированной позиции. В противном случае они рискуют сделаться химерой, как это произошло с коммунистическими ценностями в СССР, падение которых не смогли предотвратить ни «Моральный кодекс строителя коммунизма», ни партийная дисциплина, ни вся система индоктринации.

Подлинные ценности прорастают из культурной почвы, из истории, из питаемого ими чувства идентичности и национального достоинства. Конституция Российской Федерации не оставляет места никакой идеологии, способной сделаться политической ортодоксией, однако её «местоблюстителем» был избран патриотизм – и это кажется более надёжным и социально приемлемым, даже безопасным, поскольку политизацию ценностного пространства Россия уже видела, однако это не помогло избежать социальной катастрофы. При этом российскому социуму ещё предстоит выработать взгляд на вещи через призму национальных интересов страны – прежде всего это требуется от элиты, долженствующей воспитать в себе национальный взгляд вместо глобалистского, если она желает оставаться национальной и разделить свою жизнь с жизнью Отечества.

Маркером соответствия могут быть только дела, без которых, как известно из Евангелия, мертва и вера. Вдохновлённые именно патриотизмом, служением Отечеству и ответственностью за его судьбу, исторической памятью и преемственностью поколений, созидательным трудом, милосердием, взаимопомощью и взаимопочтением – то есть теми ценностями, которые связывают человека с его корнями, традицией, служат твёрдой опорой в мировой сумятице.

Суверенизация – политическая, экономическая, аксиологическая или любая иная соответствует антиглобалистской тенденции, однако борьба против доминирующей сейчас модели глобализации, то есть против западного гегемонизма, не требует полного и последовательного отказа от всех без исключения ценностных доминант европейской культуры как культуры христианской в пору своего плодотворения. Многие из них приобрели универсальное, общечеловеческое значение; «отменять» их означало бы не только выпisać себя из мировой истории и культуры, но и уподобиться тем, кто ради сиюминутных популистских выгод в наши дни пытается отменить русскую культуру. Проще говоря, в борьбе за собственное «право строить системы» важно не выплеснуть вместе с грязной водой неолиберализма идеи гуманизма, свободы, справедливости – словом, все те достижения тысячелетней христианской цивилизации, чьи плоды позволяют понимать, что делают принадлежность к роду человеческому признаком и высочайшего достоинства, и высочайшей ответственности.

Список литературы

1. Aborisade O. Liberal and Communitarian Discourse: An African Perspective // *Frontiers of Philosophy in China*. 2015. Vol. 1.10, no. 4. P. 615–628. DOI: 10.3 868/s030t004-0 1 5-0049-4
2. Blanchette J. Ideological Security as National Security // *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*, 2020. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep27056> (дата обращения: 30.08.2023).
3. Doran C. J., Littrell R. F. Measuring Mainstream US Cultural Values // *Journal of Business Ethics*. 2012. No. 117 (2). P. 261–280. DOI: 10.1007/s10551-012-1515-z
4. Kaylan M. Kremlin values: Putin's strategic conservatism // *World Affairs*. 2014. Vol. 177, no. 1. P. 9–17.
5. Piurko Y., Schwartz S. H., Davidov E. Basic personal values and the meaning of left-right political orientations in 20 countries // *Political Psychology*. 2011. No. 32 (4). P. 537–561. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2011.00828.x
6. Quenoy du I., Dubrovskiy D. Violence and the defense of “Traditional Values” in the Russian Federation // *Religion and violence in Russia: context, manifestations, and policy*. 1 June 2018. P. 93–116.
7. Schwartz S. H. A theory of cultural value orientations: Explication and applications // *Comparative Sociology*. 2006. No. 5. P. 137–182. DOI: 10.1163/156913306778667357
8. Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries / in M. Zanna (Ed.) // *Advances in experimental social psychology*. 1992. Vol. 25. P. 1–65. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6
9. Spindler G., Spindler L. The American cultural dialogue and its transmission. Florence, KY: Routledge/Taylor & Francis, 1990. 198 p.
10. Walmsley G. Is there a place for traditional values and virtues in society today? // *Frontiers of Philosophy in China*. 2013. Vol. 8, no. 1. P. 31–52. DOI: 10.3 868/s030-002-013-0004-3
11. Zhang X., Liang X., Sun H. Individualism-collectivism, private benefits of control and earnings management: A Cross-Culture Comparison // *Journal of Business Ethics*. 2013. No. 114 (4). P. 655–664. DOI: 10.1007/s10551-013-1711-5

Авторская справка

ПЕТРОВ Александр Викторович – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и политологии, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Омск, Россия. E-mail: petrov.av.phd@gmail.com

UDC 124.5:124+17.025

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.35

THE UNIVERSAL IN THE SPECIAL: UNIVERSAL AXIOLOGY IN THE CONCEPT OF TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES

A. V. Petrov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk (Russia)

Introduction. The article is devoted to the analysis of the concept of traditional Russian spiritual and moral values, whose list is declared by the state authorities. There are values in this list that are universal. This is relevant because it is necessary to articulate the inclusiveness of some values that are in the list of traditional ones. Russian traditional values contain both universal values and specific values relevant to the identity, history and culture of Russia. As a whole, they should form a balanced axiological model corresponding to the civilizational specifics of Russia.

Methods. The article is based on a phenomenological approach, demonstrating the connection of axiological attitudes with the cultural and historical context. The method of comparative philosophical analysis was used to interpret the views on the universal values of foreign researchers.

Results. The article focuses on the fact that the universality of values is not justified by the liberal ideas of secular humanism, which has lost touch with its religious roots. The content of universal values was influenced by the ideas of Christian humanism, which significantly influenced world culture. Neoiberal globalism looks at the values of Christian culture as traditional. These values represent a specific cultural and historical tradition, which opposes itself to the goals and values of Neoliberal globalization. Teleology corresponds to the axiology of traditionalism, it is conservative and largely secular. At the center of teleology is sovereignty as a goal.

Conclusions. The values referred to in this work as universal should not be associated exclusively with European culture; accordingly, the unfolding global process of combating the hegemony of the West and the globalization model implemented in its interests should not provoke rejection of them as compromised by their origin.

Keywords: traditional Russian spiritual and moral values, traditional values, universal values, values, axiology, teleology, sovereignty.

References

1. Aborisade O. Liberal and communitarian discourse: an African perspective. *Frontiers of philosophy in China*. 2015, vol. 1.10, no. 4, pp. 615–628. DOI: 10.3 868/s030t004-0 1 5-0049-4
2. Blanchette J. Ideological security as national security. Center for strategic and international studies (CSIS), 2020. Available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep27056> (accessed 30.08.2023).
3. Doran C. J., Littrell R. F. Measuring mainstream US cultural values. *Journal of Business Ethics*. 2012, no. 117 (2), pp. 261–280. DOI: 10.1007/s10551-012-1515-z
4. Kaylan M. Kremlin values: Putin's strategic conservatism. *World Affairs*. 2014, vol. 177, no 1, pp. 9–17.

5. Piurko Y., Schwartz S. H., Davidov E. Basic personal values and the meaning of left-right political orientations in 20 countries. *Political Psychology*. 2011, no. 32 (4), pp. 537–561. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2011.00828.x
6. Quenoy du L., Dubrovskiy D. Violence and the defense of “Traditional Values” in the Russian Federation. *Religion and violence in Russia: context, manifestations and policy*. 1 June 2018, pp. 93–116.
7. Schwartz S. H. A theory of cultural value orientations: Explication and applications. *Comparative Sociology*. 2006, no. 5, pp. 137–182. DOI: 10.1163/156913306778667357
8. Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. In M. Zanna (Ed.). *Advances in experimental social psychology*. 1992, vol. 25, pp. 1–65. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6
9. Spindler G., Spindler L. *The American cultural dialogue and its transmission*. Florence, KY: Routledge/Taylor & Francis, 1990, 198 p.
10. Walmsley G. Is There a place for traditional values and virtues in society today? *Frontiers of philosophy in China*. 2013, vol. 8, no. 1, pp. 31–52. DOI: 10.3 868/s030-002-013-0004-3
11. Zhang X., Liang X., Sun H. Individualism-collectivism, private benefits of control, and earnings management: A cross-culture comparison, *journal of business ethics*. 2013, no. 14 (4), pp. 655–664. DOI: 10.1007/s10551-013-1711-5

Author’s Bio

PETROV Alexander Viktorovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor Department of Philosophy and Political Science, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia. E-mail: petrov.av.phd@gmail.com

Библиографическая ссылка

Петров А. В. Всеобщее в особенном: универсальная аксиология в концепции традиционных российских духовно-нравственных ценностей // *SocioTime / Социальное время*. 2023. № 4 (36). С. 35–50. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.35

УДК 1(091)

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.51

**«АПОСТОЛ» И «ГЕНИЙ»: ДВА СОЛНЦА В ПРОСТРАНСТВЕ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ. ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ
В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ**

К. А. Сорокин*Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (Россия)*

Введение. Исследование, представленное в данной статье, посвящено анализу феноменов «апостол» и «гений» с целью понимания природы этих явлений. Автор поднимает важный вопрос о двух различных подходах к историческому развитию человеческого мышления, которые определяются моделями понимания мира. Основное внимание уделено различиям в восприятии Божественного начала, выявляя отличия между внешним и внутренним восприятиями этого феномена.

Методы. Методология данного исследования строится на комплексном анализе исторических, философских и эстетических аспектов представлений о феноменах «апостол» и «гений» в европейской традиции. Исследование включает в себя обширный анализ литературных произведений, работы С. Кьеркегора и Т. Манна, где выявляются эстетические образы и рефлексии, связанные с апостолом и гением. Также автор опирается на философские концепции – от классической античности (Платон, Аристотель) до современных мыслителей, таких как П. Слотердаик. Различение между имманентным и трансцендентным рассматривается в контексте этих философских течений. Особое внимание уделяется эстетическим аспектам обоих феноменов, их влиянию на художественное творчество и формирование эстетических ценностей в европейской традиции. Методы исследования включают в себя дескриптивный анализ текстов, сравнительный метод, интертекстуальный анализ и критическое исследование. Комбинация этих методов обеспечивает системный и глубокий анализ феноменов «апостол» и «гений» в контексте европейской традиции, проливая свет на их эстетическое и философское значение.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Ключевой аспект исследования заключается в связи обоих феноменов с духовным развитием. Автор отмечает, что основные различия между апостолом и гением проявляются в их уникальных путях реализации человека в стремлении раскрыть божественную природу. Освещается проблема имманентного и трансцендентного, используя философские концепции, прослеженные от Платона и Аристотеля до современного взгляда П. Слотердайка в «Сферах II», а также через творчество С. Кьеркегора и Т. Манна, где метафорически отображены образы гения и апостола в литературной форме.

Заключение. Статья представляет собой глубокий анализ двух феноменов, открывает новые перспективы на понимание человеческой духовности и ее развития в истории мышления.

Ключевые слова: П. Слотердаик, Апостол, Аристотель, Трансцендентное, Гений, Платон, Имманентное, Т. Манн, С. Кьеркегор.

Введение. В статье предпринята попытка рассмотреть, в чем заключается различие между феноменами «апостол» и «гений». В центре вопроса лежит исследование эволюции человеческого мышления в разных направлениях, обусловленных моделями восприятия мира. Существуют разные подходы к видению человеком

божественного начала. Первая позиция предполагает воспринимать Божественное как внешний фактор, превышающий человека, и для такого религиозного подхода, например христианского, необходимо пройти путь, подобный подъему по лестнице к Богу. Вторая позиция предполагает наличие внутреннего зрения и настаивает на необходимости обратиться внутрь себя, чтобы осознать Бога. Концепция восходит к философской традиции Платона и подчеркивает важность внутреннего пути познания. Вместо того чтобы искать ответы во внешнем мире, мы обращаемся к своему внутреннему миру и приоткрываем для себя частичку Божественного. Это подразумевает философский и психологический аспекты нашего существования, которые ведут нас к внутреннему осознанию Божественного. В философском и научном контекстах эта проблема различия в восприятии бытия, зародившаяся в античной Греции, будет рассмотрена с более глубокой перспективы.

Поводом для исследования послужило произведение «Сферы II» П. Слотердайка. В целом, это его размышление о сферах и центрах, в которых отражается разнообразие в восприятии бытия. В итоге мы сталкиваемся с проблемой поиска движения – от внутреннего к внешнему, от материального мира к высшим сущностям, от человека к Богу. Также возникает вопрос о движении от Бога к миру, о познании Бога через внутреннее созерцание. Весь этот процесс размышления можно свести к двум основным сферам. В первом случае центром является человек, стремящийся к небесному Отцу, пребывающему в самых высших сферах. Во втором – человек сам становится крайней сферой, внутри которой обитает Бог, и познать его можно только погружаясь внутрь себя, всматриваясь в собственное внутреннее существо.

Кардинал Римской католической церкви, рожденный в селе Бернкастель-Кус на Среднем Мозеле, справедливо предполагал, что «машина мира будет как бы иметь повсюду центр и нигде – окружность. Ибо ее окружность и центр есть Бог, который всюду и нигде» [1, с. 99]. Это основная проблема, которую автор попытается разобрать в рамках статьи.

Методы исследования. Исследование феноменов «апостол» и «гений» строится на комплексном анализе исторических, философских и эстетических аспектов представлений о феноменах «апостол» и «гений» в европейской традиции. В статье используется обширный анализ литературных произведений, включая работы С. Кьеркегора и Т. Манна, где выявляются эстетические образы и рефлексии, связанные с апостолом и гением. Главная опора делается на философские концепции – от классической античности (Платон, Аристотель) до современных мыслителей, таких как П. Слотердайк. Различение между имманентным и трансцендентным рассматривается в контексте этих философских течений. Также методология включает в себя ретроспективный взгляд на историю европейской традиции, вы-

являя эволюцию представлений об апостоле и гении на протяжении времени и в различных культурных контекстах. Особое внимание уделяется эстетическим аспектам обоих феноменов, их влиянию на художественное творчество и формирование эстетических ценностей в европейской традиции. Методы исследования включают в себя дескриптивный анализ текстов, сравнительный метод, интертекстуальный анализ и критическое исследование. Комбинация этих методов обеспечивает системный и глубокий анализ феноменов «апостол» и «гений» в контексте европейской традиции, проливая свет на их эстетическое и философское значение.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение

Сопоставление космогонии Платона и космологии Аристотеля как *philosophia perennis*¹

Существуют два подхода для понятия всеобщего. Космология и теология – две ветви познания, изучающие Вселенную и духовную сферу соответственно. Они взаимодополняют друг друга и являются неотъемлемыми аспектами одного и того же вселенского континуума. Структурная схожесть двух этих тотальностей подсказывает нам, что гармония между теорией Вселенной и теорией Бога может быть найдена в их общих основах, а именно в их фундаментальных морфологических воззрениях. Они обе могут быть представлены как бесконечно совершенные шары, символизирующие их вселенскую целостность. Но, как отмечает П. Слотердайк: «Это предположение обманчиво, и исследование обоих максимальных шаров покажет, что они не могут совпадать; более того, их объединение, о котором неустанно хлопотала как *philosophia perennis*, так и спекулятивная теология, – неосуществимо без абсурдных импликаций» [2, с. 467].

Речь идет о двух тотальностях, несовместимых друг с другом. Первая тотальность представляет всеединый мир как универсум, включающий в себя все. Платон утверждал, что демиург создал не множество космосов, а лишь один-единственный, полностью совершенный и полный, являющийся уникальным. «Весь этот замысел вечносущего Бога относительно Бога, которому только предстояло быть, требовал, чтобы тело [космоса] было сотворено гладким, повсюду равномерным, одинаково распространенным во все стороны от центра, целостным, совершенным и составленным из совершенных тел. В его центре строявший дал место душе, откуда распространил се по всему протяжению и в придачу облек его тело извне. Так он создал небо, кругообразное и вращающееся, одно-единственное, но благодаря своему совершенству способное пребывать в общении с самим собою, не нуждающееся ни в ком другом и довольствующееся познанием самого себя и содружеством с самим собой. Предоставив космосу все эти преимущества, [демиург] дал ему жизнь блаженного Бога» (Тимей, 34 b).

¹ Вечная философия.

У Платона существует первообраз, которому придает реальное значение только демиург, взирающий на него, и создает идеи со всеми их идеальными потенциалами. Однако идеи, формирующие Ум, нужны Платону лишь для того, чтобы на их основе разработать понятие души, а затем и космоса. Все, что существует в мире, включая мельчайшие детали человеческой анатомии и физиологии, имеет значение как отражение небес, а небеса, в свою очередь, отражают всеобщий ум и всеобщую душу. Платон в своих философских рассуждениях определяет Демиурга как Ум, который, взирая на вечный умопостигаемый прообраз-парадигму, создает мир, придавая порядок хаотической материи.

Важно отметить, что ни сам идеальный прообраз, ни материя не зависят от Демиурга – он лишь соединяет их, что является существенным отличием от Бога в теистических религиях, творит мир из ничего. Также следует учесть, что Демиург не обладает абсолютной всемогущестvenностью, он как благое существо стремится максимально приблизить мир к идеальной его концепции, но пассивное сопротивление материи, выражающееся в естественной необходимости, препятствует ему полностью реализовать свои намерения. П. Слотердаик отмечает: «Новая космология Платона отличается тем, что она вводит шар как вневременную форму – форму, не имеющую какого-то до-того-существовавшего, как форму, которая следует сама собой из понятия бога» [3, с. 308].

Платон так описывает космологию: «Величайшее – единственное: тезис, пользовавшийся авторитетом официально утвержденной истины начиная со времен античных мыслителей Николая Кузанского и кончая эпохой современных идеалистов. Если мир есть совокупность того, что охватывается некоей предельно внешней границей, то, следовательно, он может быть только одним и единственным, ибо понятие величайшего непременно подразумевает и интеграцию всего» [2, с. 468].

Аристотель сознательно пренебрегал упоминанием Демиурга, описанного Платоном в Тимее, и предпочитал использовать термин «демиург» исключительно в прямом смысле – как ремесленника или мастера. «Чтобы Вселенная двигалась равномерно, [демиург] прямую линию превратил в круговую. При этом, разделив один круг на два круга, соприкасающиеся в двух точках, он снова один из них разделил на семь кругов, дабы круговращения неба были движениями души» (Метафизика, 407 а). Демиург является источником и причиной всего движения. Несмотря на то что он сам по себе неподвижен и непосредственно взаимодействует только с крайней и последней сферой мира, его прикосновение все же передает этой сфере равномерное и вечное круговое движение. Это движение последовательно передается через промежуточные сферы планет, расширяясь все дальше и дальше в направлении центра.

Таким образом демиург Аристотеля пребывал над миром, что в дальнейшем совпало с пребыванием Бога над миром в традиции монотеизма. В христианской теологии термин «демиург», также известный как «Созидатель», «Творец», «Художник», «Поэт», используется для описания Бога как Создателя и Организатора всего сущего. Этот термин применяется не только к творению мира с нуля, но и к созданию различных существ из предварительно существовавшего материала. У Аристотеля отсутствует концепция космогонии, он считал, что мир является вечным и сферическим. Начало движения и времени невозможно, так как движение является непрерывным, а его начало было бы прерывным.

Следовательно, мы имеем дело с вечным и сферическим универсумом, состоящим из неподвижных звезд. Также в трансцендентном мире существует неподвижный первоначальный двигатель, который запускает сферу неподвижных звезд. В последствии в век механики многие исследователи будут увлечены созданием вечного двигателя. П. Слотердайт пишет: «Схема обрела новую популярность в XVII в. в поисках христианами инженерами вечного двигателя, когда доказательство Бога считалось достижимым из механики» [4, с. 35].

Если у последователей Платона мир представляется замкнутой и единичной сферой, которая по своей природе есть космогония, то последователи космологии Аристотеля предполагают существование как минимум двух сфер: «мира-неба», где Земля находится в центре, и «Бога-шара», который является источником всего и содержит все в себе. Как отмечает Д. В. Бугай, «у Аристотеля земля находится в центре мира. Она является его естественным центром, поэтому объяснение феноменов движения у Аристотеля связано с теорией естественных мест» [5, с. 53].

В сравнении, связанном с различным восприятием Божественного, необходимо обратить внимание на его местоположение и определить его центр. Это может быть как имманентное понимание Божественного (у Платона), так и трансцендентное (у Аристотеля). Концепция приводит к появлению европейской философской традиции, которая не только осмысляет мир в его природном проявлении, но и уделяет внимание человеку, являющемуся частью этой природы.

Между гением и апостолом

В середине XIX в. Кьеркегор задался целью определить разницу между гением и апостолом, живя в буржуазном обществе, которое прошло большую часть пути от культуры апостольства к культуре гения. Поэтому неудивительно, что различие между апостолом, который говорит в силу безусловного поручения, и гением, который дает образцы своей собственной художественной силы, были в поле внимания религиозного писателя, как называл себя Кьеркегор. Он пишет: «Между гением и апостолом есть качественное различие; каждое из этих двух

определений уместно только в рамках своей качественно отличной сферы: *имманентного и трансцендентного*:

1) гений может поэтому дать людям что-то новое, но это новое ассимилируется жизнью дальнейших поколений, и новизна его исчезает, так же как исчезает сама характеристика «гений», стоит только подумать о вечности; апостол приносит нечто новое, являющееся парадоксом, – и именно потому, что это новое в существе своем – парадокс и не является предвосхищением дальнейшего развития человеческого рода, его новизна остается неизменной, точно так же, как апостол остается в вечности апостолом: принадлежность вечности не делает его сущностно таким же, как все прочие люди, ведь его отличие от них по самой своей сути парадоксально;

2) гений является гением благодаря самому себе или благодаря тому, каков он сам по себе; апостол является апостолом благодаря авторитету, которым его наделяет Бог;

3) гению свойственна лишь имманентная телеология; апостол парадоксальным образом поставлен в абсолютные телеологические отношения» [6, с. 486–487].

По мнению Кьеркегора, апостолы возможны только как посланники Бога, гении же являются носителями самих себя. Если апостолы движимы абсолютным мандатом и служат серьезной цели, то гении празднуют свою продуктивность ради нее самой, они живут в наслаждении своей «природой» и шутливом удовлетворении собственной силой; Бог апостола превосходит при любых обстоятельствах, человек гениальный превосходит, самое большее, свое собственное творчество, которое еще не знает сегодня, чем оно удивит себя и мир завтра. То, что симпатии Кьеркегора относятся к апостольскому типу, в котором серьезность христианского магистериума действовала бы без ограничений, не подлежит сомнению – но это симпатии, которые не заслоняют того факта, что Кьеркегор знал, что осужден быть гением – простым писателем, который не был апостолом.

Необходимо уточнить, что существует фундаментальная разница между гением и апостолом, так же как в представлении Божественного между Платоном и Аристотелем. По мнению Кьеркегора, «всякая мысль дышит воздухом имманентного, парадокс же и вера, напротив, создают для себя качественно иную сферу. Всякое различие, существующее в отношениях между человеком и человеком *qua* человеком, принадлежит сфере имманентного и исчезает, когда размышляют о сущностном и вечном; всякое различие здесь – лишь момент, который как момент вполне правомерен, но в сущностном равенстве вечности по существу исчезает» [6, с. 487].

Это наводит на размышления, когда автор, разработавший противопоставление гения и апостола с ясностью, казавшейся окончательной, не смог провести это различие на собственной персоне. С этим различием сразу же возникает новый вид неопределенности. В Кьеркегоре на сцену выходит христианско-постхристианский гермафродитный тип «религиозного писателя». В нем формируется парадоксальная смесь тенденций, которая будет прославлена позднейшей философией жизни под названием «религиозный гений». Как гений Кьеркегор стал свидетелем своей неспособности быть апостолом; как писатель он сделал своей миссией оспаривание права разочарованных христианских церквей на проповедь. Случай Кьеркегора стал примером того, как сознание гениальности встало на пути апостольства, а несчастные апостольские амбиции должны были испортить автору удовольствие от своей гениальной продуктивности.

Свет двух солнечных систем

Пантеистическое Божество-вседержитель, рассматриваемое в геометрической модели, можно уподобить Солнечной системе. В этой модели планеты вращаются вокруг Солнца под воздействием центростремительных и центробежных сил. Это пример, иллюстрирующий идею о всеобъемлющей силе Божества, которое управляет Вселенной. Мышление с теоцентрической позиции выявляет те очевидно избыточные предпосылки, которые могут быть реализованы лишь в результате методически осуществляемого отказа, мыслящего от своей самости. У апостола, который обращен к трансцендентному, отсутствует зрение разума. Вблизи абсолютной точки нет никакого *cogito*, а есть лишь ослепленный свидетель рождения Света. Апостол – это рыцарь веры, «он знает, насколько великолепно ему (всеобщему) принадлежать» [7, с. 132].

По этой причине средневековые эпические поэты и лирики должны были позаботиться о том, чтобы заглушить упрямство своих текстов христианскими вступительными и заключительными формулами. Даже в эпоху Возрождения, где уже сказал свое слово Пико делла Мирандола о человеке, который создает себя сам, Марсилио Фичино видит причины прикрыть свой комментарий к «Пиру» Платона, в котором прославляется Эрот, заключительным благодарением Святому Духу. О масштабах средневековой концепции вдохновенного монизма говорит, в частности, тот факт, что даже в XX в. религиозный философ О. М. Ф. Розеншток-Хюсси трактует «Европейский университет как Апостольский институт, восходящий в итоге не к афинской академии, а к христианскому магистрату» [8, с. 78].

В эпоху Возрождения возникают условия только тогда, когда выходит на площадь феномен, освещенный внутренним солнцем под римским названием «гений». Как определял В. П. Эфроимсон: «Гений – это не отклонение от нормы в психике, а сверхвысокая творческая активность, заложенная природой, генетикой»

[9, с. 23]. Т. Адорно говорит о феномене гениальности так: «Гениальное представляет собой некий диалектический узел – в нем переплетено все, чуждое шаблону» [10, с. 250]. То, что считается догматом, теряет смысл в осмыслении гениальности. В этот момент христианская вера на своей собственной территории начинает терять привилегии трансцендентного светила.

Платон в своих трудах представил нам учение о второй гиперсфере, где центральное место занимает не материальное тело, а идея – всепроникающий принцип, объединяющий все идеи и их взаимосвязь в высшем и недостижимом мире. Речь здесь идет о благе, которое теологи с давних времен считали основой истинной философии. Это место зарождения учения о духовной или божественной сфере. Платон пишет: «Так вот, то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага – причиной знания и познаваемости истины. Как ни прекрасно и то, и другое – познание и истина, но, если идею блага ты будешь считать чем-то еще более прекрасным, ты будешь прав. Как правильно было считать свет и зрение солнцеобразными, но признать их Солнцем было бы неправильно, так и здесь: правильно считать познание и истину имеющими образ блага, но признать что-либо из них самым благом было бы неправильно: благо по его свойствам надо ценить еще больше» (Государство, 509 е).

По мнению Платона, солнечный свет распространяется на обе стороны познания – как на освещенные предметы, так и внутри глаза познающего. Это идеалистическое открытие позволило идеализму представить второй мир как совершенный, логический и постижимый разумом. Таким образом, восходит Солнце гения ярче, чем любой полдень на земле, и начинается эпоха более глубокого понимания умственной остроты.

Для гения Платона было необходимо придать другой стороне реальности, которая воспринимается мышлением, статус мира со всеми вытекающими последствиями. И только благодаря тому, что мыслимое может существовать как самостоятельный мир, впоследствии возможно столкновение одного целого мира с другим. Платон подчеркивает: «Тогда уж он сделает вывод, что от Солнца зависят и времена года, и течение лет, и что оно ведаёт всем в видимом пространстве, и оно же каким-то образом есть причина всего того, что этот человек и другие узники видели раньше в пещере» (Государство, 516 с).

Платон отводил второстепенное значение физическому Солнцу, предпочитая только что открытое метафизическое Солнце, которое озаряет разум гения. Это свидетельствует о том, что для Платона истинное светило знания и просветления находится не во внешнем мире, а в глубинах человеческого разума. П. Слотердайк отметил: «Притча о Солнце воспринимается будущим миром как декларация неза-

висимости умопостигаемых колоний от зримой метрополии. В одной-единственной фразе Платон провозглашает создание Соединенных Штатов Света – империи, которая сама себя порождает и сама собой удовлетворяется. Благодаря идеям, посредством идей, по направлению к идеям, в среде идей – так будут жить новые подданные империи света, укрывшиеся в нерушимом логическом убежище, граждане сияющего города на холме, находящегося в таком «где-то еще», которое всюду и в то же время отовсюду в равной мере недостижимо» [2, с. 514].

В метафоричном восприятии двух феноменов можно представить гения и апостола как две формы существования, каждая из которых обладает своим собственным источником света – солнцем. Однако у гения это солнце светит внутри, озаряя его разум, его интеллект и способности к творчеству; апостол же, в свою очередь, получает свет и энергию от священных хлоропластов, внутри которых происходит процесс фотосинтеза, обеспечивающий ему жизненную силу и способность к передаче своего послания.

Холодное солнце просвещения

Следуя мыслям Кьеркегора, на мой взгляд, необходимо обратить внимание на литературный образ Левиркюна, созданного Т. Манном в произведении «Доктор Фаустус», для того чтобы описать появление искусственного солнца в XVI в. Если Кьеркегор противопоставляет апостола и гения, то в случае с Т. Манном это сравнение можно рассматривать как сопоставление гения и дьявола, освещенного искусственным солнцем, которое не дает тепла. Гением можно назвать ту серую область, где происходят не только процессы, озаренные внутренним солнцем, но и те, которые отбрасывают тени при помощи искусственного света, и не приносят тепла. Левиркюн в своем творчестве видит нечто высшее, нежели просто акт творчества. Он воспринимает его как просветление холодным сиянием гениальности, дающим возможность занять место Бога в акте творения. Вместе с тем он не забывает о своем союзе с дьяволом.

В романе «Доктор Фаустус» постоянно происходит игра со значением слова «werk», которое в переводе означает не только «творчество», но и «творение». В конце XIX в. Бог как творец покидает сцену, уступая место сумеркам. Время сумерек Бога переплетается с рассветом человеческого творчества. За последние триста лет это творчество под названием «прогрессивная научная мысль» изменило мир в большей степени, чем миллионы лет естественной эволюции. Начиная с XX в. становится очевидным, как земные сумерки души наложились на метафизические сумерки Богов. Это логично, ведь в классической метафизике Бог и душа всегда были связаны. Исчезновение одной сущности невозможно представить без исчезновения другой.

В непрерывности событий возникает закономерный вопрос: что остается от вечного сияния солнца, которое освещает наш разум и душу, когда мы погружаем-

ся в искусственное свечение искусства, науки, технологии и средств массовой информации? Современная цивилизация, порождающая огромное количество искусственного света, кажется ослепляющей на фоне бледного света Божественного. Вы можете позволить ему сиять только по воскресеньям и праздникам, выключая аппараты искусственного света. Хотя в современном мире это происходит даже с помощью гаджетов. Т. Мачо отмечает: «Радио- и телепередачи папского благословения *Urbi et orbi* прямо воплощают логику этого благословения, включая «круг Земли» не только символически, но и с точки зрения передачи. Ни одному паломнику больше не нужно ехать в Рим сегодня, чтобы получить это благословение! В моем детстве все еще велись споры о том, нужно ли преклонять колени перед телетрансляцией Папского благословения, и будет ли благословение оставаться действенным, даже если оно не транслируется в прямом эфире» [11, с. 29].

Священник, воплощенный на экране искусственного света телевизора, обретает новое сияние. Если свет – это дар Гелиоса, Бога неба как повелителя света, наделяющего нас, людей, чувством зрения, которое может лицезреть как внешние, так и внутренние вещи, то искусственный свет, следуя логике Т. Манна, – это дар дьявола. По своей природе чувство зрения – это солнце в его другом состоянии – солнечный поток и солнечная сила и, следовательно, – причина открытости солнечного глаза солнцу. Видение в основном означает продолжение сияния солнца другими средствами. Метафорично можно сказать, что солнцеподобные глаза излучают видимые вещи и «узнают» их в силу этого освещения. Мышление же, со своей стороны, есть лишь другое видение, а именно видение в сфере невидимых вещей, идей. Как Гелиос является дарителем света для видимого, так Ἀγάθων (Агафон) – благо действует в мире идей подобно всепроникающему центральному солнцу; от него человек получает силу мышления, а вместе с тем и идеи получают способность мыслить.

Искусственный свет притупляет или искажает как внешний, так и внутренний мир. XX в. больше не артикулирует свое световое сознание с помощью солнечных Богов, но в его распоряжении – искусственные источники света, такие как проекторы, экраны и прожекторы. На самом высоком уровне технологии искусственного освещения распространяется сознание всеобщей освещенности, просвещенности и конкретной перспективы развития. Но даже свет Просвещения имеет свою тень. Для современных людей характерно самоощущение, что в результате просвещения и прогресса они увидят мир не только более ярким, но и более сомнительным. А. Ф. Лосев отмечает: «Нельзя любить при электрическом свете; при нём можно только высматривать жертву. Нельзя молиться при электрическом свете, а можно только предьявлять вексель» [12, с. 45].

Пытаясь подвести итоги двухсот лет технологий, связанных с идеей Просвещения, большинство мыслителей обнаруживают необходимость «прояснения Просвещения» или критики несущего свет разума. То, что принято называть пост-модернизмом, имеет один из своих самых убедительных мотивов в этом пересмотре последствий Просвещения. Мысли о Лавверкуне, искусственном солнце, наводят на размышления о его холодной природе. Оно не в состоянии согреть нас, но оказывает огромное влияние на людей, превращая их в безликую массу, лишённую своей истинной человечности – они становятся просто частью массы, известной как *das man*. Это вызывает вопросы: каким образом мы сохраняем свою индивидуальность и подлинность в мире, где искусственный свет может оказывать такое сильное воздействие на нашу сущность?

Во многом вопросы о том, что будет последним, что увидит человек, остаются актуальными и для современного человечества. Является ли последний взгляд ничем иным, «как вечным морганием последних людей» [13, с. 78], смотрящих на беспросветное искусственное солнце? Соответствует ли оно опыту умирающих, согласно Тибетской книге мёртвых, где говорится о «переходе в белый свет угасания?» [14, с. 136], или последний взгляд ослепнет в свете от ядерного взрыва – как бы в технологической реализации свето-мистического опыта под названием «прогресс».

Заключение. Как мы уже обсуждали, разделение тотальности на геоцентрическую и теоцентрическую не является исключительно характеристикой христианской метафизики, а скорее является неизбежным результатом фундаментальных решений греческой классики. Платон предлагает два различных подхода к созданию Вселенной: первый подход подразумевает активное творчество демиурга, который воплощает универсум в виде одушевленного скульптурного произведения; второй подход, который мы можем увидеть в притче о Солнце, представляет собой процесс создания Вселенной через излучение. В этом случае платоновское солнце – эманации своих лучей изнутри, распространяющееся во все стороны. Мерло-Понти отмечает: «Глаз совершает чудо, открывая душе то, что не является душой, – блаженный мир вещей и его Бога. Солнце» [15, с. 16].

С наступлением современной эпохи светлые метафизические установки западной рациональности меняются с нуля. Реальный мир больше не находится под вечным светом божественного «над мира» или «внутри мира», он постепенно раскрывается в ходе процесса искусственного освещения. Это имеет свою мотивацию в переосмыслении концепции основания мира как такового. Вместо авторитетного первоизданного устройства мира на основе порядка творения теперь происходит самоупорядочение мира посредством человеческой практики. Последствия этого для концепции света далеко идущие. Если античная онтология, едва ли отлича-

щаяся от восточной метафизики, позволяла Богу, миру и душе быть показанными ей дающим или открывающим светом, то новый европейский разум полагается на свой собственный освещающий поступок. Следовательно, свет (как интеллект и действие) деонтологизируется – он становится средством и инструментом практики, которая сама обеспечивает себе достаточное просвещение.

Таким образом, исследование показывает, что «апостол» и «гений» представляют собой две уникальные траектории духовного развития в европейской традиции. Оба феномена тесно связаны с эстетической рефлексией, что проявляется в их воздействии на литературное творчество и художественные выражения. Важным выводом является выделение различий в восприятии Божественного начала через призму апостола и гения. Где апостол олицетворяет внешнюю связь с божественным, там гений представляет собой внутренний путь к разгадке тайн духовного мира. Эти различия освещают не только философскую проблематику, но и влияние этих концепций на формирование эстетических ценностей и культурного наследия.

Завершая исследование, можно подчеркнуть, что обсуждаемые феномены не только представляют интерес для философского анализа, но и оказывают существенное влияние на художественное творчество, формируя культурные образы и ценности. Работа ставит перед читателем вызов взглянуть на эти феномены с новой перспективы, обогащая понимание европейской традиции и ее эстетических основ; приглашает к дальнейшему исследованию в области эстетики и философии, расширяя границы понимания человеческой духовности.

Список литературы

1. Кузанский Н. Сочинения: в 2-х т. Т. 1: перевод / общ. ред. и вступит., статья З. А. Тажуризиной. М.: Мысль, 1979. 488 с.
2. Слотердайк П. Сферы: в 2-х т. Т. II. Глобусы. СПб.: Наука, 2007. 1024 с.
3. Слотердайк П., Хайнрихс Г.-Ю. Солнце и смерть: диалогические исследования / пер. с нем., примеч. и послесл. А. В. Перцева. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. 608 с.
4. Sloterdijk P. Den Himmel zum Sprechen bringen. Suhrkamp: Über Theopoesie, 2020. 352 s.
5. Бугай Д. В. Аристотель и философия поздней античности. М.: Философский факультет МГУ, 2019. 468 с.
6. Кьеркегор С. Беседы и размышления. М.: Рипол-Классик, 2020. 512 с.
7. Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. 2-е изд. М.: Академический проект, 2014. 382 с.
8. Розеншток-Хюсси О. Бог заставляет нас говорить. М.: Канон+, 1997. 288 с.
9. Эфроимсон В. П. Генетика гениальности. 3-е изд. М.: Тайдекс Ко, 2004. 374 с.
10. Адорно В. Т. Эстетическая теория / пер. с нем. А. В. Дранова. М.: Республика, 2001. 527 с.
11. Мачо Т. Замечания по истории техники религии // New Rundschau. Брошюра 1. Франкфурт-на-Майне (С. Фишер), 2004.
12. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 303 с.

13. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: Интербук, 1990. 301 с.
14. Тибетская книга мертвых / пер. с англ. СПб.: Издательство Чернышёва, 1992. 116 с.
15. Мерло-Понти М. Око и дух. М.: Искусство, 1992. 63 с.

Авторская справка

СОРОКИН Константин Алексеевич – аспирант первого года обучения, кафедра истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, Департамент философии, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: konstantin.sorokin1@gmail.com

UDC 1(091)

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.51

APOSTLE AND GENIUS: TWO SUNS IN THE SPACE OF EUROPEAN TRADITION. AESTHETIC REFLECTION IN THE HISTORICAL-PHILOSOPHICAL CONTEXT

K. A. Sorokin

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Introduction. The research presented in this article is devoted to analysing the phenomena of "Apostle" and "Genius" in order to understand the nature of these phenomena. The author raises an important question about two different approaches to the historical development of human thinking, which are determined by the models of understanding the world. The main attention is paid to the differences in the perception of the Divine beginning, revealing the differences between the external and internal perception of this phenomenon.

Methods. The methodology of this study is based on a comprehensive analysis of historical, philosophical and aesthetic aspects of the perceptions of the phenomena "Apostle" and "Genius" in the European tradition. The study includes extensive analyses of literary works, including works by S. Kierkegaard and T. Mann, which reveal aesthetic images and reflections related to the "Apostle" and "Genius". The author also draws on philosophical concepts ranging from classical antiquity (Plato, Aristotle) to contemporary thinkers such as P. Sloterdijk. The distinction between the immanent and the transcendent is examined in the context of these philosophical currents. Special attention is paid to the aesthetic aspects of both phenomena, their influence on artistic creation and the formation of aesthetic values in the European tradition. The research methods include descriptive textual analysis, comparative method, intertextual analysis and critical enquiry. The combination of these methods provides a systematic and in-depth analysis of the phenomena of "Apostle" and "Genius" in the context of European tradition, shedding light on their aesthetic and philosophical significance.

Results. The key aspect of the study lies in the connection of both phenomena with spiritual development. The author highlights that the main differences between "Apostle" and "Genius" are manifested in their unique ways of human realisation in striving to reveal the divine nature. The problem of the immanent and transcendent is highlighted, using philosophical concepts traced from Plato and Aristotle to the modern view of P. Sloterdijk in "Spheres II", as well as through the work of S. Kierkegaard and T. Mann, where the images of the Genius and the Apostle are metaphorically displayed in literary form.

Conclusion. The article is an in-depth analysis of the two phenomena, offering new perspectives on understanding human spirituality and its development in the history of thought.

Keywords: P. Sloterdijk, Apostle, Aristotle, Transcendent, Genius, Plato, Immanent, T. Mann, S. Kierkegaard.

References

1. Cusanus N. Works: in 2 vols. Vol. 1. Translation. Ed. and intro., article 3 by A. Tazhurizina. Moscow, Mysl', 1979, 488 p.
2. Sloterdijk P. Spheres II Globes. Saint Petersburg, Nauka, 2007, 1024 p.
3. Sloterdijk P., Heinrichs G.-J. Sun and Death: Dialogical Studies. Translated from German, notes and afterword by A. V. Pertsev. Saint Petersburg, Ivan Limbakh Publishing, 2015, 608 p.
4. Sloterdijk P. Bringing Heaven to Speech. Suhrkamp: On Theopoesy, 2020, 352 s.
5. Bugay D. V. Aristotle and the Philosophy of Late Antiquity. Moscow, Philsfak MGU, 2019, 468 p.
6. Kierkegaard S. Conversations and Reflections. Moscow, RIPOL classic, 2020, 512 p.
7. Kierkegaard S. Fear and Trembling. Translated from Danish by N. V. Isaeva, S. A. Isaev. 2nd ed. Moscow, Akademicheskii proyekt, 2014, 382 p.
8. Rosenstock-Huussy O. God Makes Us Speak. Moscow, Canon+, 1997, 288 p.
9. Efroimson V. P. The Genetics of Genius. 3rd ed. Moscow, Taidex Co, 2004, 374 p.
10. Adorno T. W. Aesthetic Theory. Translated from German by A. V. Dranov. Moscow, Respublika, 2001, 527 p.
11. Macho T. Remarks on the History of the Technology of Religion. New Rundschau. Brochure 1, Frankfurt am Main (S. Fischer), 2004.
12. Losev A. F. The Dialectics of Myth. Moscow, Mysl', 2001, 303 p.
13. Nietzsche F. Thus Spoke Zarathustra. Moscow, Interbuk, 1990, 301 p.
14. Merleau-Ponty M. Eye and Mind. Moscow, Iskusstvo, 1992, 63 p.
15. The Tibetan Book of the Dead. Translated from English. Saint Petersburg, Chernyshyova Publishing, 1992, 116 p.

Author's bio

SOROKIN Konstantin Alekseevich – PhD student at the Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Department of Philosophy, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. E-mail: konstantin.sorokin1@gmail.com

Библиографическая ссылка

Сорокин К. А. «Апостол» и «гений»: два солнца в пространстве европейской традиции. Эстетическая рефлексия в историко-философском контексте // SocioTime / Социальное время. 2023. № 4 (36). С. 51–64. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.51

УДК 316.77

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.65

***ХАБИТУАЛИЗАЦИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ
ЖУРНАЛИСТСКИХ ПРАКТИК В АКТУАЛЬНОМ
КУЛЬТУРНО-КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(круглый стол ученых)***

***Т. А. Семилет, И. В. Фотиева, Е. А. Манскова, Е. В. Лукашевич,
М. А. Деминова, В. В. Витвинчук, Е. Ю. Дыдыкина
Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)***

Введение. В статье представлены мнения участников круглого стола по проблеме хабиитуализации модернизированных журналистских практик, включающих технологические, языковые, социально-коммуникационные и специфически журналистские практики, а также ценностные установки профессии.

Методы. В качестве методов применялись: структурно-функциональный анализ, типологический анализ, смысловая интерпретация данных, дискурс-анализ, анализ медиаизмерений, профессионально-этический анализ, контент-анализ.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В процессе обсуждений, где были представлены основные идеи, высказанные участниками, выявлены основные аспекты и главные факторы модернизации журналистских практик, роль социальных, психологических и ценностных установок профессии и их влияние на трансформацию профессионально-этических принципов журналистики, проблемы реализации эмоциогенных практик. Отмечены амбивалентность модернизации медиасферы, показаны результаты применения хабиитуализированных коммуникативных практик в российском культурно-коммуникативном пространстве, растущая роль псевдожурналистских каналов производства и трансляции контента и коллективных псевдожурналистских коммуникаторов.

В качестве прогрессивных практик выделены: использование цифровых технологий, расширяющих возможности производства и трансляции контента; интерактивность, включающая новые модели взаимодействия с аудиторией, и превращение медиакommunikации в диалог; распространение тематических информационно-образовательных и информационно-развлекательных подкастов, персональных каналов вещания профессиональных журналистов, а также ряд других успешных профессиональных практик. В то же время отмечены негативные тенденции: утрата информационных приоритетов; коммерциализация журналистики; утрата самостоятельности в выборе тем публикаций; установка на личный успех – популярность; установка на конструирование реальности в интересах

определенных групп. Отмечены проблемы, связанные с искусственным интеллектом, в том числе вытеснение из медиасферы личности журналиста с его профессиональными навыками, что приводит к упрощению и стандартизации контента.

Заключение. У участники круглого стола резюмировали: новые технологии не гарантируют проникновения в суть актуальных проблем социума, свобода доступа в информационное пространство может способствовать вытеснению из него профессиональной журналистики. Таким образом, факт хабиитуализации практик не может в полной мере считаться показателем адекватности ответа журналистики на реальные социальные вызовы.

Ключевые слова: хабиитуализация коммуникативных практик, журналистика, модернизация, культурно-коммуникативное пространство, псевдожурналистика.

Введение. Проблема хабиитуализации журналистских практик включает в себя целый ряд аспектов: технологические, языковые, социально-коммуникационные, специфически журналистские практики, ценностные установки профессии. Данная тема так или иначе обсуждается в работах современных авторов (Е. Л. Варганова, И. М. Дзялошинский, И. В. Ерофеева, И. В. Мельничук, А. А. Морозова, М.Е. Аникина и др.), тем не менее ее обсуждение выявило ряд новых и актуальных проблем, на которых остановились участники круглого стола:

- Т. А. Семилет вычленила основные аспекты модернизации журналистских практик и отметила амбивалентность данного процесса;
- И. В. Фотиева остановилась на роли социальных, психологических и ценностных установок профессии и их влиянии на трансформацию профессионально-этических принципов журналистики;
- Е. А. Манскова отметила взрывное развитие социальных медиа и изменение типа медиапотребления как главный фактор модернизации журналистских практик;
- Е. В. Лукашевич представила краткий анализ результатов применения хабиитуализированных коммуникативных практик в российском культурно-коммуникативном пространстве;
- М. А. Деминова остановилась на проблеме реализации эмоциогенных практик в телевизионной журналистике;
- В. В. Витвинчук обобщил практики создания и функционирования псевдожурналистских каналов производства и трансляции контента;
- Е. Ю. Дыдыкина выявила место и роль коллективных псевдожурналистских коммуникаторов в сегодняшнем медийном пространстве.

Методы исследования. В качестве методов, используемых участниками круглого стола, применялись: структурно-функциональный анализ (Т. А. Семилет, И. В. Фотиева), типологический анализ (Т. А. Семилет), смысловая интерпретация данных (М. А. Деминова, В. В. Витвинчук), дискурс-анализ (Е. В. Лукашевич), ана-

лиз медиаизмерений (Е. А. Манскова, Е. В. Лукашевич, В. В. Витвинчук), профессионально-этический анализ (И. В. Фотиева), контент-анализ (Е. Ю. Дыдыкина).

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение

Аспекты модернизации журналистских практик. Предмет нашего обсуждения – модернизация журналистских практик под влиянием актуальных условий, их утверждение и хабитуализация² в наличном культурно-коммуникативном пространстве. Модернизация любой социокультурной системы – процесс сложный, многогранный, весьма трудоемкий и порой болезненный, ибо суть модернизации амбивалентна, она предполагает, с одной стороны, утрату прежнего, привычного, устоявшегося, а с другой – креатив и эвристику по созданию и утверждению нового.

Первый аспект модернизации журналистики имеет множественные проявления, среди которых:

– *утрата информационных приоритетов*: под напором мириад публикаций пользователей социальных сетей и мессенджеров профессиональные СМИ утратили абсолютное лидерство как излучатели информации, как субъекты формирования повестки дня в массово-коммуникативном пространстве и как главные агенты влияния на общественное мнение;

– *отказ от генерального аксиологического принципа журналистики*: вынужденный переход к модели привлечения аудитории сформировал отношение к информации как коммерческому ресурсу, следствием чего стали «мелкотравчатость» поднимаемых и обсуждаемых проблем, несоразмерная ценность развлекательной и занимательной информации, неспособность держать руку на пульсе общественной жизни, серьезная утрата по-настоящему информационной, социально-интерпретативной и просветительской функций, «геймификация»³ и «джинсовизация»⁴ журналистских материалов;

– *потеря самостоятельности в выборе тем публикаций*: интерактивный характер современной массовой коммуникации вынуждает СМИ идти на поводу у аудитории, публиковать не то, что является, по мнению профессионалов, социально значимым, а то, что привлечет внимание аудитории;

– *невостребованность журналистских профессиональных навыков*: агрегаторы, дроны, нейросети вытесняют человеческий фактор и творческую составляющую из процесса создания и обработки продукции СМИ;

² Хабитуализация – опривычивание (Т. Бергер, Н. Лукман), натурализация в существующей среде, превращение в обыденность.

³ Геймификация – использование игровых практик в неигровых контекстах.

⁴ Джинса: в журналистском профессиональном дискурсе – заказная платная публикация в СМИ.

– *минимизация*: вплоть до полного отсутствия аналитических и критических публикаций и как следствие – элиминация функции экспертной диагностики социокультурной реальности и функции контроля над законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти [1].

Такие сущностные деформации и дисфункции классической модели журналистики возбуждают и активизируют общественную дискуссию о «конце журналистики», ее смерти как системы общественной коммуникативно-информационной деятельности [2, 3].

Но утраты и дисфункции – это лишь одна неизбежная сторона модернизации, другая сторона – всплеск творчества, создание новых форм, появление эвристических находок, формальная и содержательная трансформация системы.

В журналистике осваиваются и успешно хабиитуализируются:

- мультимедийные способы изготовления и подачи материала, его диверсификация на различных платформах;
- новые модели взаимодействия с аудиторией, методы ее привлечения и расширения своего информационного поля за счет технологий коллаборации;
- превращение журналистской коммуникации в диалог, «живую журналистику»;
- использование искусственного интеллекта в производстве и трансляции информационного контента;
- создание и периодическое обновление тематических информационно-образовательных и информационно-развлекательных блоков – подкастов;
- персональные каналы вещания профессиональных журналистов;
- существенные изменения языка СМИ.

Это и многое другое выходит за рамки привычного [4], а ранее непривычное становится обыденностью.

Наша задача – эксплицировать и конкретизировать реальную картину происходящего.

Социально-психологические и ценностные установки профессии. Заслуживает внимания утверждающаяся в ходе модернизации особая группа практик, которая включает в себя устойчивые социальные, психологические, ценностные установки профессии.

Здесь следует говорить о том, что вполне нейтральные и даже позитивные в своем первичном значении установки претерпевают сущностную трансформацию, когда они становятся доминирующими и вытесняют классическое и не могущее устареть понимание социальной миссии журналистики. Причем это вытеснение провоцируется не только социальными факторами, но и технико-

технологическими, в том числе цифровыми технологиями. И. Л. Третьяков в статье «Криминально-криминогенные феномены эпохи постправды» совершенно справедливо отметил: «Длительное время считалось, что «сами по себе» технологии нейтральны и лишь люди по своему разумению используют их во благо или во вред... Сегодня все чаще упоминается еще одно обстоятельство: постоянная, профессиональная работа с электронными ресурсами способна изменить психику, мировоззрение, запросы, потребности» [5, с. 22].

Какие же социальные, нравственные, профессионально-идейные установки сегодня под влиянием новых практик «вошли в плоть и кровь» многих (если не большинства) журналистов; стали действительно хабитуализированными? Выделим те, которые отмечаются большинством исследователей (что отчасти может служить критерием их устойчивости и общепринятости):

– *установка на монетизацию контента*, являющаяся следствием коммерциализации журналистики в целом, отступление от «Международных принципов журналистской этики»⁵, подчеркивающих: «Информация – не товар, а социальное благо» и принятие диаметрально противоположной точки зрения;

– *установка на «борьбу за аудиторию любой ценой»*, которая находит свое выражение в целом ряде других видов практик, в первую очередь – в приемах вполне профессионального, манипулятивного «захвата аудитории» с целью повысить рейтинг. «Субъекты медиарынка предпочитают выстраивать коммуникацию согласно формуле «Стимул – Реакция»... «Психология большой белой крысы» (Э. Фромм), активно критикуемая гуманистическим направлением в психологии,.. подчинила себе доминирующие информационные потоки», – констатирует медиа-эксперт И. В. Ерофеева [6, с. 164];

– *установка на личный успех – популярность*. В своем исследовании, проведенном в 2022 году среди студентов МГУ, М. Е. Аникина выделяет несколько основных вариантов понимания ими профессионального журналистского успеха: успех – популярность; успех, связанный с признанием в кругу значимых других; успех как преодоление и самопреодоление; успех как призвание [7, с. 18]. К сожалению, автор не привела данные процентного распределения этих видов среди выборки, но есть все основания предположить, что «успех – популярность» находится если и не на первом, то на близком к первому месте, что стимулируется популярностью известных блогеров, не отличающихся не только профессионализмом, но и элементарной эрудицией и культурой;

– *установка на конструирование реальности в интересах тех или иных групп вместо ее объективного отражения*. Здесь не место вдаваться в философско-

⁵ International Principles of Professional Ethics in Journalism // Accountable Journalism. URL: <https://accountablejournalism.org/ethics-codes/International-Principles>

гносеологическую проблематику конструктивизма и реализма; скажем лишь, что существуют вполне определенные и работающие критерии объективности журналистского материала, которые, хотя и более или менее соблюдаются в серьезных изданиях, но нередко чисто формально, не говоря уж о множестве «желтых» изданий. Неслучайно на первый план все очевиднее выходит проблема наступления «эры постправды», когда подобное конструирование вплоть до полного искажения фактов становится не просто практикой, но вполне «идейно узаконенной», теоретически обосновываемой некоторыми авторами.

Очевидно, что эта ситуация должна в еще большей степени привлечь внимание социологов и психологов, и не только в плане исследования данных тенденций, но и предложения работающих рекомендаций.

Главный фактор модернизации журналистских практик. Главным фактором модернизации журналистских практик стало взрывное развитие социальных медиа и изменение типа медиапотребления.

Социальные медиа мы понимаем в их классическом определении как «группу интернет-приложений, которые основываются на идеологических и технологических основах Веб 2.0 и позволяют создавать пользовательский контент и обмениваться им» [8, р. 61].

Социальные медиа – это не только социальные сети и мессенджеры, но и блоги, и микроблоги, видеохостинги, стриминговые платформы, мультимедийные проекты, сервисы подкастинга и т. п. Все эти способы медиакommunikации объединяют четыре важные характеристики:

- *постоянный, поточный доступ к контенту*;
- *интерактивность* (двусторонняя коммуникация автора и потребителя контента);
- *мультимедийность* (функционирование контента одновременно в разных форматах – видео, аудио, текст);
- *гипертекстуальность* (существование альтернативы выбора контента благодаря его многоуровневой структуре и системе гиперссылок).

Можно утверждать, что на сегодняшний день вполне хабиитуализированы новационные журналистские практики:

- фрагментация нарративов традиционных журналистских форматов (новостей, аналитики, публицистики);
- увеличение объема производства больших форматов видеоподкастинга;
- доминанта визуального контента в конвергентных инфомолекулах над всеми другими формами подачи информации (текста, графики, фото или рисунка, аудиоматериала);

– конвергенция форматов и «переупаковка» контента под специфику смартфона и лент социальных сетей, как, к примеру, утвердился вертикальный формат видео и фото вместо традиционного горизонтального видео с надписями (короткие тексты, видео или фото с гиперссылками в сториз);

– упомянутые уже драматизация и геймификация контента;

– максимальная степень жанровой и тематической гетерогенности контента универсальных медиа, подчиненного не общей редакционной концепции, а цифровым алгоритмам аудиторного спроса.

Такие метаморфозы журналистских практик обусловлены ориентацией на потребителя, а современный потребитель информации – это, в первую очередь, потребитель социальных медиа.

Данные последних медиаизмерений позволяют нам говорить об основных трендах нового типа медиапотребления:

– смартфон выигрывает борьбу за пользователя у стационарных устройств: согласно статистике «Медиаскоп», 90 процентов трафика россияне потребляют через «наладонник»;

– социальные сети занимают лидирующие позиции в общем потоке медиапотребления, несмотря на блокировку популярных ресурсов;

– видеоконтент остается у аудитории самым популярным форматом медиа;

– интерес аудитории к новостному контенту – медиатренд, радикально менявший свой вектор: до 2022 г. данные всех медиаизмерений демонстрировали постепенное снижение общих объемов новостного контента, а с февраля 2022 г. этот тип информации закономерно показывает взрывной рост, что, как мы понимаем, связано с началом специальной военной операции.

Вне зависимости от оценки процессов, происходящих в медиапотреблении, журналистские практики подчиняются их логике как объективной реальности.

Применение журналистских практик в российском культурно-коммуникативном пространстве. Обсуждение проблемы модернизации журналистских практик, их хабиутализации, невозможно без анализа результатов их применения в российском культурно-коммуникативном пространстве. Все более усиливающаяся медиатизация действительности и формирование человека медийного [9] стали частью нашей повседневности. Можно видеть на примерах, как медиадискурсивные практики и технологии журналистов влияют на ценностные ориентации, на понимание значимости фактов и моделей поведения участников массовой коммуникации.

Так, в августе 2023 г. Федеральный институт педагогических измерений по традиции опубликовал демоверсии ЕГЭ 2024 г. Сенсационный интерес СМИ вызвали изменения в ЕГЭ по литературе, связанные с тем, что из кодификатора убра-

ли разделы о русской литературе XIX века, соответственно тексты А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя и др. Манипулятивные техники смещения акцентов в медиатекстах при обсуждении новости, переориентации внимания на факты, которые явно должны вызвать негативную реакцию аудитории, нашли отражение в эмоциогенных заголовках, приведем некоторые из них: «В демоверсию кодификатора ЕГЭ по литературе не включили произведения Пушкина» («Коммерсант», 27.08.2023), «Как классики XIX века исчезли из программы ЕГЭ по литературе» («Российская газета», 29.08.2023); «Без Пушкина и Гоголя» («Сноб», 28.08.2023), «Вместо Пушкина – Кафка и Оруэлл» («Новые известия», 28.08.2023) и т. п.

Итог заряжения российской медиааудитории эмоциями негодования, возмущения, гнева можно сконцентрировать в виде риторического вопроса, заданного в одной из публикаций: «Как можно изучать русскую литературу без солнца русской поэзии?» При этом все рациональные аргументы журналистов, комментарии экспертов уже не воспринимались аудиторией. Важно отметить, что интерес к проблеме быстро угас и не получил эмоционального резонанса (ментального, поведенческого) в социуме.

Еще один показательный пример эмоциогенного воздействия СМИ на аудиторию – это публикации о *поправках* в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (№ 53-ФЗ от 01.06.2005), принятых Госдумой 16.02.2023 [10].

Анализ публикаций в российских интернет-изданиях РБК, ТАСС, «Российской газете», «Ведомостях», «РИА Новости» и других показал, что акцент практически во всех медиатекстах сделан на защите русского языка от чрезмерного использования иностранных слов: «Путин подписал закон о *защите* русского языка» («Российская газета»); «Госдума одобрила во втором чтении *принятый* закон о *защите* русского языка» («Ведомости»); «Дума *приняла* закон о *недопустимости иностранных слов*» (РБК); «Русский язык *защитят от чрезмерных иностранных заимствований*» (duma.gov.ru) и др. В заголовках допускается искажение смысла поправок для привлечения внимания читателя, навязывания одного из фактов (защита от иностранных слов), усиления воздействующей функции, используется провокационная эмоциогенная оценка в направлении «свой – чужой».

Именно эта оценка нашла поддержку у большинства российских пользователей. Так, на сайте «РИА Новости» типичные комментарии связаны с эмоциональным откликом пользователей: «Наконец-то. 30 лет назад нужно было. Богатый русский язык, а применяем чужой»; «Давно это надо было сделать». Единичны комментарии, где ставится вопрос о том, как исполнять закон, о трудностях с подбором аналогов, проблемах с использованием нецензурной речи и т. п.

Аудитория введена в заблуждение интерпретацией СМИ. Так, Закон «О государственном языке Российской Федерации» был принят в 2005 г. Событие, которое активно поддержано россиянами в феврале 2023 г., относится к редакции закона от 2014 г., а в редакцию 2023 г. внесено существенное дополнение о том, что перечень общеупотребительных аналогов для иностранных слов будет опубликован в нормативных словарях. И здесь следует признать справедливость заключения медиаэксперта И. М. Дзялошинского о том, что медиатизированная аудитория в отношении к окружающему миру привыкает ориентироваться и, добавим, полагаться на предложенную ей интерпретацию событий средствами массовой информации [11, с. 15].

Реализация эмоциогенных практик в телевизионной журналистике. Эмоциогенные практики активно реализуются сегодня и в телевизионной журналистике. Например, программа первого канала «Жить здорово!» использует практику запугивания зрителей, формирования у них фобий относительно угроз здоровью. О здоровье говорится в контексте любой стороны повседневного существования, подтверждением чему служит набор рубрик программы: «про жизнь», «про еду», «про медицину», «про дом». Основной тезис программы звучит примерно так: «Будь осторожным, абсолютно все на свете может обернуться опасностью». Зрителей пугают, превращая в постоянных поклонников шоу.

Тактика повествования программы «Жить здорово!» заключается в том, что запугивание зрителя происходит «волнообразно», у трансляции фобий есть свой темп. Так, один из выпусков программы (от 29.03.2023 г.) начинается с обсуждения обморока. Ход телепередачи нацелен на то, чтобы вызвать у зрителя чувство паники. «Обморок! Одно из самых частых происшествий, с которым мы сталкиваемся на улице!» – восклицает Елена Васильевна Малышева. Первая реплика наносит удар по зрителю: «Происходит какой-то кошмар и караул». Чтобы заинтересовать зрителя, нужно объяснить проблему как можно проще. Что свидетельствует о том, что обморок – одно из самых частых происшествий на улицах? Елена Васильевна отвечает на вопрос следующим образом: «Огромное количество картин посвящено именно обмороку, это супер-частая проблема!» Как оказалось, чтобы завоевать доверие, не нужно приводить статистику и любимые всеми «открытия британских ученых». Достаточно яркой картинки и бьющих слов. Тревожная музыка дополняет атмосферу.

После напряженного обсуждения обморока идет блок «про еду». Фоном звучит позитивная музыка, спикеры ведут себя так, словно не вещали об ужасах обморока несколько минут назад. Разговоры о еде служат своеобразной разрядкой, возвращают к первичным естественным потребностям человека. Публикация рецептов – излюбленный прием многих средств массовой информации, это помогает

потребителю отдохнуть и отвлечься. Тем же эффектом обладает контент про животных.

После паузы вновь следует напряжение, зрителя снова пугают, разговор пойдет о самом заветном страхе каждого человека – страхе боли. Блок называется «Служба боли». Эта рубрика появилась недавно, она представляет собой отдельный проект, в ходе которого зрители обращаются за помощью к докторам команды «Жить здорово!» Специалисты программы берутся за сложные случаи, с которыми не смогли справиться другие доктора. Так, один из сюжетов посвящен компрессионному перелому позвоночника. На примере конкретного случая нам рассказывают о симптомах заболевания, лечении (важно отметить, что процесс лечения подкрепляется кадрами реального операционного процесса) и профилактике. Герой получает долгожданное облегчение после длительной острой боли, а зритель – предостережение и успокоение.

Завершающая тема выпуска – «Вредные утренние привычки». Бесспорно, вещи, о которых говорят ведущие, пугают, но форма подачи информации располагает к расслаблению – доктора программы показывают целые этюдные зарисовки вредных привычек, которые могут пагубно сказаться на здоровье. Непривычное перевоплощение докторов в актеров веселит и расслабляет зрителя – программа завершается на позитивной ноте.

За весь цикл программы зритель получил сбалансированную порцию страха. Паузы между ударами помогли фобии крепко закрепиться в сознании. А это значит, что зритель привыкает к запугиванию и нуждается в просмотре продолжения программы.

Практики создания и функционирования псевдожурналистских каналов производства и трансляции контента. Важно заострить внимание на утвердившихся в результате модернизации массово-коммуникационного пространства практиках создания и функционирования псевдожурналистских каналов производства и трансляции контента. Легкость создания вещательных каналов на базе интернет-технологий спровоцировала появление в пространстве массовой коммуникации феномена квазижурналистики. Это хорошо видно на примере сетевой кинокритики.

В традиционном журналистском понимании кинокритика присутствует на платформе YouTube, но занимает очень малый сегмент и набирает скромное количество просмотров. Например, канал «Кино ТВ» создает качественные рецензии, приглашает профессиональных критиков, дает серьезную аналитику и, в целом, наследует инструментарий журнала «Искусство кино» с поправкой на формат видео. Однако у канала всего 59 тысяч подписчиков, и создаваемые сюжеты набирают 10–20 тысяч просмотров, что по меркам платформы указывает на малую востребованность.

Гораздо большей популярностью пользуется так называемый жанр кинообзора как квазижурналистская сетевая кинокритика. Видеообзор может касаться любых тем: от стиральных машин до политических фигур. Кинообзор же можно отнести к формату шоу, которое выполняет исключительно развлекательную функцию, ибо ключевая интенция кинообзора – демонстративная, разоблачающая критика с использованием инструментов повышенной экспрессии.

Наиболее популярные в российском сегменте YouTube-каналы с кинообзорами – *BadComedian*, *SokoL[off] TV*, «КИНОКРИТИКА» – являются почти полностью калькой с англоязычных кинообзоров, появившихся на заре развития платформы. Основной жанровый продукт указанных каналов представляет собой довольно продолжительные ролики в хронометраже от 20 минут до двух часов, создаваемые в рамках сетевого персонального журнализма одним человеком, который представляет аудитории свои мысли, эмоции и открытия по поводу какого-либо фильма.

Обычно зритель видит в кадре говорящего автора в среднем «дикторском» плане, размышления которого для наглядности перемежаются с короткими фрагментами обсуждаемого фильма или кадрами из других фильмов, иллюстрирующих мысль или эмоцию автора. Данный прием можно назвать делегированием высказывания: когда автор хочет показать какую-либо сильную эмоцию при отсутствии собственных актерских талантов, мы видим вставку со смеющимся Дени Де Вито, мрачным Дэниелом Дэй-Льюисом или кричащим Арнольдом Шварценеггером. Порой автор остается анонимным закадровым голосом (так долгое время было на канале «ЧБУ»), иногда автор, например Евгений Баженов, проявляет креативность и разыгрывает сценки из фильма или выстраивает свой параллельный нарратив, складывающийся в самостоятельный скетч.

Несмотря на разнообразный инструментарий визуальной выразительности, важно отметить, что кинообзоры граничат с дисфункциональностью медийного продукта. Так, автор канала «ЧБУ», специализирующийся на создании провокационных теорий и поиске скрытого смысла, откровенно заявляет, что заимствует почти все свои мысли и теории из англоязычных каналов аналогичного жанра и активно эксплуатирует так называемый зрительский «синдром поиска глубинного смысла». Контент канала ANOIR почти полностью состоит из псевдофилософских высказываний и интроспекции авторских переживаний. «Канал Кишинговского» с применением гипертрофированной авторской эмоциональности активно эксплуатирует крайне субъективные оценки в парадигме «нравится – не нравится».

По сути, мы видим довольно мастерское создание симулякров, производящих деконструкцию и десемантизацию чужой кинопродукции, что, собственно, и характерно для квази- или псевдожурналистики.

Роль коллективных псевдожурналистских коммуникаторов в современном медийном пространстве. Наряду с индивидуальными псевдожурналистскими каналами вещания в современном сетевом пространстве прижились и стали

обыденными коллективные псевдожурналистские коммуникаторы. В частности, к таковым относятся новостные паблики (публичные страницы). Их контент отчасти схож с контентом официальных СМИ, и в классификации А. А. Морозовой их можно отнести к категории «информационные ресурсы, но не СМИ» [12].

Записи в пабликах, как правило, содержат в себе:

- заявления о проблемах (жалобы на поведение людей и организаций, бытовые неурядицы);
- просьбы о помощи (например, поиск очевидцев ДТП);
- новости;
- поздравления с праздниками;
- забавные картинки и/или видео;
- публикации ради хайпа;
- рекламу.

Новостные паблики можно определить как информационный ресурс, «специализирующийся в большей степени на распространении полезной информации и отличающийся разнообразием структурных элементов внутри материалов, а также способом подачи данных» [13, с. 195]. Ценная часть их контента – уникальные новости, которые присылают очевидцы событий; другая часть, количественно преобладающая, – это копирование новостей из любых источников, в связи с чем возникает проблема уникальности контента и ценности информационного канала. Но скорость появления новостей и факт личного свидетельства дают им существенное преимущество перед крупными редакциями СМИ, способствуют их популярности у аудитории.

Сравним количество подписчиков региональных официальных СМИ и пабликов в социальных сетях:

- сеть «ВКонтакте». Официальные СМИ имеют: «Катунь 24» – 69 тыс. подписчиков, «Алтапресс» – 30 тыс., совокупно – 99 тыс. В этой же сети паблики «Barnaul 22» – 380 тыс. и «Инцидент Барнаул» – 252 тыс., что в совокупности дает 632 тыс. подписчиков;
- в сети «Одноклассники» официальные СМИ имеют: «Катунь 24» – 58 тыс. подписчиков и «Алтапресс» – 35 тыс., совокупно – 93 тыс., а паблики «Barnaul 22» – 205 тыс. и «Инцидент Барнаул» – 66 тыс., что совокупно дает 271 тыс. подписчиков.

Лидером по аудитории является паблик «Barnaul 22», соответственно, количество просмотров, отметок «нравится», комментариев и репостов у данного сообщества больше, чем у других, и доверие аудитории и рекламодателей выше.

Требования точности и достоверности зачастую становятся необязательными для авторов пабликов, кроме того, информация приобретает специфические черты в связи с тем, что ее произвели не профессионалы, а обычные жители региона. Эти свойства привлекают аудиторию, расширяют ее круг, но снижают качество информации.

Паблики в современном информационном пространстве берут на себя роль средств массовой информации наравне с традиционными видами СМИ. Они имеют одинаковые черты: общий канал, доступ к аудитории, обратную связь, рерайтинг материалов друг друга. С другой стороны, наличие уникальных, специфических черт в процессе производства, обмена и распространения информации позволяет сделать вывод, что паблики – самостоятельный уникальный коммуникатор, который тесно связан с традиционными СМИ. Принципиальным отличием пабликов от традиционных СМИ является то, что в них аудитория создает и оперативно распространяет информацию зачастую без соблюдения норм и правил.

Например, в паблике «Инцидент Барнаул» жительница города жалуется: «Едем в трамвае номер 7, везут 6 собак из ласки, вонь невозможная, они мочат на пол и все остальное...»⁶. К записи прикреплена фотография, где изображены несовершеннолетние, что является нарушением ст. 6. Закона «О персональных данных»; в комментариях автора поста называют «цаца», а собак «надо было выкинуть на...р из трамвая!!!», к тому же сама новость не является актуальной.

И тем не менее псевдожурналистика публичных страниц стала важным источником информации для общества и для самих СМИ, заняла прочное место в современном медийном пространстве.

Заключение

В результате прошедшего обсуждения были получены следующие результаты:

1) выявлены основные аспекты и факторы модернизации журналистских практик, роль социальных, психологических и ценностных установок профессии и их влияние на трансформацию профессионально-этических принципов журналистики, проблемы реализации эмоциогенных практик;

2) отмечены амбивалентность модернизации медиасферы, показаны результаты применения хабиитуализированных коммуникативных практик в российском культурно-коммуникативном пространстве, растущая роль псевдожурналистских каналов производства и трансляции контента и коллективных псевдожурналистских коммуникаторов;

⁶ URL: https://vk.com/incident22?w=wall-140899168_3032420

3) в качестве прогрессивных практик выделены: использование цифровых технологий; интерактивность и превращение медиакommunikации в диалог; распространение тематических подкастов, персональных каналов вещания профессиональных журналистов;

4) отмечены негативные тенденции: утрата информационных приоритетов; коммерциализация журналистики; утрата самостоятельности в выборе тем публикаций; установка на личный успех – популярность; установка на конструирование реальности в интересах определенных групп. Выделены проблемы, связанные с искусственным интеллектом, в том числе вытеснение из медиасферы личности журналиста.

Таким образом, можно резюмировать: при всей сложности и многонаправленности процесса модернизации журналистских практик, равно как и его аксиологической амбивалентности, существует критерий востребованности публикой этих практик. Этот критерий – хабиитуализация. Тот факт, что модернизационные практики пользуются популярностью у аудитории, регулярно воспроизводятся и мультиплицируются, занимают определенное место в массово-коммуникационном процессе, становятся его повседневностью, свидетельствует об их жизнеспособности, социальной укорененности. Но является ли факт хабиитуализации практик показателем адекватности «ответа» журналистики на реальные социальные «вызовы»? И все ли они – свидетельства общественного прогресса?

По итогам обсуждения можно заключить, что новые технологии не решают проблему порождения смыслов средствами массовой информации, проникновения ими в суть актуальных проблем социума и зачастую используются для заигрывания с публикой, привлечения ее внимания, а открывшаяся свобода доступа в информационное публичное пространство способствует наполнению его псевдожурналистикой непрофессиональных обывателей. Таким образом, процесс модернизации болезненный, а модернизационные практики весьма противоречивые.

Список литературы

1. Митрохин Н. Четвертая власть: конец мифа // Полит.ру, 2023. URL: <https://m.polit.ru/news/2023/04/03/mitrohin/> (дата обращения: 10.10.2023).
2. Исчезновение журналистики: грозит ли это России в ближайшие 10 лет? // Inkazan.ru, 2019. URL: <https://inkazan.ru/news/2019-02-19/ischeznovenie-zhurnalistiki-grozit-li-eto-rossii-v-blizhayshie-10-let-1411808> (дата обращения: 09.10.2023).
3. Чуркина А. Конец американской журналистики? // ИноСМИ, 2022. URL: <https://inosmi.ru/20090629/250246.html> (дата обращения: 08.10.2023).
4. Семилет Т. А., Фотиева И. В. Постструктуралистская модель IT-журналистики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 40–49. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-6-40-49

5. Третьяков И. Л. Криминально-криминогенные феномены эпохи постправды // Мониторинг правоприменения. 2020. № 3 (36). С. 21–24.
6. Ерофеева И. В. Психология журналистики в системе профессионального становления современного журналиста // Ученые записки ЗабГГПУ. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения. 2012. № 6. С. 163–167.
7. Аникина М. Е. Представления об успехе как элемент профессиональной идеологии и профессионального сознания журналиста // Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии: материалы международной научно-практической конференции, 18–19 ноября 2022 г. / отв. ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: Медиапир, 2022. С. 16–19.
8. Kaplan A. M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media. *Business Horizons*, 2010. Vol. 53 (1). Pp. 59–68.
9. Вартанова Е. Л. СМИ и журналистика в пространстве постиндустриального общества // Медиаскоп. 2009. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/352> (дата обращения: 10.10.2023).
10. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 28.02.2023). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/22277 (дата обращения: 10.10.2023).
11. Дзялошинский И. М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. М.: Изд-во АПК и ППРО, 2013. 479 с.
12. Морозова А. А. Тематическая классификация сообществ в социальной сети «ВКонтакте» как нового средства массовой информации // Современная медиасфера: практика трансформации, теоретическое осмысление, институциональные перспективы: материалы I Международной научно-практической конференции. Минск, 2017. С. 160–166.
13. Мельничук И. В. Специфика контента новостных городских пабликов в социальной сети (на примере «ВКонтакте») // Медиасреда. 2017. № 12. С. 193–198.

Авторская справка

СЕМИЛЕТ Тамара Алексеевна – доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия. E-mail: 7let@mail.ru

ФОТИЕВА Ирина Валерьевна – доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия. E-mail: fotieva@bk.ru

МАНСКОВА Елизавета Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия. E-mail: manskova79@gmail.com

ЛУКАШЕВИЧ Елена Васильевна – доктор филологических наук, профессор, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия. E-mail: lmce@mail.ru

ДЕМИНОВА Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия. E-mail: m.deminova@mail.ru

ВИТВИНЧУК Владимир Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия. E-mail: amon-ra17@mail.ru

ДЫДЫКИНА Екатерина Юрьевна – магистр журналистики, соискатель, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия. E-mail: miss.dydykina@mail.ru

UDC 316.77

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.65

HABITUALIZATION OF THE MODERNIZING JOURNALISM PRACTICES IN CURRENT CULTURAL-COMMUNICATIVE SPACE (a round table of scientists)

***T. A. Semilet, I. V. Fotieva, E. A. Manskova, E. V. Lukashevich,
M. A. Deminova, V. V. Vitvinchuk, E. Yu. Dydykina
Altai State University, Barnaul (Russia)***

Introduction. The article represents the opinions of the round table participants on habitualization of modernizing journalism practices including technical, language, social and communicative practices along with the practices peculiar to journalism and values of journalism.

Methods. structural-functional analysis, typological analysis, data semantic interpretation, discourse analysis, media metrics analysis, professional ethic analysis, content analysis.

Results. The participants note that modernization of media space is ambivalent in all its sides. The scholars emphasize the following progressive habitualized journalism practices: use of digital technologies spreading the capabilities of producing and casting content; interactivity which includes new patterns of interaction with the audience and dialogizes media communication; spreading of infoeducational and infotainment podcasts, personal channels of qualified journalists along with many other journalism practices. Nevertheless some negative trends are mentioned: information priorities loss, commercialization of journalism, lesser degree of independence in choosing topics to cover; desire for one's own success and popularity; shaping reality in the interests of specific groups. Audience manipulation and its emotion triggering got widespread. Special attention is paid to the practices within the new phenomena of quasi- and pseudo-journalism: growth of the individual pseudo-journalistic broadcast channels, especially news ones. AI-related challenges are also noted, e.g. artificial intelligence displaces journalists with their professional skills from media space making content simpler and more standardized.

Conclusion. The participants summarized: new technologies do not guarantee penetration into the core of current social issues, free access to the informational space might oust skilled journalism from it. Therefore, the fact of habitualization of journalism practices might not be regarded as the measure of adequacy of journalism respond to real social challenges.

Keywords: habitualization of communicative practices, journalism, modernization, cultural-communicative space, pseudo-journalism.

References

1. Mitrohin N. Chetvertaya vlast': konec mifa [The Fourth Estate: the end of the myth]. *Polit.ru*, 2023. Available at: <https://m.polit.ru/news/2023/04/03/mitrohin/> (accessed 10.10.2023).
2. Ischeznovenie zhurnalistiki: grozit li eto Rossii v blizhayshe 10 let? [The disappearance of journalism: does this threaten Russia in the next 10 years?]. *Inosmi.ru*, 2019. Available at: <https://inkazan.ru/news/2019-02-19/ischeznovenie-zhurnalistiki-grozit-li-eto-rossii-v-blizhayshie-10-let-1411808> (accessed 09.10.2023).
3. Churkina A. Konec amerikanskoj zhurnalistiki? [The end of American journalism?]. *InoSmi.ru*, 2009. Available at: <https://inosmi.ru/20090629/250246.html> (accessed 08.10.2023).
4. Semilet T. A., Fotieva I. V. Poststrukturalistskaya model' IT-zhurnalistiki [Post-structuralist model of IT journalism]. *Vestnik NGU* [Bulletin of Novosibirsk State University], Series: History, philology. 2022, vol. 21, no. 6, pp. 40–49. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-6-40-49
5. Tret'yakov I. L. Kriminal'no-kriminogennyye fenomeny epohi postpravdy [Criminal phenomena of the post-truth era]. *Monitoring pravoprimeneniya* [Enforcement monitoring]. 2020, no. 3 (36), pp. 21–24.
6. Erofeeva I. V. Psikhologiya zhurnalistiki v sisteme professional'nogo stanovleniya sovremennogo zhurnalista [Ideas about success as an element of professional ideology and professional consciousness of a journalist].

Uchenye zapiski ZabGGPU [Scientific notes of ZabGGPU], Series: Vocational education, theory and teaching methods. 2012, no. 6, pp. 163–167.

7. Anikina M. E. Predstavleniya ob uspekhe kak element professional'noj ideologii i professional'nogo soznaniya zhurnalista [Ideas about success as an element of professional ideology and professional consciousness of a journalist]. *Zhurnalistika XXI veka: vozvrashchayas' k professional'noj ideologii. Mater. mezhdunar. nauchno-prakticheskoy konferencii, 18–19 noyabrya 2022 g.* [Proc. International scientific and practical conference “Journalism of the 21st century: returning to professional ideology”]. Saint Petersburg, Mediapapir, 2022, pp. 16–19.

8. Kaplan A. M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media. *Business Horizons*. 2010, vol. 53 (1), pp. 59–68.

9. Vartanova E. L. SMI i zhurnalistika v prostranstve postindustrial'nogo obshchestva [Media and journalism in the space of post-industrial society]. *Mediaskop* [Mediaskop]. 2009, iss. 2. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/352> (accessed 10.10.2023).

10. Federal'nyj zakon «O gosudarstvennom yazyke Rossijskoj Federacii» ot 01.06.2005 no. 53-FZ (red. ot 28.02.2023) [Federal Law no. 53-FZ dated 1 June 2005 “On the state language of the Russian Federation” (as amended on 28 February 2023)]. *Consultant.ru*, 2023. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/22277 (accessed 10.10.2023).

11. Dzyaloshinskij I. M. *Mediaprostranstvo Rossii: kommunikacionnye strategii social'nyh institutov* [Russian media space: communication strategies of social institutions]. Moscow, APK i PPRO, 2013, 479 p.

12. Morozova A. A. Tematicheskaya klassifikaciya soobshchestv v social'noj seti «VKontakte» kak novogo sredstva massovoj informacii [Thematic classification of communities on the social network “VKontakte” as a new media]. *Sovremennaya mediasfera: praktika transformacii, teoreticheskoe osmyslenie, institucional'nye perspektivy. Mater. I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf* [Proc. I Int. scientific-practical conf. “Modern media sphere: transformation practice, theoretical understanding, institutional perspectives”]. Minsk, 2017, pp. 160–166.

13. Mel'nichuk I. V. Specifika kontenta novostnyh gorodskih pablikov v social'noj seti (na primere «VKontakte») [Specifics of the content of urban news publics on a social network (using the example of VKontakte)]. *Mediasreda* [Media environment]. 2017, no. 12, pp. 193–198.

Author's Bio

SEMILET Tamara Alekseevna – Doctor of Philosophy, Professor, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: 7let@mail.ru

FOTIEVA Irina Valerievna – Doctor of Philosophy, Professor, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: fotieva@bk.ru

MANSKOVA Elizaveta Anatolyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: manskova79@gmail.com

LUKASHEVICH Elena Vasilievna – Doctor of Philology, Professor, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: lmce@mail.ru

DEMINOVA Marina Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: m.deminova@mail.ru

VITVINCHUK Vladimir Valerievich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: amon-ra17@mail.ru

DYDYKINA Ekaterina Yurievna – Master of Journalism, applicant, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: miss.dydykina@mail.ru

Библиографическая ссылка

Хабитуализация модернизационных журналистских практик в актуальном культурно-коммуникативном пространстве (круглый стол ученых) / Т. А. Семилет, И. В. Фотиева, Е. А. Манскова, Е. В. Лукашевич, М. А. Деминова, В. В. Витвинчук, Е. Ю. Дыдыкина // *SocioTime / Социальное время*. 2023. № 4 (36). С. 65–81. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.65

УДК 94(73)

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.82

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ И ЭТНИЧЕСКОГО ЛОББИЗМА В АМЕРИКАНО-КУБИНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ В ПЕРИОД 1960–2022 гг.

Д. А. Палей, А. А. Маркосян

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург (Россия)

Введение. Статья проливает свет на публично-дипломатические и этнические лоббистские аспекты во взаимоотношениях США и Кубы с подробным рассмотрением исторических кейсов политического лоббизма и акционизма в рамках американской публичной дипломатии. Подробно рассматривается специфика американо-кубинской этнической диаспоры и их влияния на внешнеполитические действия США в отношении Кубы.

Методы. В рамках исследования авторы обращаются к ряду теоретических концепций: во-первых, работая с институтами публичной дипломатии и этнического лоббизма, мы обращаемся к концепции «мягкой силы», при этом, проводя различия между мягкой силой и непрямыми воздействиями публичного и лоббистского характеров. Во-вторых, определив характер американской публичной дипломатии как крайне активный, мы обратились к концепции производства согласия У. Липпмана, Э. Хермана и Н. Хомски. В-третьих, американская публичная дипломатия, действующая в культурно-географическом пространстве Кубы, демонстрирует хоть и несостоявшийся, но пример, подпадающий под концепцию культурного империализма. В-четвертых, конструктивизм позволяет наблюдать Кубу как контекст монолитной и самозаклеченной культурной среды. В-пятых, имея дело с лоббистским аспектом, мы приходим к концепциям прямого и косвенного лоббистского акционизма, а также ряду теоретических подходов в сфере групп интересов в рамках институциональной структуры государства.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Отношения США и Кубы предстают комплексным и крайне противоречивым феноменом. Память об исторической травме кубинских вынужденных мигрантов становится одним из основных двигателей лоббистского акционизма консервативного толка, направленного против действующей кубинской власти. Наряду с этим рассматривается диаспоральная стагнация консервативных антикубинских настроений с последующим изменением вектора лоббистской деятельности под руку с меняющимися векторами публичной дипломатии в XXI веке.

Заключение. Факторы, такие как этнический лоббизм, исторические обиды и различия в восприятии мировых событий, создают дополнительные препятствия на пути к установлению доверительных отношений. При этом публичная дипломатия продолжает оставаться важным элементом в этом динамичном процессе, акцентируя внимание на значимости глубокого понимания исторического, культурного и социополитического контекста при формулировании и реализации внешнеполитических решений.

Ключевые слова: лоббизм, этнический лоббизм, публичная дипломатия, мягкая сила, международные отношения.

Введение. Перестав существовать и утратив сеть механизмов взаимодействия с внешним миром, СССР перестал являться опорной точкой для кубинского социализма. В свою очередь, Куба перестала представлять социалистическую угрозу для западной перспективы устройства мира. США взяли курс на нормализацию отношений с давними идеологическими оппонентами, выстраивая новый диалог с Вьетнамом и Китаем. Тем не менее американское эмбарго острова продолжается при различных администрациях, будь то демократическая или республиканская. Кабинет президента Барака Обамы на закате своего пребывания у дел сделал попытку наладить отношения, оформляя перезапуск взаимоотношений между двумя государствами. Однако президентство Дональда Трампа, как и первая половина срока Джозефа Байдена, не принесло взаимопонимания, продолжая разрушать связи между Кубой и США.

В данной работе мы рассматриваем специфику американо-кубинских взаимоотношений с середины XX века по 2022 год, отслеживая основные вехи американской публичной дипломатии и внутриамериканского поля этнического кубинского лобби внутри США и их влияния на внешнеполитические сношения двух стран.

Рассматривая политические взаимоотношения сквозь призму публичной дипломатии и этнического лоббизма, мы обращаемся к ряду теоретических концепций – инструменты американской публичной дипломатии – ответвления мощнейшего института «мягкой силы». В данном случае «мягкую силу» необходимо рассматривать как исключительно культурно-ценностный способ взаимодействия. Тем не менее при географической близости и, казалось бы, неизбежности прямого воздействия Кубе удавалось и удается сохранять иммунитет к широкому репертуару инструментов мягкого воздействия на свою культурно-политическую жизнь, идущую со стороны США. Куба продолжает сохранять свой корпус уникальных культурных традиций наряду с собственной идентичностью, отличной от американской.

Одной из основных особенностей такого культурного сохранения выступают история острова и политическая направленность страны, в целом, никогда не позволявшая американским элитам внедрять свои общественные модели ни мягкими, ни жесткими способами. Таким образом, инструменты американской «мягкой силы» должны быть применены в исключительных сферах точечным воздействием

на отдельных акторов и участников кубинского общества. К примеру, американская культура имеет шанс просочиться в кубинское общество через образовательные, лидерские и спортивные программы с вовлечением в них лидеров мнений и общественных деятелей. Одним из наиболее действенных инструментов американской «мягкой силы» и публичной дипломатии становится привлечение отдельных членов кубинского общества с целью изменения их идентичностно-культурной матрицы как в отношении США, так и во взглядах на устройство кубинского общества [15].

Так, кубинцы, приехавшие в США, по возвращении домой будут обладать собственным взглядом на политико-культурные взаимоотношения двух стран, возможно, оппозиционным к превалирующему на Кубе. USAID предлагает весьма узкий спектр программ обмена: Фулбрайт, нацеленный на кадры в сфере образования и научной деятельности; программы спортивного обучения для профессионалов и тренерского состава, а также культурные программы в сфере искусств, языка и музыки [5]. Таких граждан можно именовать агентами, то есть действующими компонентами американской публичной дипломатии в частности и «мягкой силы» в целом. Этот метод представляется крайне волатильным – нет гарантий, что вернувшиеся в пределы родного государства кубинцы начнут распространять новые идеи, оппозиционируя устоявшемуся порядку. Тем не менее этот способ воздействия по меньшей мере позволит переформировать существующие представления кубинского общества о США, а вместе с этим расширить горизонты понимания с дальнейшей возможностью активного вовлечения агентов в политическую жизнь Кубы.

Методы исследования. Мы обратились к концепции производства согласия, описанной Эдвардом Херманом и Ноамом Хомски в 1988 году и введенной Уолтером Липпманом в 1922 году. Данная концепция послужит средством рассмотрения информационного аспекта американской публичной дипломатии в сторону Кубы и ее общества. Платформы, самая известная из которых – Радио Марти, ставили перед собой задачу снабжения кубинского населения альтернативной, подконтрольной государству медиа информацией. Если обозначить цензурируемые и подконтрольные государству СМИ Кубы как пропагандистские, то Радио Марти становится агентом контрпропаганды такого же пропагандистского толка, пусть и оппозиционного. Пропаганда, по Ласуэллу, есть менеджмент общественно-коллективного мнения с помощью манипуляций значимыми символами [22].

Опираясь на определения и рамки пропаганды, Ласуэлл апеллирует к институту кризисных ситуаций, в частности войны как почвы для появления пропаганды и в последствии – антипропаганды. В случае американо-кубинских политических сношений приходится говорить о продолжающемся в духе холодной войны

противостоянии, не открытой конфронтации, но «мягкой войны» в поле экономики, идей и культуры. Приведенные в статье практические примеры демонстрируют «мягкое» вторжение в равной степени пропагандистского хоть подчас и оппозиционного нарратива.

Созданное во время президентства Рональда Рейгана Радио Марти должно было продвигать идеалы демократии и свободы на острове, становясь медиапроводником повестки США. Платформа зачастую освещала различные вопросы, не получавшие должного внимания, либо блокированные кубинскими властями. Так, например, «Радио Марти» предоставляло площадку кубинским диссидентам, давая возможность спикерам делиться опытом и мнениями на широкую аудиторию.

Следом, рассматривая публичную дипломатию США в культурно-географическом пространстве Кубы, обратимся к концепции культурного империализма, идя от обратного, апеллируя скорее к ее несостоятельности в отдельно выбранной стране-объекте публичной дипломатии и «мягкой силы» США. Гомогенность и монолитность локальной культуры естественным образом может выстраивать ряд защитно-блокирующих механизмов, отторгающих любое внешнее влияние, сводя к минимуму воздействия агентов публичной дипломатии и «мягкой силы» [52].

Таким образом, исследователи склонны обращаться к теории отклика, смещающей дискурс в поле изучения методов культурного сопротивления в рамках местных сообществ от потенциального воздействия США. Это идет вразрез с идеями американизации, крайне положительной реакции сообществ на агентов американской культуры. Поэтому многие культурно-идейные аспекты публичной дипломатии и «мягкой силы» не работают, в то время как механизмы бизнес-менеджмента успешно имплементируются и приживаются [31].

Рассматривая Кубу в контексте монолитной и зацикленной в самой себе культурной среды, можно апеллировать к теории конструктивизма, подходящей для определения границ внутрикультурного пространства и системы в ней доминирующих идейно-ценностных корпусов. Программы публичной дипломатии могут и должны рассматриваться как инструменты понимания «других», не отрицающих внутреннюю идентичность [42].

Кратко рассмотрев теоретические подходы и концепции, необходимые в рассмотрении аспекта публичной дипломатии, мы переходим к рассмотрению теоретических аспектов лоббистского поля, подчас сопутствующего и подчас оппонирующего деятельности института публичной дипломатии. В первую очередь необходимо классифицировать рассматриваемую нами группу этнического лобби, участвующую в процессе американо-кубинских политико-социальных сношений. Кубинское лобби, считающееся одной из наиболее влиятельных этнических групп

интересов в американской политической жизни, в характерной манере, свойственной для такого типа лоббистских группировок, задействует этнически монолитный электорат, мобилизуя его к активной политической вовлеченности; финансирует избирательные и предвыборные кампании политиков; лоббирует в сферах законодательства и исполнительной власти, используя электоральный ресурс. Помимо прямого и косвенного лоббистского акционизма, группы интересов могут играть и роль поставщиков информации или экспертизы [25].

Влияние группы интересов напрямую диктуется институциональной структурой государства и его правительства. В этом аспекте американская политическая система предоставляет таким группам, в частности лоббистским акторам, широкое поле для политико-социальной активности. Любая, имеющая лоббистские амбиции группа должна зарегистрировать свой собственный комитет политических действий – РАС (Political Action Committee – *прим. авторов*; далее будет использоваться именно эта аббревиатура). Через данные институты лоббистские группы собирают финансовый ресурс, чтобы в дальнейшем использовать его для поддержки оппозиции – политических кандидатов, определенных программ или законопроектов. Кубино-американское лобби в первую очередь нацелено на поддержку законодателей, имеющих позицию, схожую с интересами группы влияния, оно черпает свою силу из этнического кубинского населения США, которое к настоящему моменту превышает 2,1 миллиона граждан [13].

На руку кубино-американскому лобби играет высокая степень вовлеченности этнического кубинского меньшинства граждан, сконцентрированных в нескольких избирательных округах, что помогает преодолевать численное неравенство и культурные различия, выводя поддерживаемых этническими кубинцами кандидатов на лидирующие позиции во время избирательных кампаний.

Вдобавок выделим сторонние факторы, как правило, прибавляющие или понижающие эффективность лоббистской группы. Во-первых, наличие «врага» и вызванной этим исторической травмы, которая способствует мобилизации этнических сообществ. Можно выделить противовес идее «исторического врага»: повышенный уровень образованности и информированности электората снижает уровень вовлеченности и подверженности «лоббистской мобилизации». Не существуя в политическом вакууме, группы этнического лоббизма должны придерживаться параллельного курса в фарватере официальной политической повестки правительства, при котором они оперируют, изменяя дискурсивные стратегии, дабы не вызвать конфликт интересов, тем самым втягиваясь в политическое противостояние, как правило, идущее вразрез с реальными целями лоббистской группы. Во-вторых, наличие второй сильной группы влияния/интересов, стремящейся задать полити-

ческому процессу обратное направление. Случаи подобных столкновений между этническим и корпоративными лобби мы рассмотрим далее.

Вместе с этим на идейном уровне, как отмечали Миршаймер и Уолт, лоббизм может оперировать с формированием общественного дискурса, ведя параллельную и никак не вовлеченную в законотворческий процесс партию [23]. Обратимся к примеру конца XX столетия. Национальный фонд кубинских американцев (Cuban American National Foundation – CANF – прим. авторов; далее будет использоваться именно эта аббревиатура) создал финансовый фонд в поддержку кубинских исследований в Международном университете Флориды, однако на первом этапе затея не сыскала успеха ввиду отказа университета сотрудничать. Тем не менее эта образовательная программа будет открыта в рамках частного Университета Майами немногим позже – в начале XXI века [18].

Так, одним из основных направлений лоббистской деятельности американско-кубинской общественности становится направление своего ресурсного потенциала в сферу образования и распространения информации. Вместе с этим определенные люди, представляющие сообщество, могут служить советниками и поставщиками важной информации для лояльных законодателей с целью повышения эффективности лоббистско-политической деятельности, косвенно лоббируя интересы собственной этнической группы.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение

Кубино-американское лобби образовано экспатриантами Кубы во время миграционных волн в 60-х годах XX века. Многие этнические кубинцы покинули остров со все растущими там революционными настроениями и потенциальным коммунистическим реформизмом. Основная масса уезжавших представляла собой обеспеченный слой населения; следуя за друзьями и родственниками, кубинцы основали «новую Гавану» в Майами, впоследствии диаспорально усилившись другими выходцами-мигрантами из различных латиноамериканских стран. Так, на волне антикубинских настроений и формирования диаспоры начало формироваться политически активное и мотивированное сообщество. Среда кубинских экспатриантов расширилась вместе с прибывшими мигрантами 1980-х и 1990-х годов, таким образом формируя крупное этническое сообщество с рядом определенных интересов и идейно-ценностных корпусов.

В 1980-е годы большая часть этнически кубинских групп интересов была активна на юге Флориды. Группы разобщены, а их волеизъявления крайне слабы. Лобби стало обретать свою силу в момент совпадения интересов с внешнеполитическими планами США – сменой существовавшего на тот момент правительства на Кубе. Так, параллельное следование схожим идеям в рамках дискурса о смене власти на Острове свободы начало приводить к ряду политико-социальных усилен-

ний. Администрация Рейгана серьезно поддержала Национальный фонд кубинских американцев (CANF), сформировавшийся одновременно с приходом президента к власти. Идеологическая гомогенность позволила американо-кубинскому лобби наладить тесные связи внутри администрации, давая все растущее влияние и ускоренный доступ к политической информации (инсайдам) на протяжении 1980-х годов.

В отличие от традиционных лобби других этнических групп, кубино-американское лобби не стремилось защитить интересы правительства страны своего происхождения, наоборот, стремилось свергнуть его. Усилиями организации Cubans in the United States администрация Вашингтона создала два основных инструмента антикоммунистической пропаганды – «Радио Марти» и «ТВ Марти» в 1983 и 1990 годах соответственно. За этой активностью последовали выборы нескольких членов сообщества в Конгресс США, включая избрание республиканки Илеаны Рос-Летинен в 1989 году в Палату представителей в качестве первого кубино-американского законодателя на национальном уровне [20].

Вместе с этим американо-кубинское лобби не поляризовалось партийно, стараясь взаимодействовать с обеими сторонами Конгресса, как с республиканцами, так и с демократами. Примером сотрудничества можно назвать случай, произошедший в 1992 году между Национальным фондом кубинских американцев и на тот момент демократом из Палаты представителей Робертом Торричелли, взгляды и деятельность которого на ранних этапах карьеры отмечались как крайне либеральные по вопросам экономической блокады Кубы. Тем не менее во время избирательной кампании он искал поддержки и финансирования от CANF. Затем его позиция изменилась в сторону антипатии к Кастро и продвижения идей эмбарго. Далее, будучи переизбранным в Конгресс, Торричелли выступил спонсором законодательного акта о Кубинской демократии [16].

Акт был нацелен на усиление экономической блокады Кубы и введение ряда новых санкций в отношении островного государства. Проходящие в тот год президентские выборы не оставляли Джорджу Бушу-старшему иных вариантов, как придерживаться крайне жестких позиций в отношении Кубы в своей риторике, чтобы выиграть кубино-американский электорат у своего главного оппонента – губернатора Арканзаса Билла Клинтона.

Через свой Комитет политических действий (РАС) Национальный фонд кубинских американцев обеспечил избирательные кампании нескольких разнопартийных кандидатов сотнями тысяч долларов в последнее десятилетие XX века. Говоря об ограниченной численности этнического кубинского населения в сравнении с общей численностью всего населения США, отметим, что это сообщество заняло второе место в рейтинге влияния и политической мощи после израильского

лобби, если брать потраченные средства в качестве мерила самого этого влияния. Так, например, в 1999-2000 годах PAC CANF выделил \$106,000 на поддержку 28 избираемых в Палату представителей и 12 сенаторов [14].

Принятый в 1992 году закон Торричелли считается наиболее важным лоббистско-политическим успехом CANF. Тем не менее наряду с этим существовал и менее успешный проект – закон Хелмса-Бертон 1996 года [19], снискавший непопулярность как на Капитолийском холме, так и в Овальном кабинете Белого дома. Позиции CANF и администрации начали расходиться: президент Клинтон выступал против этого закона, считая его противоречащим нормам международного права и потенциально вредоносным для будущего США в партнерстве со сторонними державами. Однако после акта агрессии кубинских истребителей в адрес гражданских самолетов *Hermanos al Resgate* в том же 1996 году [38] кубино-американское сообщество мобилизовалось, привлекая к себе внимание общественности и вынуждая президента Клинтона изменить свою позицию и ужесточить санкции в сторону Гаваны [8]. Изабель Вану отмечает, что конец 1990-х годов уже не оставлял никакой основы для обсуждения альянса между Вашингтоном и CANF – отношения интересов подчас вынужденные [41].

Как мы отметили выше, в лоббизме всегда присутствует фактор конкурирующих групп влияния, представленных коммерческими и сельскохозяйственными компаниями, тесно связанными с Торговой палатой США. Компании поддерживали отмену санкций против острова с тем, чтобы развивать торговлю между двумя нациями. Некоторые положения закона Хелмса-Бертон были приостановлены, однако затем снова восстановлены последующими президентами. А в 2000 году был принят Закон о реформе торговых санкций и расширения экспорта, обозначивший весомую победу в антиэмбарго группах интересов [36].

После потери своего влияния на вашингтонскую администрацию CANF так и не смогла вернуть себе хоть сколько-нибудь похожего влиятельного положения и продолжения стяжательства кубино-американского сообщества. Дезорганизации сообщества способствовало поколенческое и идеологическое разделение участников сообщества. Прогрессивно-умеренная волна организаций столкнулась с консервативным ядром сообщества, концентрирующим в своих руках большую часть финансирования лоббистских процессов через свои PAC-структуры. Так, PAC «Демократия США–Куба» выделил в поддержку федеральных кандидатов от обеих партий в 2004 году \$214,000; в 2006 – \$569,624; в 2008 – \$767,500; в 2010 – \$471,000; в 2012 – \$304,000; в 2014 – \$264,500; в 2016 – \$569,894; в 2018 – \$233,808; в 2020 – \$122,395; в 2022 – \$61,284 [30].

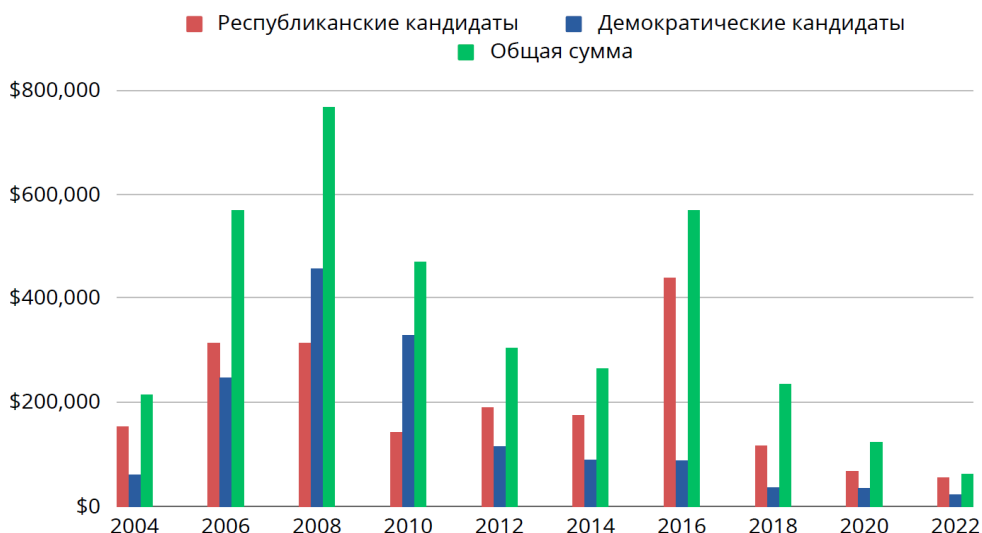

Рис. 1. Динамика расходов РАС «Демократия США–Куба» на поддержку кандидатов в федеральных выборах от обеих партий

Значительное снижение пожертвований от консервативного крыла кубинского сообщества, в целом, показывает на изменяющиеся тенденции: с приходом администрации Барака Обамы в отношениях двух государств наметилась оттепель с потенциальным улучшением отношений, в то время как проэмбарго группа внутри кубинского сообщества становилась все менее и менее влиятельной. Вместе с этим обратим внимание и на снижение степени влияния интересов этнических лоббистских групп на процесс принятия политических решений, вызванное активным участием контрлоббистских акторов, представленных умеренными организациями кубинского сообщества, и в меньшей степени – агропромышленными лобби.

Так, кубинский дискурс менялся, и в период президентства Барака Обамы законодатели, советники и исполнители сочувствовали по поводу отмены эмбарго под руку с преодолением ярлыков консерватизма в кубинском направлении. Появилась новая РАС-структура – РАС «Новая Куба» [1], поддерживающая антиэмбарго и антисанкционно ориентированных политических деятелей. Особую активность организация проявила во время избирательных кампаний 2016 года, выделив \$350,000 на поддержку лояльных кандидатов от обеих партий [29].

Подытоживая мысль о закате проэмбарго дискурса внутри кубино-американского сообщества, стоит отметить и значительную потерю в медийно-академической сфере: средства массовой информации и научные круги перестали активно высказываться или поддерживать санкционную политику, предвещающая новый виток взаимоотношений США и Кубы [27, 40]. Оставались и скептически

настроенные медиа Флориды вроде El Nuevo Herald, оставшиеся верными своим консервативным проэмбарго позициям.

За последние два года президентства Обамы Соединенные Штаты и Куба добились поразительно быстрого дипломатического прогресса. Вашингтон одобрил участие Кубы в седьмом саммите Америк в Панаме в апреле 2015 года и в мае исключил Кубу из списка Госдепартамента стран-спонсоров международного терроризма. В июле правительства двух стран восстановили полные дипломатические отношения. Обама и Кастро встретились для предметных дискуссий на саммите и на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций в сентябре. Затем, в марте 2016 года, Обама стал первым действующим президентом, посетившим Кубу после Кэлвина Кулиджа в 1928 году.

Куба не была главным вопросом в повестках президентской кампании 2016 года, но американо-кубинские отношения понесли сопутствующий ущерб. Однако демократическая партия в лице Хилари Клинтон заявляла: «На Кубе мы будем опираться на историческое наследие президента Обамы, отменяя запреты на межгосударственные поездки и снимая эмбарго» [8]. На съезде Республиканской партии политика Обамы в отношении Кубы, напротив, была осуждена и названа «позорным приспособленчеством к требованиям кубинских тиранов» [35], а нормальные отношения можно было рассматривать только после отстранения от власти коррумпированных правителей с последующим привлечением их к ответственности за преступления против человечества. Трамп приступил к осуждению кубинского режима как жестокого, преступного, развратного, репрессивного и убийственного. Во время выступления в Майами он произнес обличительную речь, риторика которой напоминала начало новой санкционной войны США и Кубы со всем возможным экономико-дипломатическим ресурсом Америки. Однако президентский меморандум о безопасности 2017 года ужесточил эмбарго в некоторых сферах, сохраняя архитектуру и структуру открытости, оставленную Обамой для Кубы [26].

Шесть месяцев спустя PewResearch обнаружил, что поддержка политики Обамы в отношении Кубы выросла: 73 % населения высказались за дипломатические отношения, а 72 % – за отмену эмбарго. Большинство республиканцев согласились (56 % и 59 % соответственно), как и самопровозглашенные консервативные республиканцы (52 % и 55 % соответственно). Поскольку в декабре 2016 года срок полномочий Обамы подходил к концу, поддержка его политики в отношении Кубы оставалась сильной: 75 % высказались за установление дипломатических отношений и 73 % – за отмену эмбарго. Поддержка республиканцев выросла до 62 %, а поддержка консервативных республиканцев – до 57 % по обоим вопросам [32].

Немаловажную роль в попытках изменить политический ландшафт взяло на себя сельскохозяйственное лобби, заинтересованное в компромиссных условиях торговли с островом. Одна из сторон лоббистской сцены, наряду с теряющим про-эмбарго идейность американско-кубинским лобби, начала более активно действовать, вовлекая конгрессменов в обсуждение данного вопроса. Большинство членов 114-й Палаты представителей выразили поддержку кредитному экспорту аграрной продукции Кубе, что привело к компромиссу, направленному на увеличение экспорта. Республиканцы Кроуфорд и Том Эммер, оба поддерживали Трампа в его кампании, пытались влиять на новую администрацию, но их возможности оказались ограниченными. Когда Трамп ввел новые ограничения на торговлю с Кубой, рабочая группа выразила свое несогласие, подчеркнув, что это будет вредить продвижению американских ценностей на Кубе. Сенатор Флейк критиковал новые ограничения и призывал к изменениям в законе [24]. Другие республиканские сенаторы, включая Джона Бузмана из Арканзаса и Джерри Морана из Канзаса, также высказались против новых ограничений [21].

Несмотря на появление двухпартийного большинства, выступающего за торговлю и туризм, враждебность республиканского руководства как в Палате представителей, так и в Сенате по отношению к взаимодействию с Кубой означала, что принятие закона об ослаблении эмбарго вряд ли приведет к значительному прогрессу. Но Конгресс едва ли будет сотрудничать в ужесточении эмбарго. Президенту Трампу, как и Обаме до него, придется разрабатывать собственную политику в отношении Кубы, опираясь на свою исполнительную власть. Разрабатывая политику в отношении Кубы, президент Трамп столкнулся с дилеммой: как выполнить свое предвыборное обещание, данное консервативным американцам кубинского происхождения о том, что он распотрошит политику Обамы, и в то же время не вызвать гнев других заинтересованных сторон (особенно бизнес-сообщества), которые поддерживают его. Чтобы замкнуть круг, Трамп объявил об ограниченных и неэффективных санкциях. К 2019 году администрация Трампа в значительной степени отказалась от взаимодействия с Кубой и существенно ужесточила санкции, особенно в отношении поездок и денежных переводов.

В первые месяцы своего существования администрация Байдена объявила, что проведет пересмотр политики в отношении Острова свободы, делая права человека приоритетной идеей. После резкой реакции кубинского правительства на протесты 11 июля 2021 года администрация Байдена раскритиковала репрессии на Кубе и ввела целевые санкции против причастных к ним лиц, включая финансовые санкции в отношении трех кубинских служб безопасности и восьми должностных лиц, а также визовые ограничения в отношении 50 лиц, причастных к подавлению протестующих. В мае 2022 года администрация объявила о некоторых изменениях

в политике, направленных на усиление поддержки кубинского народа, увеличило количество процедур обработки иммиграционных виз в посольстве США в Гаване и заявило, что восстановит программу условно-досрочного воссоединения кубинских семей (CFRP).

Байден ослабил ограничения на поездки, повторно разрешив регулярные и чартерные рейсы в города за пределами Гаваны и восстановив групповые поездки между людьми. Он ослабил ограничения на отправку денежных переводов, отменив долларовые ограничения и ограничения на частоту семейных денежных переводов, а также повторно разрешив благотворительные денежные переводы кубинским гражданам. В январе 2023 года Министерство внутренней безопасности запустило новую программу гуманитарного условно-досрочного освобождения, позволяющую ежемесячно до 30 000 человек с Кубы и других отдельных стран въезжать и оставаться в Соединенных Штатах в течение двух лет с разрешением на работу при условии спонсорства и требований проверки. По состоянию на конец июня 2023 года в США по программе условно-досрочного освобождения прибыли более 35 тысяч кубинцев [11].

Рассмотрев аспект лоббистско-политический, переходим к рассмотрению *фактора публичной дипломатии* в американо-кубинских взаимоотношениях.

Латиноамериканский регион всегда был зоной интересов США, о чем они открыто заявили в первой четверти XIX века, провозгласив доктрину Монро, которая установила принцип «Америка для американцев». Реализуя доктрину, США поддержали кубинский народ в обретении независимости от Испании.

Сразу же установив на острове режим военной оккупации, США настояли на включении в Конституцию новообразованного государства – так называемая «поправка Платта» [47], которая фактически сделала его частью Штатов на более чем 30 лет. Поправка, дававшая право США вторгаться на Кубу, была отменена лишь в 1934 году с подписанием нового договора, в котором, однако, сохранялись условия соглашения об аренде первыми военно-морской базы Гуантанамо, которая и сегодня используется американцами как тюрьма для размещения преступников, обвиняемых в терроризме, войне на стороне противника и др.

Дальнейшие отношения двух стран представляют особый интерес в том числе потому, что после государственного переворота на Кубе в 1952 году США поддержали диктаторский режим Фульхенсио Батисты [49], вопреки желанию кубинцев свергнуть последнего и восстановить демократический режим на острове. Поддержав действия Батисты, США не только получили идеологически лояльного соседа, но и огромную выгоду. 70 % экономики Кубы контролировалось американцами, в том числе: 90 % – горнодобывающей промышленности; 90 % – электрических и телефонных компаний; 80 % – коммунальных предприятий; 80 % –

потребления горючего; 40 – % производства сахара-сырца; 50 % – всех посевов сахара. Как видим, остров становится экономически зависимым от североамериканского соседа.

Кроме того, уже в этот период по отношению к Кубе использовались инструменты публичной дипломатии, более активное развитие которых в США произойдет позднее. Шла активная идеологическая интервенция, нацеленная на демонстрацию позитивных сторон американского образа жизни и призывавшая следовать ему. Ежегодно из Соединенных Штатов поступало более 200 полнометражных кинофильмов, кубинского читателя погружали в американские комиксы, порнографическую литературу и другие произведения. Находясь практически под полным запретом, культурный обмен с социалистическими странами отсутствовал, что не давало возможности кубинцам сравнивать американский образ жизни с другими и создавало впечатление единственно верного (и желанного) пути развития.

Радио и телевидение на Кубе контролировались американской радиотелевизионной компанией. Владельцы крупнейших кубинских газет были тесно связаны с американским капиталом. Стал активизироваться Кубино-североамериканский культурный институт, насаждая идеи превосходства американской нации [44]. Таким образом поэтапно выстраивался позитивный образ США, призывающий кубинцев подражать ему, фактически навязывая свой образ жизни в рамках американизации. Помимо этого, активное распространение на острове получили игорные заведения, публичные дома, которых в то время насчитывалось более восьми с половиной тысяч, а также наркоторговля и другие виды организованной преступности, находившиеся в руках американской мафии. Все это разлагало кубинскую культуру и негативно отражалось на уровне жизни населения.

Пока США пополняли свой бюджет, жизнь простых граждан на Острове свободы становилась все сложнее: увеличивалось количество безработных и нищих, процветали коррупция и диктаторский произвол. Все это стало причиной массовых волнений и революционных движений, по отношению к которым Ф. Батиста применял жесткие меры. На фоне углублявшегося внутривластного кризиса в стране стало расти количество повстанцев, и появился человек, возглавивший протестное движение, – Фидель Кастро.

Свержение режима Ф. Батисты и приход к власти революционеров во главе с команданте, как называли Кастро в народе, в корне изменили двусторонние отношения. Попытки перехватить власть контрреволюционерами, действовавшими без поддержки США, не увенчались успехом. Между тем Кастро наладил отношения с Советским Союзом и заручился поддержкой социалистических стран, что не осталось незамеченным Штатами и вызвало недовольство северного соседа. Кроме

того, внутренняя политика Острова свободы также не вызывала поддержки со стороны США, собственность граждан и компаний которых оказалась национализирована.

Как следствие, в 1960 году правительство Эйзенхауэра приостановило закупки основного товара – сахара, направляемого Кубой на экспорт. Немногом позже был введен режим эмбарго в отношении Кубы, а затем последовал разрыв дипломатических отношений между странами [48]. Так, идеологические разногласия, непринятие власти кубинских революционеров и нежелание принимать решения в их интересах привели к потере Соединенными Штатами своей фактической «дойной коровы», приносящей огромные доходы.

Ухудшение отношений продолжалось. В 1961 году произошла попытка вторжения на Кубу, позднее было введено полное эмбарго на торговлю с Кубой, затем запрещены финансовые операции и поездки граждан США на остров. В 1992 году по предложению конгрессмена Роберта Торричелли был принят законопроект о содействии мирному переходу к демократии на Кубе посредством применения санкций, направленных против правительства Кастро и поддержки кубинского народа [17]. Уже в 1996 году принят Закон «О свободе и демократической солидарности с Кубой», который, как и предыдущий, был нацелен на ужесточение введенного ранее эмбарго. Санкции, предусмотренные законами, могли применяться не только к американским, но и иностранным компаниям, что вынуждало последних выбирать между США и Кубой, а учитывая несравнимость размеров рынков названных государств, первое нередко оказывалось в более выгодном положении.

Кроме того, северные соседи относили Остров свободы к странам-изгоям, которые определены Стратегией национальной безопасности США как государства, где «жестoko обращаются с собственным народом и растрачивают свои национальные ресурсы ради личной выгоды правителей; не проявляют уважения к международному праву, угрожают своим соседям и грубо нарушают международные договоры, участниками которых они являются; полны решимости приобрести оружие массового уничтожения вместе с другими передовыми военными технологиями для использования в качестве угрозы или наступления для достижения агрессивных замыслов этих режимов; спонсируют терроризм по всему миру; а также отвергают основные человеческие ценности и ненавидят Соединенные Штаты и все, что они отстаивают» [6]. Позднее президент США Джордж Буш использовал термин «ось зла» для описания таких стран.

Отсутствие отношений, однако, не помешало попыткам США продвигать демократию на Кубе не менее активными темпами, чем в других латиноамериканских странах [46]. Так, например, с конца прошлого века на Острове свободы функционирует американская телерадиовещательная компания Radio Televisión Martí [9], получившая свое название в честь кубинского писателя Хосе Марти, ко-

торый боролся за независимость Кубы от Испании и против влияния США. Целью ее деятельности стало предоставление кубинскому народу новостей и информации без режима цензуры.

В программах Radio Televisión Martí сообщалось о новостях, подвергшихся цензуре или манипулированию официальными СМИ, стимулировались обсуждение и предпринимательство, поддерживалось создание возможностей внутри гражданского общества, кубинское население объединялось внутри и за пределами острова – на протяжении долгого времени это была единственная площадка для инакомыслия. Особое внимание привлекает специально созданное приложение Martí Noticias, позволяющее, помимо прочего, создавать свои собственные новостные каналы с контентом по выбору. Кроме того, наличие приложения позволяет получать информацию агентства, несмотря на попытки кубинского правительства заглушить передаваемые сигналы.

Во Флориде расположен центр вещания еще одной радиостанции, нацеленной (в том числе) и на кубинское население – Radio Miami International (WRMI). Согласно отчету Федеральной комиссии по связи от 1996 года [43], целевыми зонами вещания WRMI были Карибский бассейн, Центральная Америка и Южная Америка. В частности, большая часть ее программ была ориентирована на Кубу, хотя на сегодняшний день [2] радиовещание осуществляется на 6 языках и работает посредством 23 антенн, которые излучают в 11 различных направлениях по всему миру.

Особый интерес вызывает также радиопрограмма Radio Free Dixie, основанная Робертом Уильямсом, бежавшим на Кубу чернокожим жителем США. Фактически Фидель Кастро не только разрешил Уильямсу найти убежище на Кубе, но и позволил транслировать свою революционную радиопрограмму, полностью позволявшую чернокожему сообществу говорить так, как им заблагорассудится. Чернокожие могли бесстрашно выступать по радио, не беспокоясь о том, чтобы следить за своими ртами или прислушиваться к мнению спонсоров [39]. Поскольку в этой радиопередаче не было абсолютно никакой цензуры, она использовалась в качестве инструмента для информирования об искажении фактов о черном сообществе и их идентичности, которые в то время обычно предлагались средствами массовой информации. Эта радиосеть смогла достичь США и, таким образом, стала обратной стороной американской «медали публичной дипломатии». В 1965 году, когда Уильямс переехал в Китай, программа прекратила свое существование.

Одним из наиболее ярких проектов Агентства США по международному развитию (USAID) на Кубе стала программа ZunZuneo (ZZ), в рамках которой на специально созданной платформе кубинцы получали различную информацию: сначала новости о спорте, музыке и даже о приближающихся ураганах, но в дальней-

шем произошла постепенная политизация контента сайта, к примеру, стали выкладываться призывы к демонстрациям [51]. К марту 2011 года сервис набрал 40 тысяч подписчиков, однако в середине 2012 года из-за отсутствия необходимого финансирования был вынужден прекратить работу.

Достаточно громким событием стал арест Алана Гросса, работавшего на Кубе в рамках правительственного контракта США в шесть миллионов долларов по «программе продвижения демократии», которая развивалась при администрации Джорджа Буша [3]. Программа предполагала предоставление оборудования связи, чтобы прорвать информационную блокаду, осуществляемую кубинским правительством. Алан Гросс признан виновным в преступлениях против государства и приговорен к 15 годам лишения свободы. В 2014 году Куба освободила Гросса ввиду его ухудшающегося здоровья, позволив вернуться в США [34]. Помимо этого, произошел обмен пленными: трех осужденных кубинских шпионов обменяли на актив американской разведки, который почти два десятилетия находился в кубинских тюрьмах. Этот обмен стал частью более крупной кубинской оттепели, произошедшей в течение короткого периода времени в конце правления Обамы, и которая привела к улучшению дипломатических и торговых отношений между Соединенными Штатами и Кубой.

Восстановление отношений, своего рода «перезагрузка», произошла лишь в 2015 году, когда страны восстановили дипломатические отношения. В результате были ослаблены ограничения на денежные переводы, поездки, торговые и финансовые услуги. Странам удалось также подписать ряд двусторонних соглашений. Впервые за более чем 90 лет президент США посетил Кубу, а после двусторонних переговоров было возобновлено авиасообщение между странами.

Более того, Штатам удалось использовать различные инструменты публичной дипломатии для закрепления хрупкого, только что установленного диалога. Среди прочих была использована так называемая дипломатия знаменитостей, представлявшая собой проведение концертов американских звезд в Гаване. Так, в 2016 году здесь были организованы бесплатные концерты Diplo и Major Lazer [10], а также британцев The Rolling Stones [28], что стало своего рода прорывом как во внутриполитической обстановке, так и на внешнеполитической арене. В течение многих лет после революции на Острове свободы рок-музыка была запрещена на кубинском государственном телевидении и радио. Кубинцы с длинными волосами и бородой подвергались преследованиям со стороны официальных лиц, а концерты продемонстрировали готовность кубинских властей к изменениям, большей открытости и сотрудничеству.

Реализуя еще один из инструментов публичной дипломатии – спортивную дипломатию – США в 2016 году предприняли попытку нормализации двусторонних отношений, отправив в Гавану известного баскетболиста Шакила О’Нила [37].

Став первым в истории послом Госдепартамента США по спорту на Кубе, он провел семинары и занятия по баскетболу, пропагандируя разнообразие, лидерство и командную работу.

Кроме О'Нила Кубу в качестве посланника Госдепа США по спорту и культуре посетила первая афроамериканка – солистка престижного Американского театра балета Мисти Коупленд [33]. Балерина рассказала кубинской молодежи свою историю и провела несколько уроков, поделившись своим опытом, а также посетила танцевальные центры и Национальный балет Кубы.

Временное потепление отношений было приостановлено при Д. Трампе, который объявил о запрете на торговлю с предприятиями, принадлежащими кубинским спецслужбам и военным с Острова свободы, и наложил запрет на индивидуальные поездки на Кубу для образовательных и культурных целей. Приход к власти Д. Байдена предвещал продолжение начатой Обамой политики по налаживанию отношений с латиноамериканскими странами. Однако за этим скрывается ряд причин: от стремления «вывести» из региона Россию и Китай, влияние которых растет, до беспокойства по поводу тесных связей между Кубой и Венесуэлой, постепенно становящейся новым региональным лидером.

Таким образом, несмотря на напряженные отношения между Кубой и США, последним все же удавалось использовать инструменты своей публичной дипломатии для формирования необходимого мнения у населения, инициации протестного движения и создания лояльной аудитории в стране, применяющей цензуру и не желающей находиться в тени США.

Заключение. Исторически сложные отношения США и Кубы в последние полвека складываются под влиянием двух важных аспектов – этнического лоббизма и публичной дипломатии со стороны США. Ввиду крайне широкого диаспорального присутствия этнических кубинцев-эспатриантов, американо-кубинское сообщество долгие десятилетия двигало консервативную проэмбарго повестку. Американская политическая система – крайне комфортная среда для построения лоббистских механизмов и органов, и институция кубинского лобби умело оперировала в рамках системы, мобилизуя этнически кубинский электорат и оказывая влияние на избирающихся как законодателей, так и кандидатов в президенты. Тем не менее, несмотря на ряд успешных лоббистских инициатив, приведших к ряду пролоббистских решений и законопроектов, кубинское лобби обнаружало себя в идейно кризисном состоянии, вызванным поколенческим сломом, и отсюда – изменением вектора политической ориентации, что становится наиболее заметным с 2008 года, когда при президенте Обаме был взят курс на нормализацию отношений с островом, а активную инициативу на поле лоббизма перехвати-

ли лоббисты агробизнеса, имевшие интерес сельскохозяйственно-экспортных отношений США с Кубой.

Публичная дипломатия представляет собой ключевой инструмент во внешне-политической стратегии многих государств, играя решающую роль в формировании восприятия страны на мировой арене. В контексте двусторонних отношений, например между США и Кубой, публичная дипломатия часто выступает в качестве канала для культурного обмена, медийных инициатив и других форм взаимодействия, цель которых – укрепление доверия и взаимопонимания между народами обеих наций. Эти инициативы стремятся не только формировать положительный образ страны, но и расширять горизонты обоих народов, предоставляя возможности для культурного и социального обмена.

Тем не менее, несмотря на активные усилия и многочисленные попытки взаимодействия, двусторонние отношения между США и Кубой продолжают характеризоваться сложными и многогранными. Факторы, такие как этнический лоббизм, исторические обиды и различия в восприятии мировых событий, создают дополнительные препятствия на пути к установлению доверительных отношений. При этом публичная дипломатия продолжает оставаться важным элементом в этом динамичном процессе, акцентируя внимание на значимости глубокого понимания исторического, культурного и социополитического контекста при формулировании и реализации внешнеполитических решений.

Список литературы

1. About New Cuba PAC. URL: <https://www.newcubapac.com/about>
2. About Us // Radio Miami International. URL: <http://www.wrmi.net/index.php/about-wrmi/>
3. American contractor found guilty in Cuba // The Guardian, 12.03.2011. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/mar/12/american-contractor-cuba-alan-gross-guilty>
4. Britannica, The Editors of Encyclopedia. Robert Williams. Encyclopedia Britannica, 22 Feb. 2021. URL: <https://www.britannica.com/biography/Robert-Williams>
5. Bureau of educational and cultural affairsexchange programs / Cuba. URL: https://exchanges.state.gov/us/tag/cuba?type%5B%5D=exchange_program&field_audience_tid=28&term_referre%5B%5D=node/184&term_referrer_title=Find%20Programs
6. Chapter V. Prevent Our Enemies from Threatening Us, Our Allies, and Our Friends with Weapons of Mass Destruction. National Security Strategy 2002. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/index.html>
7. Clinton signs bill aimed at Cuba. Helms-Burton measure tightens sanctions. 12 March 1996. URL: http://edition.cnn.com/US/9603/cuba_shootdown/clinton_cuba/index.html
8. Clinton, Hillary Rodham. Hillary Rodham Clinton on Strategic Interests, Values, and Hard Choices. New York, 12 June 2014, Council on Foreign Relations. URL: <http://www.cfr.org/united-states/hillary-rodham-clinton-strategic-interests-values-hard-choices/p35672>
9. Conócenos // Radio y Televisión Martí. URL: <https://www.radiotelevisionmarti.com/p/393.html>

10. Coscarelli J. Diplo and Major Lazer Bring Their Brand of Music to Cuba // The New York Times, 07.03.2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/03/08/arts/music/diplo-and-major-lazer-bring-their-brand-of-music-to-cuba.html>
11. Cuba: U. S. Policy Overview. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF10045.pdf>
12. Cubans in the United States. URL: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2006/08/25/cubans-in-the-united-states/>
13. Facts on Hispanics of Cuban origin in the United States, 2021 // Pew Research. URL: <https://www.pewresearch.org/hispanic/fact-sheet/u-s-hispanics-facts-on-cuban-origin-latinos/>
14. Free Cuba PAC PAC Contributions to Federal Candidates. URL: <https://www.opensecrets.org/political-action-committees-pacs/free-cuba-pac/C00142117/candidate-recipients/2000>
15. Gavel, Douglas Lloyd. Changing Course: Using American Soft Power to Affect U. S.–Cuban Relations: Master's thesis / Harvard University, Extension School. 2010. S. 70-71.
16. H. R. 5323 – 102nd Congress: Cuban Democracy Act of 1992. URL: [www.GovTrack.us](http://www.govtrack.us). 1992. 12 October 2023. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/102/hr5323>
17. H. R. 4168 – Cuban Democracy Act of 1992 // 102nd Congress (1991-1992). URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/4168/text>
18. Haney, Patrick and Walt Vanderbush. The Cuban Embargo: The Domestic Politics of an American Foreign Policy. Pittsburg: University of Pittsburg Press. 2005.
19. Helms-Burton Act. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/104/hr927/text>
20. Ileana Ros-Lehtinen. United States Representative 1989 – Republican from Florida. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CDOC-108hdoc225/pdf/GPO-CDOC-108hdoc225-3-18.pdf>
21. Lardner, Richard, Republicans Divided as Trump Reverses Some Obama Cuba Policy, *Boston Herald*, 17 June 2017. URL: http://www.bostonherald.com/news/us_politics/2017/06/republicans_divided_as_trump_reverses_some_obama_cuba_policy
22. Lasswell H. D. The Theory of Political Propaganda. S. 627–631.
23. Mearsheimer John J., Stephen M. Walt. 2009. The Israel Lobby and U. S. Foreign Policy. Istanbul: Küre Yayınları.
24. Dan Merica. Trump Unveils New Restrictions on Travel, Business with Cuba. *CNN*, 17 June 2017. URL: <http://www.cnn.com/2017/06/16/politics/trump-cuba-policy/index.html>
25. Milner Helen V. Interests, Institutions, and Information: Domestic Politics and International relations. New Jersey: Princeton University Press, 1997.
26. National Security Presidential Memorandum on Strengthening the Policy of the United States Toward Cuba / The White House, Office of the Press Secretary, 16 June 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/06/16/national-security-presidential-memorandum-strengthening-policy-united>
27. Obama moves to normalize relations with Cuba as American is released by Havana. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/report-cuba-frees-american-alan-gross-after-5-years-detention-on-spy-charges/2014/12/17/a2840518-85f5-11e4-a702-fa31ff4ae98e_story.html
28. Oppmann P. Rolling Stones make history with free concert in Cuba // *CNN*, 27.03.2016. URL: <https://edition.cnn.com/2016/03/26/entertainment/cuba-rolling-stones-concert/index.html>
29. PAC Profile // New Cuba PAC. URL: <https://www.opensecrets.org/political-action-committees-pacs/new-cuba-pac/C00572628/summary/2016>
30. PAC Profile // US-Cuba Democracy PAC. URL: <https://www.opensecrets.org/political-action-committees-pacs/us-cuba-democracy-pac/C00387720/summary/2022>
31. Pells R. Not Like US: How Europeans Have Loved, Hated, and Transformed American Culture since World War II. New York: Basic Books, 1997. S. 189–190.

32. Growing Public Support for U. S. Ties with Cuba – And an End to the Trade Embargo. Pew Research Center, 21 July 2015. URL: <http://www.people-press.org/2015/07/21/growing-public-support-for-u-s-ties-with-cuba-and-an-end-to-the-trade-embargo/>
33. Principal ballet dancer Misty Copeland Travels to Cuba as Sports and Cultural Envoy // U. S. Embassy in Cuba, 10.11.2016. URL: <https://cu.usembassy.gov/19360-2/>
34. Prisoner Exchange With Cuba Led To Freedom For Top U. S. Intelligence Agent // NPR, 17.12.2014. URL: <https://www.npr.org/sections/thetwo-way/2014/12/17/371453374/prisoner-exchange-with-cuba-led-to-freedom-for-top-u-s-spy>
35. Republican National Convention Committee on Arrangements, *Republican Platform 2016*. Cleveland: OH, 18–21 July 2016. URL: https://prod-cdn-static.gop.com/media/documents/DRAFT_12_FINAL%5B1%5D-ben_1468872234.pdf
36. See the full text of the TSRA. URL: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title22/chapter79&edition=prelim>
37. Shaquille O'Neal to serve as first Department of State Sports Envoy to Cuba // USA Today, 24.06.2016. URL: <https://www.usatoday.com/story/sports/nba/2016/06/24/shaquille-oneal-us-department-state-sports-envoy-cuba/86351502/>
38. This Day in Cuban History – 24 February 1996. Hermanos al Rescate. Cuban air force Migs blew two of them out of the sky, killing the four occupants. URL: <https://cubanstudiesinstitute.us/this-day-in-cuban-history/february-24-1996-hermanos-al-rescate-cuban-air-force-migs-blew-two-of-them-out-of-the-sky-killing-the-four-occupants/>
39. Tyson T., Williams R. Radio Free Dixie: Robert F. Williams and the Roots of Black Power / University of North Carolina Press, 1999.
40. U. S. to Restore Full Relations With Cuba, Erasing a Last Trace of Cold War Hostility. URL: <https://www.nytimes.com/2014/12/18/world/americas/us-cuba-relations.html%20~:text=WASHINGTON%20—%20President%20Obama%20on%20Wednesday,vestiges%20of%20the%20Cold%20War>
41. Vagnoux Isabelle. Washington-la Havane: une relation sous influence, in Pierre Melandri and Serge Richard (ed.), *La politique extérieure des Etats-Unis au XXème siècle: le poids des déterminants intérieurs*. Paris: l'Harmattan, 2007. S. 187–203.
42. Van Ham P. Place Branding: The State of the Art // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616. S. 126–149.
43. WRMI // Federal Communications Commission. URL: http://fcc.gov/ib/sand/neg/hf_web/WRMI.txt
44. Гавриков Ю. П. Батистовский тупик // Куба: страницы истории. URL: <https://www.indiansworld.org/batistovski-tupik.html#.YKI9Si9ePs0>
45. Кузьмин Ю. М. Договор между США и Кубой об отмене поправки Платта от 29 мая 1934 г. // *Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки (1918–2006): учебное пособие*. Киров: Издательство ВятГУ, 2007. 541 с.
46. Маркосян А. А. Концепт демократии во внешней политике США на примере Венесуэлы // *Информационные войны*. 2020. № 4 (56). С. 75–78. EDN: ICLKQZ
47. Ивкина Л. А. Под дулом оружия: как Кубе была навязана поправка Платта (1901–1902) // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2015. Т. 15. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24113165>
48. От «перезагрузки» до «тройки тирании»: как менялись отношения США и Кубы // *Федеральное агентство новостей*, 24.05.2020. URL: <https://riafan.ru/1279267-ot-perezagruzki-do-troiki-tiranii-kak-menyalis-otnosheniya-ssha-i-kuby>
49. Сидорчик А. «Я – правительство!» История триумфа и падения «кубинского Наполеона» // *АиФ*, 16.01.2016. URL: https://aif.ru/society/history/ya_pravitelstvo_istoriya_triumfa_i_padeniya_kubinskogo_napoleona

50. Сытник А. Н. Публичная дипломатия США в Латинской Америке в период администрации Барака Обамы // Латинская Америка. 2018. № 6. С. 5–18.

51. Ходыкин М. Когда США разорвали отношения с Кубой? // Парламентская газета, 02.01.2020. URL: <https://www.pnp.ru/in-world/kogda-ssha-razorvali-otnosheniya-s-kuboy.html>

52. Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США: теории и концепции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2015. № 4 (54): в 2-х ч. Ч. I. С. 186–189. ISSN 1997-292X

Авторская справка

ПАЛЕЙ Дмитрий Алексеевич – аспирант третьего года обучения, Санкт-Петербургский государственный университет, руководитель НОЦ «American Studies».

E-mail: dmitr.paleyka@gmail.com

МАРКОСЯН Ани Аветиковна – аспирант третьего года обучения, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: st079523@student.spbu.ru

UDC 94(73)

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.82

THE ROLE OF PUBLIC DIPLOMACY INSTITUTIONS AND ETHNIC LOBBYING IN US-CUBAN RELATIONS IN THE PERIOD 1960–2022

D. A. Paley, A. A. Markosyan

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg (Russia)

Introduction. The article sheds light on the aspects of public diplomatic and ethnic lobbying in relations between the United States and Cuba with a detailed examination of historical cases of political lobbying and actionism within the framework of American public diplomacy. The specifics of the American-Cuban ethnic diaspora and their influence on US foreign policy actions towards Cuba are examined in detail.

Methods. As part of the study, the authors address a number of theoretical concepts: firstly, working with the institutions of public diplomacy and ethnic lobbying, we turn to the concept of soft power, while distinguishing between soft power and indirect influences of a public and lobbying nature. Secondly, having defined the nature of American public diplomacy as extremely active, we turned to the concept of the production of consent by W. Lippmann, E. Herman and N. Chomsky. Thirdly, American public diplomacy operating in the cultural-geographical space of Cuba demonstrates, although it has failed, an example that falls under the concept of cultural imperialism. Fourth, constructivism allows us to observe Cuba as the context of a monolithic and self-obsessed cultural environment. Fifthly, when dealing with the lobbying aspect, we come to the concepts of direct and indirect lobbying actionism, as well as a number of theoretical approaches in the field of interest groups within the institutional structure of the state.

Results. Relations between the United States and Cuba appear to be a complex and extremely contradictory phenomenon. The memory of the historical trauma of Cuban forced migrants is becoming one of the main engines of conservative lobbying actionism directed against the current Cuban government. Along with this, the diaspora stagnation of conservative anti-Cuban sentiments with the subsequent change in the vector of lobbying activities is considered, hand in hand with the changing vectors of public diplomacy in the 21st century.

Conclusion. Factors such as ethnic lobbying, historical grievances, and differences in perceptions of world events create additional barriers to establishing trusting relationships. At the same time, public diplomacy continues to be an important element in this dynamic process, emphasizing the importance of a deep understanding of the historical, cultural and sociopolitical context in the formulation and implementation of foreign policy decisions.

Keywords: lobbying, ethnic lobbying, public diplomacy, soft power, international relations.

References

1. About New Cuba PAC. Available at: <https://www.newcubapac.com/about>
2. About Us. Radio Miami International. Available at: <http://www.wrmi.net/index.php/about-wrmi/>
3. American contractor found guilty in Cuba. The Guardian, 12.03.2011. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2011/mar/12/american-contractor-cuba-alan-gross-guilty>
4. Britannica. The Editors of Encyclopedia. Robert Williams. Encyclopedia Britannica, 22 Feb. 2021. Available at: <https://www.britannica.com/biography/Robert-Williams>
5. Bureau of educational and cultural affairsexchange programs / Cuba. Available at: https://exchanges.state.gov/us/tag/cuba?type%5B%5D=exchange_program&field_audience_tid=28&term_referrer=node/184&term_referrer_title=Find%20Programs
6. Chapter V. Prevent Our Enemies from Threatening Us, Our Allies and Our Friends with Weapons of Mass Destruction. National Security Strategy, 2002. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/index.html>
7. Clinton signs bill aimed at Cuba. Helms-Burton measure tightens sanctions, 12 March 1996. Available at: http://edition.cnn.com/US/9603/cuba_shootdown/clinton_cuba/index.html
8. Clinton, Hillary Rodham, Hillary Rodham Clinton on Strategic Interests, Values, and Hard Choices, New York, 12 June 2014, Council on Foreign Relations. Available at: <http://www.cfr.org/united-states/hillary-rodham-clinton-strategic-interests-values-hard-choices/p35672>
9. Conócenos. Radio y Televisión Martí. Available at: <https://www.radiotelevisionmarti.com/p/393.html>
10. Coscarelli J. Diplo and Major Lazer Bring Their Brand of Music to Cuba. The New York Times, 07.03.2016. Available at: <https://www.nytimes.com/2016/03/08/arts/music/diplo-and-major-lazer-bring-their-brand-of-music-to-cuba.html>
11. Cuba: U. S. Policy Overview. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF10045.pdf>
12. Cubans in the United States. Available at: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2006/08/25/cubans-in-the-united-states/>
13. Facts on Hispanics of Cuban origin in the United States, 2021, Pew Research. Available at: <https://www.pewresearch.org/hispanic/fact-sheet/u-s-hispanics-facts-on-cuban-origin-latinos/>
14. Free Cuba PAC. PAC Contributions to Federal Candidates. Available at: <https://www.opensecrets.org/political-action-committees-pacs/free-cuba-pac/C00142117/candidate-recipients/2000>
15. Gavel. Douglas Lloyd Gavel. Changing Course: Using American Soft Power to Affect U. S. Cuban Relations. Master's thesis, Harvard University, Extension School, 2010, pp. 70-71.
16. H. R. 5323 – 102nd Congress: Cuban Democracy Act of 1992. Available at: [www.GovTrack.us](http://www.govtrack.us). 12 October 2023. Available at: <https://www.govtrack.us/congress/bills/102/hr5323>
17. H. R. 4168 – Cuban Democracy Act of 1992. 102nd Congress (1991-1992). Available at: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/4168/text>
18. Haney Vanderbush. *Patrick Haney and Walt Vanderbush*. The Cuban Embargo: The Domestic Politics of an American Foreign Policy, Pittsburg, University of Pittsburg Press, 2005.
19. Helms-Burton Act. Available at: <https://www.govtrack.us/congress/bills/104/hr927/text>
20. Ileana Ros-Lehtinen. United States Representative 1989 – Republican from Florida. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CDOC-108hdoc225/pdf/GPO-CDOC-108hdoc225-3-18.pdf>

21. Lardner. *Richard Lardner*, Republicans Divided as Trump Reverses Some Obama Cuba Policy, *Boston Herald*, 17 June 2017. Available at: http://www.bostonherald.com/news/us_politics/2017/06/republicans_divided_as_trump_reverses_some_obama_cuba_policy
22. Lasswell. *Harold Lasswell*. The Theory of Political Propaganda. 1927, pp. 627–631.
23. Mearsheimer Walt. *John Mearsheimer and Stephen Walt*. 2009. The Israel Lobby and U. S. Foreign Policy, Istanbul, Küre Yayınları, 2009.
24. Merica Dan. Trump Unveils New Restrictions on Travel, Business with Cuba, *CNN*, 17 June 2017. Available at: <http://www.cnn.com/2017/06/16/politics/trump-cuba-policy/index.html>
25. Milner – *Helen Milner*. Interests, Institutions, and Information: Domestic Politics and International relations, New Jersey, Princeton University Press, 1997.
26. National Security Presidential Memorandum on Strengthening the Policy of the United States Toward Cuba. The White House, Office of the Press Secretary, 16 June 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/06/16/national-security-presidential-memorandum-strengthening-policy-united>
27. Obama moves to normalize relations with Cuba as American is released by Havana. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/report-cuba-frees-american-alan-gross-after-5-years-detention-on-spy-charges/2014/12/17/a2840518-85f5-11e4-a702-fa31ff4ae98e_story.html
28. Oppmann P. Rolling Stones make history with free concert in Cuba. *CNN*, 27.03.2016. Available at: <https://edition.cnn.com/2016/03/26/entertainment/cuba-rolling-stones-concert/index.html>
29. PAC Profile. New Cuba PAC. Available at: <https://www.opensecrets.org/political-action-committees-pacs/new-cuba-pac/C00572628/summary/2016>
30. PAC Profile. US-Cuba Democracy PAC. Available at: <https://www.opensecrets.org/political-action-committees-pacs/us-cuba-democracy-pac/C00387720/summary/2022>
31. Pells R. Not like US: How Europeans have loved, hated and transformed American culture since World War II. New York, Basic Books, 1997, pp. 189-190.
32. Pew Research Center. Growing Public Support for U. S. Ties with Cuba – And an end to the trade embargo, 21 July 2015. Available at: <http://www.people-press.org/2015/07/21/growing-public-support-for-u-s-ties-with-cuba-and-an-end-to-the-trade-embargo/>
33. Principal Ballet Dancer Misty Copeland Travels to Cuba as Sports and Cultural Envoy. U. S. Embassy in Cuba, 10.11.2016. Available at: <https://cu.usembassy.gov/19360-2/>
34. Prisoner Exchange with Cuba Led to Freedom for Top U. S. Intelligence Agent. *NPR*, 17.12.2014. Available at: <https://www.npr.org/sections/thetwo-way/2014/12/17/371453374/prisoner-exchange-with-cuba-led-to-freedom-for-top-u-s-spy>
35. Republican National Convention Committee on Arrangements, *Republican Platform*. Cleveland, OH, 18–21 July 2016. Available at: https://prod-cdn-static.gop.com/media/documents/DRAFT_12_FINAL%5B1%5D-ben_1468872234.pdf
36. See the full text of the TSRA. Available at: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title22/chapter79&edition=prelim>
37. Shaquille O'Neal to serve as first Department of State Sports Envoy to Cuba. *USA Today*, 24.06.2016. Available at: <https://www.usatoday.com/story/sports/nba/2016/06/24/shaquille-oneal-us-department-state-sports-envoy-cuba/86351502/>
38. This Day in Cuban History – 24 February 1996. Hermanos al Rescate. Cuban air force Migs blew two of them out of the sky, killing the four occupants. Available at: <https://cubanstudiesinstitute.us/this-day-in-cuban-history/february-24-1996-hermanos-al-rescate-cuban-air-force-migs-blew-two-of-them-out-of-the-sky-killing-the-four-occupants/>

39. Tyson and Williams. *T. Tyson, Williams R.* Radio Free Dixie: Robert F. Williams and the Roots of Black Power. University of North Carolina Press, 1999.
40. U. S. to Restore Full Relations With Cuba, Erasing a Last Trace of Cold War Hostility. Available at: <https://www.nytimes.com/2014/12/18/world/americas/us-cuba-relations.html%20~:text=WASHINGTON%20—%20President%20Obama%20on%20Wednesday,vestiges%20of%20the%20Cold%20War>
41. Vagnoux. *Isabelle Vagnoux*. Washington-la Havane: une relation sous influence, in Pierre Melandri and Serge Richard (ed.), *La politique extérieure des Etats-Unis au XXème siècle: le poids des déterminants intérieurs*, Paris, l'Harmattan, 2007, pp. 187–203.
42. Van Ham. *Van Ham P.* Place Branding: The State of the Art. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, vol. 616, pp. 126–149.
43. WRMI. Federal Communications Commission. Available at: http://fcc.gov/ib/sand/neg/hf_web/WRMI.txt
44. Gavrikov. *Gavrikov Yuri. P.* Batista dead end. Cuba: pages of history. Available at: <https://www.indiansworld.org/batistovskiy-tupik.html#.YKI9Si9ePs0>
45. Agreement between the USA and Cuba on the repeal of the Platt Amendment of 29 May 1934. Yu. M. Kuzmin. *Reader on the modern history of Europe and America (1918–2006)*. Kirov, VyatGGU Publishing House, 2007, 541 p.
46. Markosyan A. A. *Markosyan Ani*. The concept of democracy in US foreign policy using the example of Venezuela. *Information Wars*, 2020, no. 4 (56), pp. 75–78. EDN: ICLKQZ
47. Ivkina. *Ivkinna Lyudmila*. At gunpoint: how the Platt Amendment was imposed on Cuba (1901-1902). *Latin American Historical Almanac*, 2015, vol. 15. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24113165>
48. From the “reset” to the “troika of tyranny”: how relations between the United States and Cuba changed. *Federal News Agency*, 24.05.2020. Available at: <https://riafan.ru/1279267-ot-perezagruzki-do-troiki-tiranii-kak-menyalis-otnosheniya-ssha-i-kuby>
49. Sidorchik A. I am the government! The story of the triumph and fall of the Cuban Napoleon. *AiF*, 16.01.2016. Available at: https://aif.ru/society/history/ya_pravitelstvo_istoriya_triumfa_i_padeniya_kubinskogo_napoleona
50. Sytnik A. N. *Sytnik Anna* US public diplomacy in Latin America during the administration of Barack Obama. *Latin America*, 2018, no. 6, pp. 5–18.
51. Khodykin. *Khodykin Maxim* When did the United States break off relations with Cuba? *Parliamentary newspaper*, 02.01.2020. Available at: <https://www.pnp.ru/in-world/kogda-ssha-razorvali-otnosheniya-s-kuboy.html>
52. Tsvetkova. *Tsvetkova Natalya* us public diplomacy: theories and concepts Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. *Questions of theory and practice Tambov. Gramota*, 2015, no. 4 (54) in 2 ch., ch. I, pp. 186–189. ISSN 1997-292X

Authors' Bio

PALEY Dmitry Alekseevich – third-year graduate student, Saint Petersburg State University, head of the American Studies Research Center, Saint Petersburg, Russia. E-mail: dmitr.paleyka@gmail.com

MARKOSYAN Ani Avetikovna – third-year graduate student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. E-mail: st079523@student.spbu.ru

Библиографическая ссылка

Палей Д. А., Маркосян А. А. Роль институтов публичной дипломатии и этнического лоббизма в американо-кубинских взаимоотношениях в период 1960–2022 гг. // *SocioTime / Социальное время*. 2023. № 4 (36). С. 82–105. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.82

УДК 9.913:(470.316)''1870/1914''

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.106

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В 1870–1914 гг.

Я. В. Пуневский

Государственный университет просвещения, г. Москва (Россия)

Введение. Цель исследования – рассмотрение основных мероприятий городов Ярославской губернии по противодействию пожарам. Актуальность темы подчеркивается недостаточным вниманием к ней в историографии. Исследование выполнено на основе данных делопроизводственной документации, периодической печати, статистических источников, воспоминаний и мемуаров.

Методы. В работе применялись проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы, а также методы структурного анализа. Исследование основано на принципах историзма, научной объективности и системного подхода.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Для развития системы противопожарной безопасности органами городского общественного управления Ярославской губернии применялся целый комплекс мер, которые заключались в строительстве водопроводов, усилении ночной охраны города через ночных сторожей и вольнонаемных пожарных смотрителей, увеличении численности штатов пожарных команд и жалования пожарным служителям. Некоторым городам к началу XX в. удалось сосредоточить все пожарные команды в своих руках. Даже весьма скромные мероприятия, направленные на борьбу с пожарами, были недоступны для небольших городов, ограниченных в расходовании бюджетных средств.

Заключение. Мероприятия, направленные на обеспечение противопожарной безопасности, были важными практически для каждого города в рассматриваемый нами период. Муниципальные власти взяли на себя необходимые расходы. Итоги проведенной работы показывают, что удалось достичь определенных результатов.

Ключевые слова: городское общественное управление, городская дума, городская управа, безопасность, пожары, пожарная команда, мероприятия, расходы.

Введение. Целью настоящей работы является выявление состояния системы противопожарной безопасности в городах Ярославской губернии в 1870–1914 гг., а также основных направлений деятельности городского общественного управления в этой сфере. Нужно учитывать, что пожарные команды, бывшие главным средством борьбы с пожарами, состояли не только в ведении городских дум и управ, а также могли быть частными или казенными. Исследовавший взаимоотношения городского общественного управления и администрации А. В. Борисов отнес противопожарную безопасность к сфере совместных действий городских дум, управ и администрации [1, с. 88–159]. Специально противопожарной деятельности городских органов посвящено не так много работ, хотя в общих трудах

по истории городского общественного управления данные сюжеты, безусловно, присутствуют. В частности, отметим исследование А. Ю. Ташлыкова, подготовленное на материалах городской думы г. Астрахани [59].

Данная работа выполнена на основе комплексного изучения исторических источников, среди которых: периодическая печать изучаемого периода, в частности либеральные газеты «Голос», «Северный край» и официальные «Ярославские губернские ведомости», журналы городских дум городов Ярославля, Рыбинска и Углича; обзоры Ярославской губернии, являвшиеся приложениями к ежегодным отчетам губернаторов; некоторые финансовые ежегодные отчеты городских управ, делопроизводственная документация органов городского общественного управления, хранящаяся в фондах Государственного архива Ярославской области в Ярославле, а также его отделений в Рыбинске, Угличе и Ростове. Хронологические рамки исследования объясняются следующими историческими событиями: введение в действие «Городового положения» в 1870 г., начало Первой мировой войны.

Методы исследования. Методологической базой работы являются принципы историзма, научной объективности, системности. В процессе исследования использовались проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы, методы структурного анализа. Изучение хозяйственной деятельности российских городов в сфере противопожарной безопасности предполагает также использование статистических методик составления сравнительных таблиц доходов и расходов городов в исследуемой сфере.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Прежде чем обратиться к изучению мероприятий органов городского общественного управления в сфере противопожарной безопасности, необходимо рассмотреть численный состав пожарных команд в городах Ярославской губернии. Например, по данным отчета Ярославской городской управы за 1889 год пожарная команда Ярославля состояла из 62 лошадей, двух паровых пожарных труб и 11 ручных, двух насосов с принадлежностями. Кроме того, при пожарном депо имелась мастерская с паровым двигателем для столярных, слесарных и кузнечных работ [52, с. 3]. Пожарный обоз Рыбинска состоял из 52 лошадей и трех человек [58, с. 234; 25, л. 1–3]. Пожарная команда г. Мышкина в 1910 г. состояла из 6 человек, 5 лошадей, 3 труб и 7 бочек с подъемными и перевозочными средствами [16, л. 62].

В нашем распоряжении имеются сравнительные данные по численности пожарных команд в городах Ярославской губернии и расходах на их содержание, приведенные в «Календаре Ярославской губернии на 1878 год». Исходя из данных, представленных в таблице 1, следует заметить, что в целом численность пожарной части зависела от величины и населенности городов. В заштатном г. Петровске пожарной команды не существовало вовсе.

Таблица 1

Пожарные команды в городах Ярославской губернии в 1878 году [41, с. 47]

Название города	Количество людей	Количество лошадей	Расходы (в руб.)
Ярославль	62	42	21 477,75
Ростов	20	22	5 174,31
Рыбинск	53	29	13 202,49
Углич	16	13	3 120,00
Мышкин	6	5	999,57
Молога	10	8	1 600,85
Пошехонье	7	6	2 032,4
Любим	6	5	1 054,8
Данилов	10	8	1 863,00
Романов	15	17	2 839,14
Петровск	Нет	Нет	Нет

Несмотря на то, что официальные отчеты показывали удовлетворительное состояние городов Ярославской губернии в противопожарном отношении, безусловно, недостатки были, как и в других российских регионах [48, с. 40; 50, с. 21–22]. О недостаточном развитии противопожарных мероприятий в большинстве городов России свидетельствует размах пожаров и их частота. Пожары стали настоящим бедствием для преимущественно деревянных городов, некоторые из них могли вообще не оправиться от последствий сильного пожара и потерять свое значение [5, с. 65].

По данным Л. В. Кошман, в 1875–1882 гг. в губерниях Европейской России в среднем в год происходило более 37 тысяч пожаров [43, с. 97]. 6 июля 1885 г. в Ростове случился страшный пожар, принесший убыток в сумме 26 000 рублей [44, с. 225]. По данным И. А. Ковалева, пожар в г. Любиме в 1897 г. уничтожил почти половину города [42, с. 128]. Частые пожары в Любиме отмечал и современник описываемых событий В. Л. Орлов [51, с. 117–118]. По признанию мемуариста С. П. Чехова, пожары были «тяжелым бедствием, о которых говорят названия деревень: Выгарь, Горелики и другие» [60, с. 90].

В 1895 г. по причине «громадного убытка от пожара» городскому общественному управлению г. Данилова пришлось ходатайствовать перед правительством о ссуде из казны. В городе погибло 150 домов стоимостью до 70 000 руб., товаров и движимого имущества – на сумму в 2 000 000 руб., причем все движимое имущество не было застраховано, а недвижимое – застраховано лишь на 23 000 рублей. Но ссуда смогла покрыть только половину убытков, а обеспечением ее исправного

возврата служило все недвижимое имущество, находившееся в собственности города. Несмотря на это условие, Министерство внутренних дел отказало городу в займе «в виду затруднительного положения в настоящее время денежных средств Государственного казначейства» [9, л. 17].

Сведения, предоставленные в рапорте петровского уездного исправника в губернское по земским и городским делам присутствие от 24 ноября 1899 г., позволяют судить о недостатках, имевшихся в пожарной части г. Петровска. Причиной обсуждения этого вопроса стал произошедший здесь крупный пожар. В качестве основного недочета уездным исправником отмечено недостаточно быстрое доставление воды для тушения. Исправник предлагал провести водопровод на центральную площадь, что не так дорого сделать. Однако голова К. И. Шахов пояснил, что устройство водопровода будет затруднительным для города, «потребуется большая затрата капитала». В последующем рапорте уездного исправника перечислены меры, которые были выполнены городской управой по результатам рассмотрения вопроса: улучшен подъезд к р. Печегде, устроен деревянный насос, вырыт пруд близ дома Козлова. «Такие мероприятия, если они будут доведены до конца, дадут хорошие средства для более успешной борьбы с пожарами», – подчеркивалось в докладе [10, л. 1–4].

Нехватка в городах пожарных служителей усугубляла халатность к делу имеющих сотрудников, не проявляющих служебного рвения. По данным, приведенным в 1905 г. в газете «Северный край», «пожарная команда в Угличе работает плохо, обычно не слишком торопится на пожар» [57]. Недовольство работой пожарной команды выражали и гласные городской думы Романово-Борисоглебска [18, л. 1–5 об.].

Безусловно, существовали и объективные причины большого количества пожаров. Неудовлетворительное состояние некоторых городов в противопожарном отношении не сводилось только к неэффективной политике городских управ в этой сфере. По приведенным Б. Н. Мироновым данным, в российских городах к 1910 г. 80 % зданий были деревянными и только 20 % – каменными [46, с. 831].

Ликвидации последствий пожаров мешало плохое состояние городских дорог. Так, согласно ходатайству обывателей Кучерского переулка, поданному в ярославскую городскую думу, на мостовой «тонули в непролазной грязи люди и лошади, ломались колеса и оси, даже пожарная команда не рисковала забираться туда для тушения пожаров, особенно после одного случая, когда в грязи переулка застряла пожарная машина» [56]. В мае 1871 г. гласный ярославской городской думы Коченин по поводу необходимости скорейшего строительства дороги в Коровниках отметил: «Дорога в Коровники необходима, потому что там до 150 домов, а дороги нет. В случае пожара, сохрани Господи, так и проехать туда нельзя будет» [39, с. 96].

Отметим основные противопожарные мероприятия, проводившиеся в городах. В первую очередь следует назвать строительство водопроводов [29, л. 19–20]. Несомненно, водопроводная инфраструктура оказывала существенную помощь в тушении пожаров. Местные городские власти принимали меры для улучшения водопроводов в противопожарном отношении. Например, рыбинский водопровод был соединен с пожарной частью электрической пожарной сигнализацией [26, л. 51 об.]. Обязательным требованием при строительстве частных ответвлений ярославского водопровода являлось устройство на каждые 50 саженей пожарных кранов [40, с. 294]. Несмотря на это, вопрос об эффективности водопроводной сети в деле тушения пожаров оставался спорным.

В 1910 г. в газете «Голос» отмечалось, что с устройством водопровода «ныне не видим тех опустошительных пожаров, как например пожар 1898 года» [2]. Однако уже в 1911 г. в том же источнике утверждали, что масштабы городских водопроводов не могли обеспечить надежную защиту от пожаров [4]. В большинстве уездных городов губернии водопровода не существовало, но важнейшей мерой в предотвращении пожаров также служило улучшение системы водоснабжения города. 11 марта 1899 г. угличская городская дума по докладу комиссии относительно улучшения водоснабжения города на случай пожарного бедствия признала необходимым устройство колодцев с водокачками при них в местах, наиболее удаленных от берега Волги [53].

Важной мерой противопожарной охраны стало введение института ночных сторожей, о необходимости введения которого сигнализировали городские обыватели [28, л. 12]. Согласно инструкции, выданной ночным сторожам угличской городской управой в январе 1913 г., противопожарная охрана была одной из трех главных обязанностей сторожей, наряду с помощью полицейским служителям в наблюдении за безопасностью и наблюдении за правильной вывозкой нечистот. Сторож имел при себе «колотушку», свисток и пожарный сигнальный рожок [32, л. 1–1 об.].

Кроме того, сторонним лицам, принимавшим участие в тушении пожаров, время от времени выплачивались вознаграждения из городских средств [24, л. 30]. В других городах губернии существовал институт вольнонаемных пожарных смотрителей. Например, вольнонаемные пожарные смотрители в количестве 12 человек получали жалование от Романово-Борисоглебской городской управы по 85 руб. каждый ежемесячно [19, л. 1].

Существенной мерой было и исправление дорог. В частности, 11 сентября 1908 г. Угличская городская дума постановила вырыть пруд для осушения Алексеевской улицы, «который будет служить и на случай пожарного бедствия», затем устроить мост через нишу улицы [31, л. 2].

В январе 1913 г. в Угличской городской думе обсуждалось заявление гласного Жукова о необходимости иметь пожарную машину в заволжском пожарном депо, «поскольку весной и осенью переправа через реку бывает весьма затруднительной, а во время ледохода переправы и вовсе нет». По результатам рассмотрения одна пожарная машина была предоставлена [33, л. 1–3]. Ранее, 19 июля 1874 г. Угличской городской управой было удовлетворено заявление жителей заволжской стороны о необходимости иметь там пожарную трубу и бочку [38, с. 10].

Важным было и обследование противопожарного состояния городских начальных училищ. В одном из домов Углича, где помещалось начальное училище, располагался винный склад [27, л. 22–24]. 25 ноября 1886 г. Угличская городская дума обсуждала вопрос о размещении приходских училищ в здании, где находится пожарное депо [66]. Проводился и контроль за ходом строительства новых домов противопожарной направленности [34, л. 153].

Большинство противопожарных мер городских дум проводилось в качестве обязательных постановлений [47, с. 51]. В частности, в 1878 г. городскими думами Ярославской губернии был издан целый ряд постановлений о мерах борьбы с пожарами, а в Рыбинске даже учрежден временный комитет для принятия мер против пожаров на судоходных пристанях [49, с. 53]. Иногда заведывание пожарной частью поручалось городскими управами специально избранным для этой цели исполнительным комиссиям [8, л. 4–5 об.].

В контексте исследования противопожарных мероприятий важным является рассмотрение вопроса о размере жалования пожарных служителей. Следует признать, что оно было небольшим, и органы общественного управления зачастую не спешили его повышать. Например, Даниловская дума 5 мая 1878 г. отказала в прибавке жалования пожарным служителям (они продолжили получать по 9 руб.) [61]. В 1885 г. отказала пожарным в аналогичной просьбе и городская дума г. Мышкина [64]. О нежелании рыбинских «отцов города» выделять дополнительные деньги пожарным служителям сообщала в 1899 г. газета «Северный край» [54]. Однако адресная помощь все же существовала. Рыбинская городская управа в 1884 и 1886 гг. выдавала денежные пособия нуждающимся служащим пожарного депо [66; 37, с. 169–170].

В 1881 г. в городской думе Романово-Борисоглебска обсуждалась возможная прибавка жалования пожарным [20, л. 67]. В 1901 г. Ярославская городская дума увеличила содержание пожарной команде по причине ее расширения в численном составе [67]. На вольно-пожарную команду в Ярославле Ф. Е. Вахромеев пожертвовал 1 000 рублей [68]. Кроме того, к 1909 г. в Ярославле было выстроено главное пожарное депо за 105 000 руб., а также депо в заволжской части города с бесплатной амбулаторией при нем [7, с. 509]. В 1911 г. строительство нового пожарного депо обсуждалось и в городской думе Романово-Борисоглебска [3]. В январе

1912 г. Ростовская городская управа признала возможным увеличение жалования пожарных служащих на 1 руб. в месяц. Поскольку смета на 1912 г. уже была составлена, расход в сумме 156 руб. предписывалось покрыть из сверхсметных поступлений [36, л. 8].

Стоит отметить персональный вклад в нормализацию пожарной части городов со стороны известных общественных и государственных деятелей. В частности, в Ростове приведение в порядок пожарной части связывалось с приходом в 1904 г. нового городского головы А. Х. Оппель [55]. Почетным членом Романово-Борисоглебского добровольного пожарного общества являлся губернатор Б. В. Штюмер, по-видимому, уделявший внимание мерам борьбы с пожарами [11, л. 1]. 11 сентября 1907 г. состояние пожарной системы г. Романово-Борисоглебска лично проинспектировал один из преемников Б. В. Штюмера, начальник губернии А. А. Римский-Корсаков. По свидетельству «Ярославских губернских ведомостей», местный пожарный обоз произвел на губернатора хорошее впечатление [69].

В начале XX в. активно обсуждался вопрос о передаче пожарных команд в ведение городов. В 1909 г. Министерство внутренних дел «окончательно решило» передать их в ведение городов. По этому поводу губернаторам разослали запросы. По результатам опросов, из 32 ответов губернаторов только шесть были за оставление пожарных команд в ведении полиции. Однако и те губернаторы, которые считали нужным передать пожарные команды в ведение городов, рекомендовали оставить за полицией право распоряжаться командами во время пожаров [6, с. 936]. Сказывалось традиционное недоверие к институтам общественного управления, бытовавшее в правительственных сферах. Тем не менее по данным журнала «Городское дело», на 1 января 1912 г. 152 города значились в перечне городов России, где пожарные команды перешли в ведение городов, среди них в Ярославской губернии: Ярославль, Молога, Романово-Борисоглебск, Рыбинск, Пошехонье [45, с. 1320-1321].

В ходатайстве городской думы Романово-Борисоглебска от 1905 г. о передаче пожарной команды в ведение города утверждалось: «дело пожарной помощи было бы поставлено на должную высоту, если бы функции административной власти были всецело переданы городу» [21, л. 6]. Однако 13 февраля 1909 г. уездный исправник писал в губернское присутствие по земским и городским делам по данному вопросу, что, по его мнению, городские деятели «являются совершенно неподготовленными к созданию и управлению пожарными командами в дисциплинарном отношении». В процессе передачи пожарной команды в ведение города он считал нужным ограничить городское управление принимать и увольнять пожарных служащих, а также предоставить полиции право делать дисциплинарные

взыскания. Помощник исправника, в свою очередь, требовал неукоснительной отдачи служащими полицейской команды воинской чести носителям чинов полиции [21, л. 31, 66].

В Угличе вопрос об учреждении пожарной команды, вместо существующей полицейской, возник в 1907-1908 гг. Так, согласно докладу Угличской городской управы от 18 октября 1910 г., город испытывал затруднения с полицейской пожарной командой, поэтому устройство общественной пожарной команды, «безусловно, желательно и необходимо» [30, л. 4].

Ликвидация последствий пожаров была связана для городов с незапланированными расходами, причем не только в области городского благоустройства. Например, в 1881 г. в Романово-Борисоглебске выдано пособие городскому врачу Г. Рогову по случаю потери им имущества во время пожара в размере 100 руб. [20, л. 67]. В 1885 г. среди чрезвычайных выплат расходной сметы г. Мологи значилась покупка пожарного насоса [63]. Несмотря на дефицит бюджета, комиссия по рассмотрению росписи Ростовской городской управы в 1889 г. отметила необходимость покупки пожарной трубы за 6 000 руб. в первую очередь для сохранения городских имуществ от пожаров [35, л. 1–5].

В целях некоторого сокращения расходов на содержание пожарных команд и по распоряжению городских управ пожарные лошади могли привлекаться для доставки материалов, необходимых в процессе замощения улиц, за небольшое вознаграждение [17, л. 82–82 об.]. Негодные лошади с пожарных дворов продавались [62; 63]. Неудачей закончилась попытка ярославского губернатора в 1903-1904 гг. возложить часть противопожарных расходов города на земство [21, л. 1–6 об.].

Небольшим уездным городам для удовлетворения насущных нужд пожарных команд приходилось прибегать к займам. Так, к 1905 г. на счету г. Мышкина лежал долг в сумме 400 руб. на надобности вольного пожарного общества, который не был выплачен городом и к 1912 г. [13, л. 21; 15, л. 74 об. –75]. Крупный заем был взят в 1908 г. Ярославской городской управой на строительство главного пожарного депо [14, л. 2 об.]. Для помещения нового пожарного депо 15 февраля 1910 г. Романово-Борисоглебская дума решила купить недвижимое имение за 10 000 руб., для чего пришлось взять 4 500 руб. в городском общественном банке на 6 лет под 7 % годовых. Средств не хватило, управа просила о разрешении еще одного займа на депо в сумме 20 000 руб. Однако решение вопроса затянулось, пришлось прибегнуть к займам у мещанского общества и частных лиц [22, л. 70, 126–159 об.; 23, л. 17–21 об.].

Сведения по расходам городских общественных управлений на содержание пожарных команд приведены в таблице 2. Эти расходы были неравномерны как в хронологическом плане, так и территориальном. На протяжении рассмотренного периода они показывали существенный рост: более чем в 10 раз в Данилове и Ро-

маново-Борисоглебске, более чем в 5 раз – в Пошехонье и Ростове. Однако в Мологе и Ярославле в 1912 г. они сократились в среднем в два раза по сравнению с 1883 г.

Таблица 2

**Расходы городов Ярославской губернии на содержание пожарных команд
в 1883, 1903 и 1912 годах ¹**

Город/год	1883 (в руб. и в % от доходной сметы)	1903 (в руб. и в % от доходной сметы)	1912 (в руб. и в % от доходной сметы)
Ярославль	23 113 – 13,36	32 496,37 – 6,72	53 609 – 5,69
Данилов	394 – 0,76	2 775,95 – 11,3	3 462,52 – 12,27
Любим	1 884 – 16,09	2 259,31 – 13,27	Нет данных
Молога	1 508 – 9,46	2 302,87 – 5,52	2 761,8 – 5,61
Мышкин	–	1 465,07 – 15,19	1 841 – 13,99
Пошехонье	171 – 1,15	2 244,81 – 9,57	2 544,7 – 9,46
Романов	60 – 0,28	3 922,36 – 12,83	5 479,28 – 11,96
Ростов	394 – 0,76	8 553,38 – 6,56	10 526,5 – 6,08
Рыбинск	850 – 0,54	13 289,02 – 4,67	18 199 – 4,27
Углич	1 053 – 3,93	4 478,03 – 9,82	7 300 – 6,98
Петровск	110 – 2,84	410,6 – 6,2	465 – 4,95

Заключение. Пожары, которые были серьезной проблемой для преимущественно деревянных городов конца XIX – начала XX вв. со всей очевидностью обусловили необходимость разработки эффективной системы мер борьбы с ними со стороны органов городского общественного управления. К моменту активизации его деятельности, после введения в действие «Городового положения» 1870 года, пожарная часть в большинстве городов Ярославской губернии, особенно в небольших уездных городах, оставалась недостаточной: не хватало служащих пожарных команд, лошадей, финансирования.

Одним из важнейших средств борьбы с пожарами стало устройство водопроводов, которое могли себе позволить только относительно крупные и экономически развитые города. Сыграло свою роль учреждение института ночных сторожей и вольнонаемных смотрителей, привлекавшее к общественной работе население городов, непосредственно заинтересованное в эффективной борьбе с пожарами. На волне расширения общественных команд, состоящих в ведении городов, в начале XX в. актуальным стал вопрос о передаче всех пожарных команд под контроль муниципальной власти.

В ряде городов Ярославской губернии в рассматриваемый нами период это удалось осуществить. Ликвидация последствий пожаров была связана для городских управ с существенными расходами, поэтому небольшим уездным городам

для решения данного вопроса часто приходилось прибегать к займам. Общие расходы городов на противопожарные мероприятия были неравномерны как во временном аспекте, в среднем демонстрируя неуверенный рост, так и в территориальном аспекте: доля противопожарных расходов в структуре городских бюджетов крупных городов, обремененных большим количеством других расходов на нужды городского хозяйства, не превосходила долю таких расходов маленьких уездных городов.

Примечание

Составлено автором по материалам: Труды Ярославского губернского статистического комитета. Т. 9. М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1885. С. 75-76. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2285. Л. 75 об.-76. Д. 3993, 3990, 3986, 3985, 3984, 3994. Л. 44-63. Д. 3988. Л. 19-20. УГФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 922. Л. 23-75об. РБФ ГАЯО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2532. Л. 3. Отчет Ярославской городской управы за 1912 год.

Список литературы

1. Борисов А. В. Губернская администрация и городское общественное управление в провинциальной России конца XIX – начала XX вв. (по материалам Пензенской, Самарской и Симбирской губерний). Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2010. 196 с.
2. Голос. 1910. 8 апреля.
3. Голос. 1911. 7 мая.
4. Голос. 1911. 29 сентября.
5. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского. М.: ОГИ, 2001. 557 с.
6. Сообщения с мест // Городское дело. 1909. № 18. С. 935-936.
7. Сообщения с мест // Городское дело. 1912. № 13-14. С. 501-510.
8. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 137. Оп. 1. Д. 347.
9. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 357.
10. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1034.
11. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1065.
12. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2182.
13. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2541.
14. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 3289.
15. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4014.
16. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4158.
17. ГАЯО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 5.
18. ГАЯО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 12.
19. ГАЯО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 21.
20. ГАЯО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 246.
21. ГАЯО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 887.
22. ГАЯО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 926.
23. ГАЯО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1045.
24. Государственный архив Ярославской области в городе Рыбинске (РБФ ГАЯО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 406.
25. РБФ ГАЯО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1372.

26. РБФ ГАЯО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1664.
27. Государственный архив Ярославской области в городе Угличе (УГФ ГАЯО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 74.
28. УГФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 96.
29. УГФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 552.
30. УГФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 699.
31. УГФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 742.
32. УГФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 967.
33. УГФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 993.
34. Государственный архив Ярославской области в городе Ростове (РСФ ГАЯО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 70.
35. РСФ ГАЯО. Ф. 2. ОП. 1. Д. 371.
36. РСФ ГАЯО. Ф. 2. ОП. 1. Д. 976.
37. Журнал заседаний Рыбинской городской думы за 1884 год. Рыбинск: Изд-во Лукьянова, 42 с.
38. Журналы Угличской городской думы за 1874 год. Прибавление к № 36 Ярославских губернских ведомостей за 1875 г. Углич, 1875. 72 с.
39. Журналы Ярославской городской думы за 1871 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1877. 172 с.
40. Журнал Ярославской городской думы за 1893 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1894. 480 с.
41. Календарь Ярославской губернии на 1878 год. Ярославль: изд-во Ярославской губернской типографии, 1878. 269 с.
42. Ковалев И. А. Данилов. Любим. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1973. 208 с.
43. Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.
44. Крестьянинова Е. И., Никитина Г. А. Преславный град Ростов. История Ростова Великого от начала до наших дней. М.: Научный мир, 2012. 340 с.
45. Макаров А. К. Положение противопожарной охраны в городах // Городское дело. 1912. № 21. С. 1320-1321.
46. Миронов Б. Н. Российская империя. От традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланов, 2014. 892 с.
47. Мустафин И. Р. Городское самоуправление Нижегородской губернии во второй половине XIX века: хрестоматия. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013. 84 с.
48. Обзор Ярославской губернии за 1872 год. Ярославль: тип. Губ. правл., 1873. 57 с.
49. Обзор Ярославской губернии за 1878 год. Ярославль: тип. Губ. правл., 1879. 84 с.
50. Обзор Ярославской губернии за 1885 год. Ярославль: тип. Губ. правл., 1886. 43 с.
51. Орлов В. Л. Старый Любим и вся Россия. Ярославль: Рутман, 2000. 416 с.
52. Отчет Ярославской городской управы за 1889 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1890. 83 с.
53. Северный край. 1899, 17 марта.
54. Северный край. 1899, 15 апреля.
55. Северный край. 1904, 1 мая.
56. Северный край. 1905, 1 сентября.
57. Северный край. 1905, 8 октября.
58. Старый Рыбинск: история города в описаниях современников XIX–XX вв. Рыбинск: Михайловский посад, 1993. 332 с.
59. Ташлыков А. Ю. Роль астраханского городского самоуправления в организации пожарной службы // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 3 (28). С. 265–270.

60. Чехов С. М. О семье Чеховых: М. П. Чехов в Ярославле. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1970. 224 с.

61. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1878, 25 мая.
62. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1878, 17 августа.
63. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1885, 5 февраля.
64. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1885, 25 июня.
65. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1886, 7 ноября.
66. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1887, 6 января.
67. Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1901, 9 ноября.
68. Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1901, 16 ноября.
69. Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1908, 10 октября.

Авторская справка

ПУНЕВСКИЙ Ярослав Викторович – аспирант, кафедра истории России, факультет истории, политологии и права, Государственный университет просвещения, г. Москва, Россия.

E-mail: moskva221090an@gmail.com

UDC 9.913:(470.316)"1870/1914"

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.106

ACTIVITIES OF THE CITY PUBLIC ADMINISTRATION OF THE YAROSLAVL PROVINCE IN THE FIELD OF FIRE SAFETY IN 1870–1914

Ya. V. Punevsky

State University of Education, Moscow (Russia)

Introduction. The purpose of the study is to consider the main measures of the cities of the Yaroslavl province to combat fires. The relevance of the topic is emphasized by insufficient attention to it in historiography. The research was carried out on the basis of data from office records, periodicals, statistical sources, memoirs and memoirs.

Methods. Problem-chronological and comparative-historical methods, methods of structural analysis were used in the work. The research is based on the principles of historicism, scientific objectivity and a systematic approach.

Results. For the development of the fire safety system, the city public administration bodies of the Yaroslavl province applied a whole range of measures, which consisted in the construction of water pipes, strengthening the night security of the city through night watchmen and freelance fire wardens, increasing the number of fire brigades and salaries of fire attendants. Some cities managed to concentrate all fire brigades in their own hands by the beginning of the XX century. Even very modest measures aimed at fighting fires were not available for small towns with limited budget spending.

Conclusion. Measures aimed at ensuring fire safety were important for almost every city during the period we are considering. The expenditures for these purposes on the part of the municipal authorities and the results of activities in this direction show that some results have still been achieved.

Keywords: City public administration, city Duma, city council, security, fires, fire brigade, events, expenses.

References

1. Borisov A. V. *Gubernskaja administracija i gorodskoe obshhestvennoe upravlenie v provincial'noj Rossii konca XIX-nachala XX veka* (po materialam Penzenskoj, Samarskoj i Simbirskoj gubernii) [Provincial administration and Urban public Administration in Provincial Russia of the Late XIX-early XX century]. Penza, PGPU im. V. G. Belinskogo Publ., 2010, 196 p. (In Russian).
2. *Golos* [Voice newspaper], 1910, 8 aprlja. (In Russian).
3. *Golos* [Voice newspaper], 1911, 7 maja. (In Russian).
4. *Golos* [Voice newspaper], 1911, 29 sentjabrja. (In Russian).
5. *Gorod i derevnja v Evropejskoj Rossii. Sto let peremen. Pamjati Veniamina Petrovicha Semenova-Tjan-Shanskogo* [A city and a village in European Russia. The hundred years of change. In memory of Veniamin Petrovich Semenov-Tyan-Shansky]. Moscow, OGI Publ., 2001, 557 p. (In Russian).
6. Soobshhenija s mest. *Gorodskoe delo* [City Business Magazine], 1909, no. 18, pp. 935–936. (In Russian).
7. Soobshhenija s mest. *Gorodskoe delo* [City Business Magazine], 1912, no. 13-14, pp. 501–510. (In Russian).
8. Gosudarstvennyj arhiv Jaroslavskoj oblasti (GAJaO) [State Archive of the Yaroslavl Region]. F. 137. Op. 1. D. 347. (In Russian, unpublished).
9. GAJaO. F. 137. Op. 1. D. 357. (In Russian, unpublished).
10. GAJaO. F. 137. Op. 1. D. 1034. (In Russian, unpublished).
11. GAJaO. F. 137. Op. 1. D. 1065. (In Russian, unpublished).
12. GAJaO. F. 137. Op. 1. D. 2182. (In Russian, unpublished).
13. GAJaO. F. 137. Op. 1. D. 2541. (In Russian, unpublished).
14. GAJaO. F. 137. Op. 1. D. 3289. (In Russian, unpublished).
15. GAJaO. F. 137. Op. 1. D. 4014. (In Russian, unpublished).
16. GAJaO. F. 137. Op. 1. D. 4158. (In Russian, unpublished).
17. GAJaO. F. 512. Op. 1. D. 5. (In Russian, unpublished).
18. GAJaO. F. 512. Op. 1. D. 12. (In Russian, unpublished).
19. GAJaO. F. 512. Op. 1. D. 21. (In Russian, unpublished).
20. GAJaO. F. 512. Op. 1. D. 246. (In Russian, unpublished).
21. GAJaO. F. 512. Op. 1. D. 887. (In Russian, unpublished).
22. GAJaO. F. 512. Op. 1. D. 926. (In Russian, unpublished).
23. GAJaO. F. 512. Op. 1. D. 1045. (In Russian, unpublished).
24. Gosudarstvennyj arhiv Jaroslavskoj oblasti v gorode Rybinske (RBF GAJaO) [The State Archive of the Yaroslavl region in the city of Rybinsk]. F. 9. Op. 1. D. 406. (In Russian, unpublished).
25. RBF GAJaO. F. 9. Op. 1. D. 1372. (In Russian, unpublished).
26. RBF GAJaO. F. 9. Op. 1. D. 1664. (In Russian, unpublished).
27. Gosudarstvennyj arhiv Jaroslavskoj oblasti v gorode Ugliche (UGF GAJaO) [The State Archive of the Yaroslavl region in the city of Uglich]. F. 2. Op. 1. D. 74. (In Russian, unpublished).
28. UGF GAJaO. F. 2. Op. 1. D. 96. (In Russian, unpublished).
29. UGF GAJaO. F. 2. Op. 1. D. 552. (In Russian, unpublished).
30. UGF GAJaO. F. 2. Op. 1. D. 699. (In Russian, unpublished).
31. UGF GAJaO. F. 2. Op. 1. D. 742. (In Russian, unpublished).
32. UGF GAJaO. F. 2. Op. 1. D. 967. (In Russian, unpublished).
33. UGF GAJaO. F. 2. Op. 1. D. 993. (In Russian, unpublished).
34. Gosudarstvennyj arhiv Jaroslavskoj oblasti v gorode Rostove (RSF GAJaO). F. 2. Op. 1. D. 70. (In Russian, unpublished).
35. RSF GAJaO. F. 2. OP. 1. D. 371. (In Russian, unpublished).

36. RSF GAJaO. F. 2. OP. 1. D. 976. (In Russian, unpublished).
37. *Zhurnal zasedanij Rybinskoj gorodskoj dumy za 1884 god* [Journal of meetings of the Rybinsk City Duma for 1884]. Rybinsk, Luk'janova Publ., 42 p. (In Russian).
38. *Zhurnaly Uglichskoj gorodskoj dumy za 1874 god. Pribavlenie k №36 jaroslavskih gubernskih vedomostej 1875 g.* [Journal of the Uglich City Duma for 1874. Addition to no. 36 of the Yaroslavl Provincial Gazette of 1875]. Uglich, 1875, 72 p. (In Russian).
39. *Zhurnaly Jaroslavskoj gorodskoj dumy za 1871 god* [Journals of the Yaroslavl City Duma for 1871]. Jaroslavl', Jaroslavskoj gorodskoj upravly Publ., 1877, 172 p. (In Russian).
40. *Zhurnal Jaroslavskoj gorodskoj dumy za 1893 god* [Journal of the Yaroslavl City Duma for 1893]. Jaroslavl', Jaroslavskoj gorodskoj upravly Publ., 1894, 480 p. (In Russian).
41. *Kalendar' Jaroslavskoj gubernii na 1878 god* [Calendar of Yaroslavl province for 1878]. Jaroslavl', jaroslavskoj gubernskoj tipografii Publ., 1878, 269 p. (In Russian).
42. Kovalev I. A. *Danilov. Ljubim* [Danilov. Ljubim]. Jaroslavl', verhnevolzhskoe knizhnoe Publ., 1973, 208 p. (In Russian).
43. Koshman L. V. *Gorod i gorodskaja zhizn' v Rossii XIX stoletija: social'nye i kul'turnye aspekty* [The city and urban life in Russia of the XIX century: social and cultural aspects]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2008, 446 p. (In Russian).
44. Krest'janinova E. I., Nikitina G. A. *Preslavnyj grad Rostov. Istorija Rostova Velikogo ot nachala do nashih dnei* [The glorious city of Rostov. The history of Rostov the Great from the beginning to the present day]. Moscow, Nauchnyj mir Publ., 2012, 340 p. (In Russian).
45. Makarov A. K. *Polozhenie protivopozharnoj ohrany v gorodah. Gorodskoe delo* [City Business Magazine]. 1912, vol. 21, pp. 1320-1321. (In Russian).
46. Mironov B. N. *Rossijskaja imperija. Ot tradicii k modernu: v 3 t. T. 1* [The Russian Empire. From tradition to modernity]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanov Publ., 2014, 892 p. (In Russian).
47. Mustafin I. R. *Gorodskoe samoupravlenija Nizhegorodskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX veka: hrestomatija* [City self-government of Nizhny Novgorod province in the second half of the XIX century: a textbook]. N. Novgorod, NIU RANHiGS Publ., 2013, 84 p. (In Russian).
48. *Obzor Jaroslavskoj gubernii za 1872 god* [Overview of Yaroslavl province in 1872]. Jaroslavl', tip. Gub. pravl. Publ., 1873, 57 p. (In Russian).
49. *Obzor Jaroslavskoj gubernii za 1878 god* [Overview of Yaroslavl province in 1878]. Jaroslavl', tip. Gub. pravl. Publ., 1879, 84 p. (In Russian).
50. *Obzor Jaroslavskoj gubernii za 1885 god* [Overview of Yaroslavl province in 1885]. Jaroslavl', tip. Gub. pravl. Publ., 1886, 43 p. (In Russian).
51. Orlov V. L. *Staryj Ljubim i vsja Rossija* [Old Ljubim and all of Russia]. Jaroslavl', Rutman Publ., 2000, 416 p. (In Russian).
52. *Otchet Jaroslavskoj gorodskoj upravly za 1889 god* [Report of the Yaroslavl City Council for 1889]. Jaroslavl', Jaroslavskoj gorodskoj upravly Publ., 1890, 83 p. (In Russian).
53. *Severnyj kraj* [Northern Territory newspaper], 1899, 17 marta. (In Russian).
54. *Severnyj kraj* [Northern Territory newspaper], 1899, 15 aprelja. (In Russian).
55. *Severnyj kraj* [Northern Territory newspaper], 1904, 1 maja. (In Russian).
56. *Severnyj kraj* [Northern Territory newspaper], 1905, 1 sentjabrja. (In Russian).
57. *Severnyj kraj* [Northern Territory newspaper], 1905, 8 oktjabrja. (In Russian).
58. *Staryj Rybinsk. Istorija goroda v opisanijah sovremennikov XIX–XX vv.* [Old Rybinsk. The history of the city in the descriptions of contemporaries of the XIX–XX centuries]. Rybinsk, Mihajlovskij posad Publ., 1993, 332 p. (In Russian).
59. Tashlykov A. Ju. *Roľ' astrahanskogo gorodskogo samoupravlenija v organizacii pozharnoj sluzhby. Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture]. 2011, no. 3 (28), pp. 265–270. (In Russian).

60. Chehov S. M. *O sem'e Chehovyh M. P. Chehov v Jaroslavle* [About the Chekhov family M. P. Chekhov in Jaroslavl]. Jaroslavl', Verh.-Volzh. kn. izd-vo Publ., 1970, 224 p. (In Russian).

61. *Jaroslavskie gubernskie vedomosti. Chast' oficial'naja* [Jaroslavl provincial vedomosti. The official part], 1878, 25 maja. (In Russian).

62. *Jaroslavskie gubernskie vedomosti. Chast' oficial'naja* [Jaroslavl provincial vedomosti. The official part], 1878, 17 avgusta. (In Russian).

63. *Jaroslavskie gubernskie vedomosti. Chast' oficial'naja* [Jaroslavl provincial vedomosti. The official part], 1885, 5 fevralja. (In Russian).

64. *Jaroslavskie gubernskie vedomosti. Chast' oficial'naja* [Jaroslavl provincial vedomosti. The official part], 1885, 25 ijunja. (In Russian).

65. *Jaroslavskie gubernskie vedomosti. Chast' oficial'naja* [Jaroslavl provincial vedomosti. The official part], 1886, 7 nojabrja. (In Russian).

66. *Jaroslavskie gubernskie vedomosti. Chast' oficial'naja* [Jaroslavl provincial vedomosti. The official part], 1887, 6 janvarja. (In Russian).

67. *Jaroslavskie gubernskie vedomosti. Chast' neoficial'naja* [Jaroslavl provincial vedomosti. The unofficial part], 1901, 9 nojabrja. (In Russian).

68. *Jaroslavskie gubernskie vedomosti. Chast' neoficial'naja* [Jaroslavl provincial vedomosti. The unofficial part], 1901, 16 nojabrja. (In Russian).

69. *Jaroslavskie gubernskie vedomosti. Chast' neoficial'naja* [Jaroslavl provincial vedomosti. The unofficial part], 1908, 10 oktjabrja. (In Russian).

Author's bio

PUNEVSKY Yaroslav V. – is a post-graduate student of the Department of Russian History, Faculty of History, Political Science and Law of the State University of Education, Moscow, Russia.

E-mail: moskva221090an@gmail.com

Библиографическая ссылка

Пуневский Я. В. Деятельность органов городского общественного управления Ярославской губернии в области противопожарной безопасности в 1870–1914 гг. // SocioTime / Социальное время. 2023. № 4 (36). С. 106–120. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.106

ПОДГОТОВКА И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

Журнал «SocioTime / Социальное время» – это научный, междисциплинарный, рецензируемый аналитический журнал современного социально-гуманитарного знания в области актуальных проблем развития человека и общества.

1. Общая информация. В журнале «SocioTime / Социальное время» публикуются статьи, отличающиеся научной новизной, теоретической и практической значимостью. Авторами статей могут быть учёные-исследователи, кандидаты и доктора наук, преподаватели, аспиранты и соискатели высших учебных заведений и академических институтов России и зарубежных стран, а также исследователи практики. Принимаются не опубликованные ранее научные статьи и дискуссионные материалы научного характера.

Не допускается направление в редакцию статей, уже опубликованных или отправленных в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет отозвана из печати. Редакция принимает к публикации материалы на русском или английском языках по темам трёх основных рубрик журнала (философия, социология и история).

Особое внимание следует уделить качеству перевода.

2. Требования к оформлению и содержанию статей

2.1. Общие технические требования:

- УДК (UDC) указывается в верхнем левом углу статьи;
- инициалы и фамилия автора статьи, место и город работы или учёбы приводятся на русском и английском языках;
- аннотация статьи (200 – 250 слов), ключевые слова (5 – 10 слов) оформляются на русском и английском языках 9-м кеглем;
- текст статьи объёмом 0,4 – 1,0 авторского листа (16 – 40 тысяч знаков, включая пробелы) оформляется в редакторе Word (шрифт Times New Roman, кегль 11, одинарный интервал) в формате А4. Подписуточные надписи, таблицы набираются 9-м кеглем. Рисунки представляются в тексте и отдельно в формате jpeg. На таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте статьи;
- ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;
- список использованной литературы на языке издания (кегль 9) помещается в конце текста и оформляется по мере изложения ссылок в тексте статьи;
- транслитерация литературных источников (*References*) осуществляется с использованием сайта <https://translit.ru/> следующим образом: авторы (транслитерация); перевод названия статьи в транслитерированном варианте; перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках; название источника (транслитерация и перевод на английский язык (в квадратных скобках)); выходные данные с обозначениями на английском языке;
- сведения об авторах на русском и английском языках (кегль 9): Ф.И.О. полностью, учёная степень, звание, должность, место работы или учёбы, почтовый адрес, телефон для связи, E-mail.

2.2. Требования к содержанию и структуре статьи

Аннотация – краткое изложение содержания статьи. В ней должны быть чётко обозначены следующие элементы:

- *Введение (Introduction)*;
- *Методы (Methods)*;
- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение (Results)*;
- *Заключение (Conclusion)*.

Ключевые слова – основные понятия, раскрывающие содержание статьи.

Структура статьи:

- *Введение*: цель, задачи, актуальность исследования, постановка проблемы, история вопроса, обзор основных исследований и публикаций, на которые опирается автор, современные взгляды на проблему, нерешённые вопросы и т. д.;

- *Методы исследования*: методы и подходы (эмпирические и теоретические), использованные в исследовании; организация и ход исследования.

- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение*: изложение основных идей исследования; обобщение и обсуждение его результатов; выводы и рекомендации для дальнейших исследований, вытекающие из работы;

- *Заключение*: теоретическая и практическая значимость полученных результатов; основные направления для дальнейших исследований в этой области.

Список использованных источников оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008. Ссылаться желательно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включённых в глобальные индексы цитирования. Рекомендуется использовать 10 – 30 источников, из них публикаций за последние 5 лет должно быть не менее 5, иностранных источников – 3–5. Следует указать DOI или адрес доступа в Интернете.

3. Список материалов, подаваемых в редакцию в бумажном и электронном видах:

- заявление автора на имя главного редактора;
- текст статьи;
- рекомендация научного руководителя (для аспирантов и соискателей);
- справка о проверке статьи на «Антиплагиат» (к изданию допускаются статьи с оригинальностью текста **не менее 80 %**).

4. Порядок рассмотрения рукописи. Рукопись должна соответствовать требованиям, указанным в пунктах 1 – 3. Рукопись может быть возвращена автору с замечаниями для доработки. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта. Материалы, оформленные не по требованиям журнала, не рассматриваются.

5. Правила оформления статей, образцы документов, порядок рецензирования и архив журнала представлены на сайте журнала «SocioTime / Социальное время»: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net

Телефон редакции (главного редактора) 8(8362)68-60-40.

PREPARATION AND PROCEDURE FOR ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

"**SocioTime / Social Time**" is a scientific, interdisciplinary, peer-reviewed analytical journal of modern social and humanitarian knowledge in the field of urgent problems of human and society development.

1. **General information.** The journal "SocioTime / Social Time" publishes articles that are distinguished by their scientific novelty, theoretical and practical significance. Authors of articles can be scientists, researchers, candidates and doctors of science, teachers, graduate students and applicants from higher educational institutions and academic institutes from Russia or abroad, as well as practical researchers. Manuscripts should not contain substantial elements of material that has been published or accepted for publication elsewhere.

In case of discovery of the manuscript in several editions, the published article will be withdrawn from print. The editors accept for publication materials in Russian or English on the topics of three main sections of the journal (philosophy, sociology and history).

Special attention should be paid to the quality of the translation. The translation should be conducted by a native English speaker, written in high-quality English.

2. Requirements to the manuscript design

2.1. General requirements:

- Classification symbols Universal Decimal Classification (UDC) (upper left corner);
- The initials and surname of the author, in Russian and English (centered, font size 10);
- Abstracts of articles in Russian and English (200–250 words, justification page, font size 9);
- Keywords (no more than 5–10, font size 9);
- The manuscript 7–16 pages (16–40 thousand characters, including spaces) in A4 format, including figures, tables and graphs. The text is made in the editor Word (font Times New Roman, size 11, single spaced). The images should be referenced;
- References in the text in square brackets in accordance with the requirements;
- List of references in the language of publication (font size 9) at the end of the text and in order of references in the text of the article;
- Transliteration of literary sources (References) is carried out using the site <https://translit.ru/> as follows: authors (transliteration); translation of the title of the article in a transliterated version; translation of the title of the article into English in square brackets; source name (transliteration, italics); output with designations in English;
- Information about the authors in Russian and English (font size 9): Full name, degree, position, place of work or study with a mailing address, tel. and E-mail.

2.2. Requirements for the content and structure of the article (main elements of the article)

Abstract (200–250 words) – summary of the content of the article. It should clearly indicate the following components:

- Introduction: purpose, relevance, problem statement;
- Methods: methods and approaches used by the author in the study;

- The main ideas of the study, the results obtained and their discussion (Results);
- Conclusion: theoretical and practical significance of the research results.

Keywords (5–10 words) reflect the main provisions, achievements, results, terminology of scientific research.

The structure of the manuscript is as follows:

- *Introduction*: purpose, objectives, relevance of the study, problem statement, background, overview of the main studies and publications on which the author relies, modern views on the problem, unresolved issues, etc.;

- *Research methods*: methods and approaches (empirical and theoretical) used in the study; organization and progress of the study;

- *The main ideas of the study, the results obtained and their discussion*: presentation of the main ideas of the study; generalization and discussion of its results; conclusions and recommendations for further research arising from the work;

- *Conclusion*: theoretical and practical significance of the results; guidelines for further research in this area.

The list of sources used is drawn up in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5–2008. It is advisable to refer primarily to original sources from scientific journals included in global citation indices. It is recommended to use 10–30 sources, of which there should be at least 5 publications over the past 5 years, 3–5 foreign sources. You must provide a DOI or Internet access address. Sources in foreign languages are given in the original.

3. Materials shall be sent:

- The author's statement addressed to the editor;
- The manuscript;
- Recommendation of the supervisor (for students);
- Certificate on checking the article in the "Antiplagiat" system (articles with original text of **at least 80 %** are allowed to be published).

4. The review process and publication decision. The manuscript must meet the requirements specified in paragraphs 1–3. The manuscript can be returned to the author with comments for revision. After receiving the revised text, the manuscript is again considered by the editorial board. The date of receipt of the article shall be the date of receipt of the final edited version of the article. Materials that are not designed according to the requirements of the journal are not considered.

5. Requirements to the manuscript design, examples of the documents, the review process and electronic versions of the journal are presented on the website: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net

Tel. (Editor in Chief) 8(8362)68-60-40.

Подписка на журнал осуществляется по «Объединенному каталогу.
Пресса России. Газеты и Журналы» (подписной индекс **94236**).